

СИБИРИАДА

ГЛЕБ
ПАКУЛОВ

ВЕДЬМИН КЛЮЧ

Сибиряда

Глеб Пакулов

Ведьмин ключ

«ВЕЧЕ»

2019

Пакулов Г. И.

Ведьмин ключ / Г. И. Пакулов — «ВЕЧЕ», 2019 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-8187-1

Русский писатель Глеб Иосифович Пакулов родился в 1930 г. в станице Буссевской Амурской области в семье казачьего сотника. Служил на флоте, окончил Новосибирскую художественную студию и Киевский университет, работал художником-декоратором в театре, геофизиком в геологических партиях Сибири. По мнению критиков, писателю были подвластны самые разные жанры, что позволило ему создать целый ряд достойных произведений. Пакулов – мастер приключенческой прозы, герои его повестей – геологи, рыбаки, деревенские жители – отличаются сложными, противоречивыми характерами, но, пожалуй, главным действующим лицом его историй является суровая тайга, перед которой все равны. В книгу также включен исторический роман «Варвары», повествующий о жизни и быте скифских племен.

ISBN 978-5-4484-8187-1

© Пакулов Г. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Вместо предисловия	5
Расписка	7
Ведьмин ключ	51
Глава 1	52
Глава 2	54
Глава 3	57
Глава 4	60
Глава 5	64
Глубинка	68
Глава 1	68
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глеб Иосифович Пакулов

Ведьмин ключ

Сборник

Вместо предисловия

Совсем недавно в целлофановом пакете со случайно сохранившимися рукописями, письмами (Глеб Пакулов никогда ничего не собирал и не хранил), я обнаружила и со вниманием прочла рецензию Константина Седых от 8 апреля 1969 года на повесть Г. Пакулова «Расписка».

Суть рецензии вкратце такова: повесть надо было посвятить лучшим из лучших наших советских геологов, сильным, мужественным и закалённым людям, радующим нас открытиями полезных ископаемых. Но автор решил подойти к этому делу иначе. Г. Пакулов не нашел ни одного геолога, ни одного рабочего, чтобы они остались в нашей памяти такими героями, как П. Корчагин или лётчик Мересьев. Это повесть в основном о серых и жалких людях (кроме симпатичного Гошки – человека, с которым можно идти в бой и геологический поход). Лучше мужчин автору удались женщины. Похвалил Константин Седых диалоги: «Хороши у Пакулова диалоги. Они почти всегда лаконичны и выразительны». Так, видимо, считал и Александр Вампилов – он подарил Пакулову московское издание пьесы «Прощание в июне» (1906 г.) с надписью: «Пакулову от Вампилова как драматург драматургу».

Вывод таков: «У Пакулова есть все данные довести повесть до самой высокой кондиции, человек он, безусловно, способный, с хорошими литературными задатками. Важно ему только помнить, что он должен быть не вообще писателем, а писателем советским. Поскольку повесть имеет существенные идейно-художественные просчёты, для отдельного издания она должна быть существенно переработана».

Перерабатывать Пакулов ничего не хотел. Он более десяти лет работал геофизиком Сосновской экспедиции, не однажды попадал в ситуацию, подобную той, которую отобразил в «Расписке». Он видел всяких геологов и рабочих, и таких, которые во всех обстоятельствах сохраняют достоинство человека, видел и тех, кто не выдерживает обычных капризов сибирской природы, теряют себя в условиях оторванности от привычной среды, вынужденного безделья и т. д.

Повесть вскоре опубликовали в альманахе «Ангара» благодаря заступничеству А. Шастина, который, в пику К. Седых, на этом же писательском собрании сказал: «Разбудите меня ночью и спросите, надо ли публиковать повесть и я отвечу – надо!» (Так вспоминал Г. Пакулов.)

В 1975 г. «Расписка» и «Ведьмин ключ» вышли в Иркутске в сборнике с повестями С. Китайского «В начале жатвы» и Б. Степанова «После войны». «Расписку» напечатали с предварительным условием – Гошка должен жить. Пришлось его из-под лавины откопать. В конце повести Гошка отбивает на базу телеграмму об открытии полевого сезона. Повесть и всю книгу так и называли – «Открытие сезона».

Сборник повестей Г. Пакулова, выпущенных московским издательством «Современник» (Глубинка. М., 1984 г.), был так лихо отредактирован неким Л. Егоршиловым, что автору оставалось лишь порадоваться, что книга до Иркутска не дошла.

На этом злоключения «Расписки» не закончились. Недавно я обнаружила, что в 2010 г. все повести московского издания Глеб Пакулов исправил по рукописям (кроме «Ведьмина ключа»). Похоже, «Расписку» автор решил приблизить к первоначальному замыслу, а главное, точнее поработать по слову. Это он любил – текст книги весь испятнан карандашными поправ-

ками, которые я с помощью лупы усердно разобрала и отпечатаала. Этот текст и предлагаю издательству «Вече» в надежде, что он заинтересует и читателя.

Тамара Бусаргина

Расписка

Повесть

С охапкой облепленных снегом поленьев Женька, практикант-геолог, впрягся в палатку, бросил их у железной печки. Поленья мёрзло стукнули об пол, скользнули в стороны.

– Устрою вам Ташкент! – весело пообещал он, отряхивая телогрейку.

– Практикуйся, студент, – кивнул геофизик Гошка. – Жар костей не ломит.

– А вошка тепло любит, – поддакнул практикант.

Гошка сидит на нарах и катает на крышке радиометра тоненькие свечи. В палатке, подбитой суконным утеплителем, сумрачно. Перед Гошкой горит фитиль в банке с топлёным жиром. Пламя на конце фитиля свинчивается и копотно уносится к брезентовому потолку.

Ещё недавно в отряде были свечи, и их жгли напропалую. Гошка тоже жёг, но аккуратно собирал огарки, плавил их и припрятывал. Теперь он катает из сбережённого парафина кривенькие свечки и сбывает их Женьке. За это студент – любитель читать по ночам – состоит при нём на побегушках. И того и другого эта игра забавляет.

– Дьяво-ол! – ноет Женька, стараясь протолкнуть в печку сукастое полено. Из дверцы густо валит дым, щиплет глаза. Студент отмахивается от него двумя руками, кашляет и плюётся.

– Хрен ты, а не дневальный! – глядя из-под упавшего на глаза чуба, кричит Гошка. – Опять коптильню устроил. Огня давай!

С противоположных жердяных нар на Женьку смотрит геолог отряда Сергей. В зыбком свете плошки лицо его тускло освечивает медью. У него давно болит зуб, и оттого он хмур и сердит.

– Чего орёте? – раздраженно спрашивает он, поддерживая ладонью вздутую щеку. – А ты, друг Евгений, аккуратней кочегарь. Не сдельно нанялся дымить.

Он слез с нар, отбросил полог и вышел из палатки. Студент подёргал полено, отчего железная печка скособочилась и заскрежетала в суставах жестяная труба.

– Просовувай або выбрасувай! – командует Гошка. – Ну-у!

– А я что делаю?! – орёт студент. – Сую!

– Ти-хо!.. Что за бедлам опять? – хрипло спрашивает начальник отряда. Он сидит за складным столиком в углу палатки и, низко припав к бумагам, скрипит пером. Начальник щуплый, в зелёном х/б, не сразу отличишь от брезента, и тоже дымит «Беломором», прикуривая одну папиросу от другой.

Женька каблуком сапога бьёт в торец полена.

– Но-но! – прикрикнул начальник. – Печь свалишь и сгорим за секунду. Брезент же кругом.

Студент брякнул дверцей, поправил как мог печку и скособоченную трубу.

– Грейтесь, – проворчал, размазывая сажу по лбу. – А то замёрзли от ударной работы. – Он снял с подпорного столба тозовку, клацнул затвором.

– Браконьер! Опять куропаток калечить, – пристыдил Гошка. – У них вот-вот птенцы выплупятся.

– Самцов, Гога, можно, – убеждённо отрезал студент. – Они теперь безработный элемент, трудны, как мы.

Начальник поднял голову от бумаг.

– Погода портится, – кивнул на перекрещенное брезентовыми лямками оконце. – Займись чем-нибудь другим, пересиди, а то попадешь в буран, как прошлый раз. Переживай тут за тебя, людей на поиски гоняй.

– До бурана вернусь, – натягивая свитер, ответил Женька. – От палаток далеко не уйду. Обещаю не гибнуть безвестно.

– Ну, развинтились. – Начальник покашлял в кулак. – Что в голову взбредёт, то и протяпывают. Ни распоряжений, ни техники безопасности для них не существует.

– Обижаешь, Харлампий Адамыч, – набивая магазин тозовки блестящими патрончиками, надулся студент. – Лично я все распоряжения исключительно бегом выполняю, технику безопасности, даже когда спу, повторяю.

Он до бровей напятил берет со значком бородатого «команданте», прощально поднял руку.

– Постой! – приказал начальник. – Проведём инструктаж.

– Так его, хищника, Харлампий, накачивай мудростью.

Харлампий, как от надоевшей мухи, отмахнулся от Гошки, пальцем поманил к себе студента:

– Иди-иди к столу. Куропатки тебя подождут. Месяц кончается, обязаны повторить. Присаживайся на часок.

– Чего-с? – качнулся к нему Женька.

– А того-с, – в тон ему ответил Харлампий, – рискованный ты чересчур, шалопай, я погляжу.

Гошка с интересом вслушивался в их пререкания, не вытерпел:

– А что они, инструкции, меняются, што ли, чтоб их бесконечно повторять?

– Давай вечером проведём, – предложил Женька. – На сон грядущий.

– Вы что за моду взяли этак разговаривать? – Харлампий постучал кулаком, ухватил плоску и, подсвечивая себе, нырнул под стол. Женька обречённо стащил берет, присел на краешек нар.

– Порядок есть порядок, – ворчал Харлампий, гремя замком выючного ящика. – Если начнём отсебятину пороть, анархия будет, а не отряд.

В палатку вернулся Сергей, удивлённо взглянул на присмиревших, чинно сидящих парней, улыбнулся косо.

– Чего это вдруг приуныли? – Он поводил глазами. – Где начальник?

Гошка показал пальцем. Сергей озадаченно нахмурил лоб, заглянул под стол. Потом прилёг на нары, достал книгу по минералогии.

– Сергей Иванович! – обратился Женька. – Как ты мозги не вывихнешь этими ромбодекаэдрами? В институте не усвоил? Ведь немолоденький уже.

Сергей лениво навёл на Женьку выпуклые глаза, с шумом втянул воздух и отвернулся к стенке.

– Правильно поступает Сергей, – продышал из-под стола Харлампий. – Пока время есть, надо его с толком использовать.

Зажав под мышкой бухгалтерскую книгу, с плоской в руке, покрасневший Харлампий вылез на свет, поёрзал, усаживаясь на скамье.

– Апрель, май. – Он полистал страницы. – Вот! – ткнул пальцем в пустую графу. – И не морочь мне голову. Росписи нет? Нету. А это что означает? А это означает, что правила техники безопасности на текущий момент повторить обязан. Так сказать, быть во всеоружии подкованным.

– Подставляй копыта, студент! – Гошка сочувственно покачал головой.

– Давай, давай! – нетерпеливо потребовал Женька. – А то пойду заблужусь, замёрзну, но от сознания, что накачан инструкциями, оттаю, воскресну и явлюсь...

– Хватит скалить зубы, – мягко попросил Харлампий. – О тебе же беспокоятся, дорогой мой... Вопрос: что будешь предпринимать, если на улице ураган, а тебе надо попасть в соседнюю палатку?

– В этих случаях ходят, держась за протянутую от объекта к объекту верёвку, – заученно начал Женька. – Если оторвёт от оной или она лопнет, надо сесть и не сходить с места!

– Правильно, – строго кивнул Харламий. – Ну и... Так и будешь сидеть?

– Что вы, что вы! – Женька выставил испачканные сажей ладони. – Буду выть на помощь и не терять присутствия духа, свойственного человеку, воспитанному в духе патриотизма и верности...

– Последнего в инструкции нет, но вижу – не забыл. Пошли дальше.

– А дальше я ещё лучше знаю.

Он схватил ручку, небрежно черкнул в книге и отошел, подмигнув Гошке, мол, туфта всё это, взял тозовку и важно прошествовал к выходу. Харламий накрыл промокашкой Женькину подпись, тиснул ладонью, хмыкнул.

– Вот арап! – прищурился, взглянул на Гошку. – Твоя школа.

– Не-ет! – Гошка тоже приузил глаза. – Школы у нас разные у всякого.

– Допустим, допустим... Ну а сам что предпримешь, если, к примеру, бурная река, а тебе её необходимо перебрести?

– Необходимо, значит, как-нибудь переберусь, – раскуривая сигарету, ответил Гошка.

– То есть как это – «как-нибудь»? – насторожился Харламий. – На этот счёт есть точные указания к действию. Ты-то что мне голову морочишь, кажется, не новичок в геологии. Женьку можно понять, практикант, второй курс, трепач, а ты?

– Стоп-стоп-стоп! – замахал руками Гошка. – Ты меня неделю назад проинструктировал, когда я собирался на участок сходить.

Харламий быстро заглянул в книгу.

– Неужто запомнил? – Он подозрительно взглянул на Гошку. – Роспись стоит, гуляй смело... И у тебя, Сергей. – Бережно перемахнул несколько страниц. – Графа, кажется, в порядке. Вот она, подпись, всё в аккурате.

Сергей повернул голову, бессмысленно из какого-то своего далека уставился на Харламия. Начальник рукавом обмахнул коленкорный переплёт книги и полез под стол прятать.

Бухгалтерскую книгу эту Харламий завёл давно. Чьих только подписей в ней нет. Все, кто побывал под его началом, оставляли их на её страницах, да не по разу: расписывались ежемесячно, такой порядок был заведён в экспедиции. Но если у других начальников отряда люди расписывались в чём угодно: в ученических тетрадках, блокнотах, а то и вовсе на клочках бумаги, то у Харламия Адамовича Полозова это дело обставлено чётко, по-бухгалтерски.

Из всего нынешнего состава отряда один Гошка знал, откуда у него такая слабость к учёту и прочей «бухгалтерии». Лет пять назад в отряде Харламия произошло ЧП: не вернулся из маршрута студент-практикант. Искали его долго. И наземными группами, и с воздуха – вертолётами. Когда стало ясно, что не отдаст тайга практиканта, а ответить за него кому-то придётся – зашуршали бумагами. Тогда-то и открылось, что нету одной, наиглавнейшей, росписи пропавшего – в книге учёта знаний по технике безопасности при ведении геолого-поисковых работ. За предыдущий месяц стоит, а за этот нету. И долго пришлось бы Харлампию топтать бесплатную обувь, да приспела телеграмма из управления: нашелся студент. Кружил, блудил по тайге, и повезло – наткнулся на якутов-охотников. Харламий после этого случая несколько полевых сезонов отсидел на базе экспедиции замначем по хозяйственной части, а нынче снова возглавил отряд. Теперь в книгу свою – прошнурованную, в надёжной обложке – лишний раз заглянуть считает делом верным. Не то что боится за маршрутчиков – печальный исход в тайге стал редким, техника выручает, – просто усвоил, что нельзя отпускать людей в дебри с просроченными подписями. В первые дни по захозовской привычке за банку тушенки, пачку сигарет заставлял расписываться, но скоро поостыл. Понял, что подпись от подписи отличается. Теперь консервы, папиросы, спички и прочее хозяйственное добро на поварихе висит. Она за полставки тянет эту нагрузку, с неё и спрос.

Гошка лежал на спальнике, прикрыв руками глаза. Тишина, от которой в ушах разливался тоненький звон, стояла в палатке, и ему казалось, что он ощущает её, плотную, ватную. Он сделал руками гребок, будто разбрасывая душный наволок, резко поднялся и стал натягивать сапоги.

– Гро-об несут, коня ведут! – мрачно завёл он. – Конь голову клонит!

– Прекрати, Георгий, – не поднимая головы от бумаг, попросил Харламий и помотал вялым лицом. – С виду парень взрослый, как таковой и есть, а ведёшь себя... Плохо ведёшь, безответственно.

– Эх, да что я, не знаю сам, люди? – Гошка сжал на коленях ширококостные кулаки. – Сознаю. За спиной как-никак два полных курса: технический и плюс на общем режиме.

Харламий и Сергей удивлённо уставились на него. Их поразил серьёзный тон, которым он произнёс эти слова. В конце концов от него и пошла в отряде мода – ёрничать, подшучивать друг над другом. Вначале это как-то забавляло, потом надоело. Видимо, надоело и Гошке, да всё продолжал упорно в том же духе. Изредка скажет всерьёз, так на него уставятся недоумённо: все давно привыкли к его подначкам и не ждут ничего другого.

– Паясничаю, – продолжал Гошка, – рожи вам строю, да не только вам, а и для себя. Нас взбалтывать надо, иначе такая муть на душу осядет, окочуримся на этом гольце от безделья.

– А ты подыщи себе «делье», – посоветовал Сергей. – В геологии района лишний раз подразберись, в приборах покопайся, паяй или что там, я не геофизик, не знаю. Но чем-нибудь займись.

Гошка с неприязнью взглянул на него, усмехнулся:

– Этим я всю зиму на камералке вплотную занимался, и все приборы в порядке. Без нужды копаться в них, ваньку валять, не могу. А вот ты можешь, ну и лежи себе, жуй пережеванное, у тебя получается. Но я-то! – Он подолбил в грудь кулаком. – Я-то, бесталанный, живого дела хочу. В маршруты ходить, рабо-о-тать!

Сергей вроде не слушал, что-то выписывал из книги в толстую тетрадь.

– Вот ты занят делом, как я себе представляю. Пока мы тут груши околачиваем, может, кандидатскую накатаешь, – заиздевался Гошка. – Продолжай. Могу тему подкинуть, соответствующую духу времени. А то и две.

– Это какую же? – поинтересовался Сергей.

– Излагаю, записывай. – Гошка серьёзно уставился на Сергея. – Влияние благосостояния народа на диаметр канализационных труб, ширину и вместительность унитазов. Это первая. Вторая...

– Довольно пороть хреновину! – вскинулся Сергей. – Не одному тебе тошно. Бездельничаем вынужденно, дорогой мой, терпи.

– Вообще-то, не твоё это дело, Георгий, – вмешался Харламий. – Раз человек чувствует, что может, пусть пробует. Годикам к тридцати пяти защитит диссертацию, а это, знаешь, это уже высота-а...

– Стоило для этого лезть на голец! – Гошка оттопырил губы. – Утопли в снегу с головой, а всё ж «нам сверху видно всё»? И зори и дали светлые...

– Понесло-о, – хмыкнул Харламий – Чего только в башке твоей нету, чего только не ляпаешь. Статья по тебе плачет, без права переписки. Не сиделся в ИТП.

Рисуя в тетради ёлочки, Сергей вздохнул:

– Не удивляйся, Харламий. Ещё месяц, как куры на яйцах, здесь проторчим, все заговариваться станем.

– Почему же «заговариваться»? – Начальник откинулся спиной к стенке. – Следить надо за собой, лишнего не брякать, не заговоришься... А тебя, Георгий, давно бы стоило за язык притянуть, да по всей форме. Я знаю, какие разговорчики среди рабочих ходят. К примеру, о

характере наших работ. Не хуже любого из ИТР знают, что ищем, зачем ищем. А кто с ними панибратствует, туры всякие разводит?

– Извиняюсь, разговоров про тилур и всякую зашифрованную хренотень не ведём. Беседы исключительно про международное положение, о выплавке чугуна и стали на душу населения, о...

За стенами палатки прохрупал снег, отдёргнулся полог. В ярко-белом прямоугольнике входа черно запятнала фигура Женьки.

– Как жизнь без меня? – заорал он, обстукивая сапоги.

– В духе и свете эпохи! – бодро отрапортовал Гошка. – Лежим в поте лица! Работаем на мирный атом!

– Молодцы! – весело похвалил студент.

– Что там? – Харламий ткнул рукой в брезент. – Опять снежит?

– Ага. – Женька задёрнул полог. – Опять снежком пробрасывает.

Чавкая сапогами по раскисшему земляному полу, он подошел к Гошке, потряс над головой куропаткой. По белой её грудке скатывались красные градины, печально болталась мокрогрудая головка.

– Убери, – потребовал Гошка.

Харламий зажмурился, пристыдил:

– Как не жалко, как рука поднимается.

Женька поставил малокалиберку в угол, вышел и скоро вернулся без птицы. Сергей безгласно смотрел в мутное оконце, за которым начали густо мельтешить снежинки. Стало ещё сумрачнее. Временами по брезенту щелкало, будто кто-то швырял бекасинником, и тогда через жестяную разделку вверху палатки влетала снежная крупа. Она сеялась на печь и шипела, припорошивала головы, таяла.

– Сыпь, родной, давненько не было, – смахивая с кудрей мелкие бисеринки, сквозь зубы процедил Гошка. – Июль сейчас или октябрь?

– Действительно. – Сергей сунул тетрадь под спальник. – Такой вот глобус. Всё перепуталось.

Гошка тут же подхватил:

– Под знаком зодиака, Стрелец стал Львом, а Дева стала Раком.

– Пробыл в узилище всего ничего – а нахватался... – Сергей стал надевать куртку. – Пойду взгляну, как там погода, не задурила бы надолго. Женька достал шахматную доску, громыхнул фигурами. Гошка согласно кивнул, и Женька тут же скинул сапоги, забрался к нему на спальник.

Оранжевые блики от раскалившейся печи прыгают по полу, потрескивают смолистые поленья. Гошка берёт в руки по фигуре. Прячет за спину. Студент не любит играть черными и молчит, пытливо заглядывает в лицо Гошки, пытаясь отгадать по глазам, в какой руке у него белые.

– Левая! – Он схватил его за рукав: – Кажи! – Гошка разжал кулак, засмеялся. Женька закатил глаза, простонал:

– Ну невезу-уха. Всё время черные!

Через полчаса вернулся мрачный Сергей. Он подсел к столику Харлампия, вытряхнул в ладонь из флакончика таблетку пирамидона, положил в рот.

– Харламий! Я с рабочими разговаривал.

– О чём же?

– Не верят, что тут когда-нибудь начнём работы. – Сергей хрустнул таблеткой, поморщился. – Я вот о чём подумал: нам не спрашивать надо – прилетит вертолёт или не прилетит, а требовать надо. Разумно будет перебраться с этого участка на другой и начать работы. Здесь неизвестно сколько прождём.

– Легко рассудил, – укорил Харламий. – Нас на другой участок до тех пор не перебросят, пока этого не оценим. Кому хочется расходы по лишней транспортировке на собственную шею принимать? Никому. Стало быть, подождём. Вон на соседних гольцах снег уже почти сошел.

– Они ниже нашего, – возразил Сергей.

– Выше, ниже!.. Чего теперь-то шумиху поднимать? Надо было на базе паниковать, упираться. – Харламий перебрал бумаги с места на место. – А то ведь как было? Никто и рта не раскрыл...

– Гошка протестовал, – вспомнил Сергей, но Харламий не слушал, продолжал:

– ...А теперь, задним числом, крик поднимать не стоит. На базе не хуже твоего знают о нашем положении. Не так ли?

– Странно всё это. Майский план сгорел, июньский горит, никакой отчётности не шлём, а руководству хоть бы хны. Почему ни разу не прилетят, не глянут своими глазами? Ведь не всё же время нет лётной погоды! – Сергей отодвинул плошку к начальнику, сказал, глядя в его высветленные глаза: – Я десять лет в экспедициях и всякого насмотрелся, но чтобы пятнадцать человек в течение сорока дней били баклуши, такого видеть не приходилось. Возможно, в вашей экспедиции это в порядке вещей, я не знаю, я человек новый, но это же головотяпство форменное!

– Но и по-другому можно назвать, – мягко заговорил Харламий. – К примеру – стечение обстоятельств. По-всякому можно назвать, но всё это будут голые слова, а вот две тысячи кубов канав выкопать надо, это факт, вот он, в бумагу вписан. А где прикажешь копать? Здесь! Снег сойдёт – и нажмём, дадим план. Попутно пойдёт съёмка, то да сё, перекроем кое-что, выкрутимся. – Он оттолкнул плошку назад к Сергею, приказал из потёмков: – Не паниковать! Будем ждать, пока оголится земля.

– Мы, ИТР, подождать можем, но какой смысл держать канавщиков? – не сдавался Сергей. – Пусть развезут их по другим отрядам, где их можно использовать. Временно. Ведь отдачи от них никакой. Один ропот.

– Я это понимаю. – Харламий поправил фитилёк копилки. – Вот сижу, дни им актирую, нарядики выписываю в счёт будущих заработков. Проведу каждому по триста рублей – и ропот утихнет. Начнём работы – удержу разницу.

– Это в перспективе, – всё больше мрачней, ответил Сергей. – И бог знает в какой ещё.

– Ты на своём не настаивай, Сергей Иванович, не упрямясь, – набычившись, с заметной угрозой предупредил Харламий. – Ну, потребуем вывести рабочих. А какие разговоры на базе пойдут, тебе известно?... Скажут, не справился Полозов с обязанностями, отвык от полевых условий. Допускаю – снимут меня. Но и ты как геолог отряда слетишь. Не знаю, как тебя, но меня такая перспектива не манит. Так что, Серёжа, пусть будет всё как есть, а начнём кубы выдавать, покажем – справляемся с обязанностями или нет.

– Да, но время упущено и понимаешь... – Сергей пошевелил пальцами. – Боевой дух из рабочих вышел.

– Ну хватит. – Харламий пристукнул ладонью. – Я сказал, рубли от них не уйдут, рубли не дух, да и я не дерево какое-нибудь, понимаю, всем надо есть.

– И пить! – подсказал Женька, вода над доской ферзем.

– И пить! Да! – Харламий повернулся к шахматистам. – Прошу не вмешиваться в серьёзный разговор!

Сергея снова стал донимать зуб. Он кривил лицо, с шумом подсасывал воздух, потом решительно поднялся, подошел к ребятам.

– Слушай. – Он потемневшими, вымученными глазами смотрел на Гошку. – Будешь связываться с базой, передай, что требуем снять нас с участка. Требуе-ем!

– Что-о? – Харламий приподнялся над столиком. – Ты... Ты по какому праву распоряжаешься?

– И требуем начальника экспедиции, – закончил Сергей и повернулся к Харлампию. – Распоряжаюсь по праву старшего геолога отряда.

– Та-ак, – начальник растерянно заводил глазами. – Сидели, терпели и – на тебе! Недельку какую-то переждать не можем, сами на рога лезем!

Гошка злорадно хохотнул и снял Женькиного ферзя.

– Мат? – не поверил Женька. – Я зевну-ул! Верни ферзя!

– Прекратите бедлам! – фистулой перекрыл Женькин вой Харлампий. – Слово тихо сказать нельзя! Не отряд, а содом какой-то, гоморра. Тут, понимаешь, – он подолбил лоб костяшками пальцев, – голову от забот пучит, а они!

В палатке стало тихо.

– Продул, сдаюсь, – шепотом признал своё поражение студент и смахнул фигуры с доски. Гошка снизу вверх глянул на Сергея, спросил:

– Чьей подписью скрепить телеграмму?

Сергей пожал плечом:

– Моей, разумеется. И начальниковой.

– Я арестовываю рацию! – объявил Харлампий.

– То есть? – заморгал Гошка. – Каким образом? Кляп в глотку и наручники надеть?

В палатку поскреблась и робко вошла повариха Вера. Свет, едва пробиваясь сквозь брезент у входа, бледно обрисовывает её узкое вдовье лицо.

– Обедать будете? – тихо спрашивает она.

– Попозже, – ответил Харлампий. – Накормите сперва рабочих.

Вера из-под низко повязанной косынки смотрела на малиново ракрасневшуюся печку, не уходила. Женька надёрнул штаны, влез босыми ногами в сапоги.

– Пойду похлебаю, вы тут без меня разберётесь, – бурчал он. – Тебе, маэстро, могу обед на дом доставить, но только за две свечки. Учитывая мой проигрыш и предстоящий нервный криз.

– Тащи. Дам две, – улыбнулся Гошка. – Вера, что ты там вкусного напарила?

– Сечку. – Повариха виновато вздохнула. – Ка-ашу.

– Что такое, Смирнова? – с неотошедшим гневом спросил Харлампий. – Опять эта сечка!.. Нету других продуктов, что ли?

Повариха переступила грязными сапогами, потупилась.

– Да я б и первое, да я бы второе какое получше сготовила, да печурка одна, махонькая. – Вера затеребила кофту. – Цельный день вокруг неё топчусь, по лыве плаваю. Попросила ребят, чтоб хоть воду из кухни отвели, говорят: «нам и так хорошо». А у меня уж ноги околodили.

Она всхлипнула, прижала к губам конец косынки и вышла. Следом с миской в руке выскользнул Женька. Харлампий убрал бумаги во вьючный ящик, постоял у печки, подумал и сел бриться.

После обеда в палатку ИТР зашли двое рабочих-канавщиков.

– Можно? – спросил щуплый, похожий на подростка, тридцатилетний Васька, за пристрастие к густому чаю прозванный Чифиристом. Его вечно знобит, он плотно запахивается полами телогрейки и всовывает в рукава, как в муфту, бледные суетливые руки.

– Входите, – разрешил Харлампий. – Что у вас?

Васька посмотрел на напарника – Николая, плотного здоровяка, мол, говори давай, зачем пришли, даже подтолкнул локтем.

– Ребята поговорить с вами хотят, – начал тот. – Решать надо...

– Просют к нам заглянуть, – просипел Васька. – Заодно прокомиссуете, в каких условиях трудящиеся живут.

– Ну-у, хорошо, зайду, – пообещал Харлампий. – Вот дела доделаю.

Рабочие степенно вышли. Всё ещё сидя на нарах, Гошка с интересом проводил их глазами, потом стал наблюдать за явно встревожившимся Харлампием. Женька занимался своим делом – пристраивал к самодельным лыжам-снегоступам крепления, весело насвистывал.

– Что это они, а? – ища ответа, заводил головой Харлампий. – Парламентёров прислали, так надо понимать?

– И понимать нечего. – Гошка подогнул ноги калачиком. – Сходи, поговори по душам, пора бы.

– Вот именно – по душам, – ковыряя больной зуб спичкой, поддержал Сергей. – А то настроение у них... Уйти могут.

– Куда-а? – вытаскивая из лыжины вогнутый гвоздь, выкрикнул Женька. – Жить им надоело, что ли?

– Здесь жить надоело. – Гошка сделал ударение на первом слове. – Вполне допускаю, что снимутся и пойдут с этой Голгофы.

– Не болтай. – Харлампий вздёрнул подбородок. – Надоело, понимаешь?

– Ну сам рассуди. – Гошка протянул к нему руки. – Нам зарплату и полевые начисляют аккуратно, а это уже кое-что, а не ихняя повременка. Знают они разницу? Знают. Обидно? Факт. Так что, Харлампий, могут запросто и того...

– Что это – «могут и того»? – Начальник приузил глубокие, близко к переносице посаженные глаза. – К чему намёки, недомолвки? Договаривай!

Женька перестал насвистывать и, готовый заржать от Гошкиного ответа, замер над лыжиной.

– Значит, так. – Гошка выдержал паузу. – Пойдёшь на переговоры, прихвати наган. Чуть чего, ты вверх – «бах», как ординарец Петька в «Чапаеве», и быстро, в тишине, пока не очухались, излагай приказы и инструкции.

– Безответственный ты человек! – с надсадом упрекнул Харлампий. – Всё бы тебе «бах»!

Гошка с Женькой захохотали. Сдержанно посмеялся и Сергей. Глядя на них, Харлампий покривил губы и неожиданно улыбнулся.

– Хорошие вы ребята, – сказал, – только трепачи весёлые. Вот стукнет каждому по сорок, как мне, загрустите.

– Поумнеем, – уточнил Женька, вертя в руках лыжину. – Как, братцы, сгодится?

– Шею сломать, – ответил Гошка.

– Ну, мужики. – Женька забеспокоился. – Ну, честно?

– Отличные снегоступы, – поднимая с пола вторую лыжину, похвалил Сергей. – Заказываю себе. Очень хорошо, Женька, очень.

– Ходули бездарные, в мастера! – отрубил Гошка.

Студент выпустил лыжину и ринулся на Гошку. Вскрикивая, они беззлобно завозились на нарах. Харлампий подошел к рации, насупился.

– Довольно дурачиться! – прикрикнул, трогая пальцем стылый глаз индикатора – Развеселились, чертяки, хохочут на весь лагерь.

Растрёпанные, тяжело дыша, парни сидели перед Харлампием, улыбались.

– Послушайте, где вы всякой чепухи нахватались, оболтусы? – участливо спросил Харлампий. – Пы-ы-ыли в вас... А теперь серьёзно. То, что я рацию арестовал, это, сознаю, через край хватил. Вот схожу к рабочим, поговорю, тогда и решим ладом, что предпринять. Вам, Сергей Иванович, тоже не худо бы поприсутствовать как заместителю.

Сергей колыхнул плечом, дескать, надо так надо, и по ступенькам, вырезанным в снегу, затопал вверх из палатки за начальником.

В палатке у канавщиков светлее – снят суконный утеплитель. На верёвке, провисшей над железной печью, сушится одежда, гудит труба, жарко, накурено. Перед открытой дверцей

сидит парень в синей майке, курит. От жары у него вспотела голова и черные косички волос прилипли ко лбу. Рядом стоит Васька и с озабоченным видом запаривает густой чай в задымлённой литровой кружке. Николай сидит в углу палатки, читает толстенный роман под заглавием «Море в ладонях»:

– «...и она горячо и пылко прижалась к его мужественной груди, и смех их журчал, как ручейки в скалах, а море шептало: люблю, люблю...»

Васька глядит в кружку – не уплыл бы чифир – и каждое предложение сопровождает одной и той же фразой:

– Во дают чуваки!

– Не встревай, люди слушают, – урезонивает его парень с забинтованными глазами. Парень этот прихватил горную болезнь – слепоту – и не может глядеть на снег.

В противоположном углу палатки идёт весёлая игра в карты. Играют в подкидного. Все так увлечены, что не заметили вошедших. Харламбий поздоровался, направился к игрокам.

– Ну, кому везёт? – спросил он, взглянув на карты. – Кто в дураках?

– А все дураки, товарищ начальник. Присаживайтесь, – пригласил бородатый Хохлов, тасуя только что начатую глянцевую колоду. Хохлов – бригадир. У него черная кудлатая голова цыгана и светлые, удлинённо-дикуватые глаза.

– Спасибо, я в азартные игры не люблю, – отказался Харламбий. Он побулькал сапогами в журчащей по полу талой воде, пристыдил: – Что ж вы, товарищи дорогие, и ты, бригадир, для себя постараться не хотите? Окопали бы палатку водоотводной канавкой – и порядок. Мы свою окопали, и теперь терпимо, не такое болото.

Слушая начальника, Хохлов с треском гнул колоду, молчал, насмешливо кривя губы.

– А нам тут не век жить, – просипел от печки Васька-Чифирист. – Вам – другое дело. Если разобраться – специальность заставляет, потому окапывайтесь.

– И оклад большой и хороший, – поддержал парень в синей майке. – А мы нынче здесь, завтра посмотрим.

– Ждёте, чтоб дядя вам окопал? – Харламбий потряс рукой. – В любой обстановке надо устраиваться по-людски. Вон сколько вас, гавриков. Вышли разом – и все дела. А то хлев!

Фуркнули карты из рук Хохлова и веером шлёпнулись на спальный мешок.

– По пустякам вы ругать умеете, – растягивая слова, заговорил он. – Давайте о серьёзном поговорим.

– Давайте, – закуривая, кивнул Харламбий. – Мы для того и пришли.

Хохлов гладил бороду, будто доил её.

– Работать когда-нибудь начнём или нет?

– А как же. – Щуря глаз от дыма папиросы, Харламбий наугад совал сгоревшую спичку в коробок. – На днях и начнём.

Хохлов покрутил головой.

– Сами, поди, в это не верите, а говорить приходится, понятное дело почему. – Он оглядел рабочих, словно искал подтверждения своим словам. – А мы вам так скажем: вызывайте сюда руководство, пускай полюбуются на снег и решают, кого там, раз вы сами не в состоянии. Почему никто из них глаз сюда не кажет, почему так?

– Чудак ты человек. У руководства... – Харламбий ткнул пальцем вверх, – всяких других забот много. Таких отрядов, как наш, в экспедиции десяток. Побывать у всех времени не хватает.

– У нас зато лишнего времени навалом. – Васька снял с печи кружку, поплевал на обожженные пальцы. – Вот и пусть летят. Поделится.

– Да они нарочно не летят, чтобы мы тут на ихнем же вертолёте не задали! – крикнул перебинтованный.

Рабочие зашумели:

– Сидим, свищем в кулак!

– Нанимали – тыщи сулили, а забросили куда? В Антарктиду!

– И пущай не летят! Пёхом утопаем – и привет!

Хохлов поднял руку, повёл ею, будто смахивая гвалт, сказал в тишину:

– Верно, братва, всё верно. Завезли нас и держат, сами не знают зачем, да еще толком ничего не объясняют.

– Ни газет поинтересоваться, ни радива! – цедя чифир сквозь марлю, выкрикнул с хрипотцой Васька и остро глянул на Сергея. – Сами небось тёпленько устроились. И джазики мурлычат по ночам, и девахи повизгивают. Житуха!

– Погодь ты с девахами, – зло осадил его Харламий. – Давайте будем рассуждать... Июнь месяц идёт, а лета нету – вот что интересно!

– Говорю тебе – его не бывает тут. Вообще. – Васька развёл худенькими руками. – Антарктида.

Харламий повернулся к Ваське.

– То есть как это – не бывает? – Он снова побулькал в воде сапогами. – Вот же ведь тает. Это ли не доказательство? Тает! «Антарктида»!

– К августу, в лоб её, стаит! – ругнулся Васька. – К тому периоду последние штаны сотрём. – Он отхлебнул из кружки и, обжегшись, сплюнул. – Та-аит!

– Вот! – Хохлов с усмешкой ткнул в него рукой. – Видите, до каких нервов довели человека. Так что просим решительно отправить нас на базу. Подгоняйте транспорт и – аля-улю.

– А не хочется – платите по четыреста колов в месяц независимо. Тогда я согласный лежать. – Васька задрал рубаху. – Во! Кажись, до пролежней довалялся, чего уж там.

Из угла выдвинулся ослепший, прокричал с обидой из-под низкой повязки:

– Может, нас уже на счету никаком нету! Забросили на ледник и позабыли. Ежели не прилетит завтра трещотка, пёхом утопаю в жилуху!

– Все уйдём! – решительно поддержали рабочие.

– Хлопцы! – криком вмешался Сергей. – Прошу выслушать!

– Опять уговаривать и заливать станете, чтоб потерпели? – перебил ослепший. – А тут даже снег такой, глаза портит.

Сергей стиснул его за плечи, успокоил:

– Это пройдё-ёт! Еще денёк-другой посидишь в темноте, и отпустит. С кем не бывало. – Он повернул голову и встретил взгляд бригадира.

– Верно, это у него пройдёт. И не станем больше темнить. – Хохлов по-прежнему пристально глядел на Сергея. – Скажу прямо – уходим мы. Всё! Завтра!

– Хох-лов! – Харламий погрозил пальцем. – Не мели, чего не следует.

– Следует.

Сергей вышел на середину палатки.

– Хлопцы!.. Да тише там! – Он углом рта втянул воздух, скривился от боли. – Как вы решили, так и будет, никто насильно держать не имеет права. Прошу одно: дождитесь вертолёта – и улетите. А самостоятельность свою оставьте.

– Во! Инженер опять да потому же – сватает. – Васька отбежал от печки к Хохлову, будто искал защиты. – Видал его? «Дождитесь». А если всякая жданка кончилась? Сказано – до нервов довели!

– Сейчас же перестань! – потребовал Сергей. – Распоясался.

– Лагерь никому не покидать! – чувствуя, как похолодел затылок, отчеканил Харламий. – Будет вертолёт – увезут. Возможно, в другой отряд, начальство решит. А ты... – Он шагнул к Ваське. – Насчет нервов не распространяйся. Мы с Сергеем не новички в геологии. И каждый сезон находятся ухари вроде тебя, горлопана, запомни.

Харламий размашисто – брызги по сторонам – прошел к выходу, закарбался вверх из палатки по размятым ступеням. За ним, сутулясь, побрёл Сергей.

В пылу спора почему-то никто не вспомнил, как обстояло дело полтора месяца назад. О чём говорили, в чём сомневались и во что верили. Рабочие, всё больше молодые, приезжие, нанимались отработать сезон на горных выработках экспедиции, ждали, когда их перебросят к месту работы, праздновали, шатались по посёлку, а утрами, опухшие и угрюмые, осаждали базовскую контору.

– Сколько ещё тут мыкаться? Обещали же заработок...

Тот же Гошка объяснял:

– А там! – Он показывал в сторону белеющих за рекой гольцов. – Там, думаете, сахаром горы присыпаны? Снег лежит, снег! Закукуем на месяц.

Но рабочих это не смущало.

– Ну и покукуем, подождём. На месте по крайней мере.

Вылетать на участок было нельзя, весна запаздывала, а на базу приезжали всё новые отряды ИТР и рабочих, стало тесновато от народа. Тут-то начальству экспедиции поступило сообщение, что к ним вот-вот нагрянет главковская комиссия. И как не упирались отдельные начальники отрядов, как не убедительно звучали их доводы о невозможности начинать работы в горных заснеженных районах, отряды спешно развезли по прошлогодним участкам. Это вынуждены были сделать потому, что не были найдены новые участки в долинах или других легкодоступных местах.

Отряд Полозова перебрасывал в высокогорный район зелёный Ми-4. Весь день мотался он из посёлка на голец, перевоза людей, инструменты, продукты, приборы и прочие припасы. Вертолёт приземлялся прямо на утрамбованный метелями снежный наст. И рабочие, щурясь от непривычной белизны, весело разгружали его, оттаскивая от винтов, не перестающих молотить воздух, ящики, спальные мешки – всё огромное имущество отряда.

– Ну, славяне, загорай! – притопывая по насту, злорадно кричал Гошка. – Устраивайся на зимовку.

Харламий с Сергеем сидели на ящиках, переговаривались. Видно было – растерялись. Техник-геофизик Тамара и нанятая из местных повариха Вера испуганно озирались, но взгляду не за что было зацепиться: он скользил по белому, пустому, бесконечному. Студент Женька весело насвистывал. Это была его первая практика.

Рабочие, те отмахивались от Гошки:

– Ну, позагораем с недельку, и снег сойдёт. Вона как оно греет, родимое! – Щурясь, они ласково глядели на солнце.

Харламий расхаживал среди имущества, молчал. Деятельный на базе, здесь он как-то сник. Обращались с вопросом, он тяжело поднимал глаза, отвечал невпопад, распоряжения отдавал противоречивые. Оно и понятно: за час перемахнуть из лета в нетронутую зиму с людьми, с заданием не только благополучно устроиться, но и начать долбить шурфы и канавы, вести геологические поиски и геофизическую съёмку... От такого сникнешь.

Первые дни никто не страдал от безделья: выкапывали в снегу трёхметровой глубины ямы под палатки, спускались далеко вниз, где росли чахлые лиственницы, рубили их на колья, затаскивали наверх, пилили дрова. Когда устроились и немного обжились, кое-кто из рабочих стал высказывать сомнения насчет скорого начала работ. На такого шикали. С вопросами больше обращались к Гошке, парень простецкий и нужды рабочих понимает.

– Здесь прошлый год зарабатывали на канавах по пятьсот рублей. В это время уже вовсю копали, – откровенно отвечал Гошка. – А нынче... Дней пятнадцать баклуши побьём. Раньше снег не сойдёт.

Однако год на год не приходится. Прошли самые поздние сроки, а снег лежал, хотя солнце жгло по-южному и лица людей чернели от загара, да вдруг, отнимая последнюю надежду, в

конце второй недели повалил свежий, забуранило. Когда пурга кончилась, ветер намертво прикатил новые сугробы, и они по ночам дышали неистребимым полярным холодом. Сидение продолжалось.

Сейчас снег заметно осел, щетинился льдистыми иглами, кое-где его промыло талой водой. Было похоже, что он скоро сойдёт.

Выйдя из палатки рабочих, Харламий завернул в палатку-кухню, стоящую на отшибе. Вера в цинковом тазу мыла посуду. Над жирной парящей водой двигались её полные красные руки, стопка чистых алюминиевых мисок матово отсвечивала на жердяном столе. Заметив начальника, она схватила полотенце, суетливо обмахнула скамью.

– Вот туточка, – пригласила она и, вскинув руки, поправила косынку. Фартук на её груди выпер двумя засаленными буграми.

– Жердей надо настлать, – глядя на разжиженную землю пола, сказал Харламий.

– Надо, ох надо, – вздохнула повариха. – Цельный день народ в лыве толчётся, прямо бяда.

Харламий прошел в угол, наклонился.

– А это откуда? – удивился он, разглядывая букет в стеклянной банке.

– Да Женька из-под горы принёс. Жарки, – несмело улыбаясь, объяснила Вера, подходя к начальнику.

Харламий взял букет, понюхал.

– Там, за кухней в ящике хек припахивать начал, – вспомнил он. – Снег кругом, а мухота откуда-то налетела.

– Дак лето ж, – проговорила за спиной Харлампия Вера и вздохнула. – Хоть и снег, а всё равно ле-ето.

– Ты рыбу, хек этот серебристый, выбрось, да куда-нибудь подальше и закопай.

– Да много хеку-то, – испугалась повариха. – Добра-то. Поди дорогая, зараза, раз серебриста.

– Спишем. По два рубля на брата накину за питание, и обойдётся. Здоровье дороже. – Он поставил букет на место, отряхнул ладони. – Вот отведём воду на кухне, пол настелим тебе, только корми людей повкуснее. Компоты там всякие, фигли-мигли. Разнообразь.

Глядя мимо Харлампия, Вера согласно кивала головой.

– А правда, что рабочих увозить будут? – спросила она, подняв робкие глаза на Харлампия. – Ежели правда, то и мне в свою деревню собираться?

– Тебя не отпущу. – Харламий неловко притянул к себе повариху, зашептал: – Вроде бы и люди вокруг, а один я, как палец. Ты вот только, как же отпущу?

– Странно слушать даже, – держа руки по швам, тоже зашептала Вера. – Зачем я вам, кулёма малограмотная? В городе образованных будет с вас.

– А толку с них! – Руки Харлампия спозли на Верины бёдра. – Ты тихая... Складная.

– Не... Не надо, – боязливо сжалась повариха. – Стыдно и даже странно.

– Распишусь! – сдавленно выкрикнул Харламий. – Всё по закону, а как же! Только закончится сезон – сразу!

– Пустите-ка. – Вера повела глазами. – Сюда идут.

Начальник резко отстранился, нагнулся над стопкой вымытых мисок.

– Моете, так воду горячую чаще меняйте! – нарочито громко, вместе с тем подмигивая Вере, упрекнул он и ткнул кулаком в стопку. – В чистоте залог здоровья.

Вера боязливо отступила к печке. В проёме показалась могучая фигура Хохлова, из-за спины его любопытным бурундуком выглядывал Васька Чифирист.

– Веруня, мы пришли на айроплан поглядеть! – со света не замечая Харлампия, бодро доложил Хохлов.

– Идите пока, идите. – Вера предупредительно загородила вход. – Апосля приходите, пускай летат.

– Да чего ты? – засуетился Васька. – Он ещё вчера бурлил, аж шест мотало. Пора!

Харламий глянул вверх. Под самым потолком шатровой палатки висел молочный бидон, прикрученный к центральному колу. «Брагу завели!» – догадался он и приказал:

– Снять!

Хохлов отстранил повариху, удивлённо шагнул на голос.

– Ба-а, – освоившись с полутьмой и узнав начальника, недовольно протянул он. – Это вы-ы...

Васька в дверном проёме мотнулся туда-сюда, исчез.

– Снять! – повторил Харламий. – И немедленно!

– Сейчас. – Хохлов задрал голову. – За тем и явились.

– Смирнова! – окликнул Харламий обмершую повариху. – Это что тут у тебя такое?

Вера подошла и тоже уставилась вверх.

– Что ему здесь, браговарня? – петушился начальник – Ишь, развинтился!

Верх палатки прожжён искрами, и солнечные лучики золотыми нитями протянулись к полу.

– Неужто впрямь развинтился? – встревоженно шевельнулся Хохлов, и глаз его, попав в узкий луч, блеснул по-маячному.

– Я не о бидоне говорю, Хохлов, а о тебе! – Харламий пнул в кол. – Это воровство!

– Неправдушки, – пробасил Хохлов. – В ведомости у Верки по килограмму сахара на человека записали. Так что не воровство.

Начальник посопел носом, отошел к порогу.

– Ни одному человеку продукты на руки не отпускать, – распорядился он. – Иначе никакие ведомости бухгалтерия принимать не будет. В отряде общий котёл. Вот так-то. А такое своеволие, – показал на бидон, – это чёрт знает что такое. В конце концов, могли бы ко мне обратиться, раз невтерпёж, раз выпить захотелось. Теперь же снять и вылить. Ещё мне в отряде попоек не хватает и пьяных драк.

– Будет сделано, – двусмысленно пообещал Хохлов в спину уходящему начальнику.

Откуда-то вынырнувший Васька подмигнул бригадиру и, изменив голос, крикнул:

– А драки бывают и не по пьянке, так оне поужастнее!

В палатке Гошка включил рацию, надвинул наушники и сидел ждал вызова базы. Вошел Харламий, спросил:

– Есть связь?

– Пока нет. – Гошка подтолкнул студента к печке. – Подшуруй, а то холодрыга подбирается.

Начальник прошел к столу, подумал и стал писать на листе бумаги. Женька приволок ящик из-под консервов, разломал. Промасленные дощечки дружно схватились пламенем, и оно утробно загудело в трубе. Харламий подозвал Сергея.

– Я тут составил депешу. – Он протянул лист Сергею, покусал губу. – Так что готовимся к худшему. Вместе придётся головы в петли совать.

– За что? Не вижу вины.

– Как не видишь? В отряде форменный бунт. Ведь бунт же?

– Есть! – крикнул Гошка. – Нас кличут.

Харламий выскользнул из-за стола, поколебался, глядя на рацию, потом сунул лист Гошке.

– Отстукай ключом, – распорядился он. – А то кричишь на весь лагерь.

Гошка прижал микрофон к губам.

– «Кварц», «Кварц». Имею для вас РД, следите телеграфом. – Он застучал ключом, вслух повторяя текст: «Необходимо присутствие начальника экспедиции тчк рабочие требуют вывезти их на базу зпт жду указаний Полозов».

Отстукал, вопросительно уставился на Харлампия.

– Всё, Георгий. – Начальник взял лист с текстом. – Семь бед – один ответ. Запроси подтверждение... Да узнай, что там с погодой.

Женька радостно поглядывал то на Сергея, то на Гошку. Харлампий внимательно вслушивался в Гошкин стукоток, шевелил губами, будто разбирался в морзянке.

– Телеграмму приняли дословно! – Гошка поднял наушники. Из них явственно доносился отрывистый писк.

– Ну а погода?

– Всё та же: дождь, туман. Вылет запрещён.

– По-нят-но. – Харлампий выпятил челюсть. – Отключайся. Дело сделано.

– Сделано, – согласился Гошка, сматывая наушники. – Я честно отработал свои полевые, теперь не грех и ухо придавить.

Женька похлопал Гошку по плечу.

– В девять часов ложатся дети. Ты принохайся. – Он щелкнул себя по горлу. – Выпивоном пахнет.

Харлампий строго взглянул на студента, переспросил:

– Каким таким выпивоном?

– Натуральным, – ответил Женька, глядя на начальника невинными глазами. – Случай есть, да и телеграмму заодно обмыть надо.

– Брагой?

– Ну во-от ещё, – обиделся студент.

Недоверчиво оглядев практиканта, Харлампий прошел на своё место за стол. Женька притянул Гошкину голову к своей, задышал в ухо:

– Сегодня пятнадцатое июня, так?

– Умница. – Гошка прикрыл глаза. – Дальше излагай.

– Раз не врут календари, – совсем тихо зашептал студент, – то пятнадцатого родился... – Он сделал паузу и вдруг рявкнул: – Я!

Гошка отпрянул, покрутил пальцем в ухе, потом сграбастал Женьку в охапку.

– У-уродина ты моя рыжая, раскрасивая! – звонко чмокнул в щёку. – Поздравляю! – оттолкнул от себя. – Тадысь напиток, водкой прозываемый, у тя в заначке, верю, быть должен!

От толчка Женька попятился, сел на противоположнуюнару:

– Еще на базе прихватил.

– Так не томи-и! – прижав кулаки к горлу, прорыдал Гошка. – К поварихе изыди по закус!

Сергей с Женькой хохотали. Гошка убедительно изображал человека, которому невтерпёж хочется выпить. Харлампий, не отрываясь от бумаг, крутил головой, улыбался. Потом он вышел из-за стола, сел на свою персональную раскладушку. Студент выскочил из палатки, а Гошка, нащупав в изголовье спального мешка чемоданчик студента, поставил его на стол.

– Интере-есно. – Сергей заложил карандашом нужную страницу книги, с которой не расставался. – Неужто со спиртным? Или разыгрывает? Немножко бы принять, оно хорошо, зуб подлечить.

Сергей отложил книгу, стал натягивать резиновые сапоги. Гошка поднял чемоданчик, скособоличился, изображая, до чего он тяжёл.

– Ну, ду-ух! – удивлялся Сергей. – Столько времени берёг, и ни гу-гу. Характерец.

Выпятив губы, они удивлённо покивали друг другу.

– Братва! – раздвинув плечами полог, в палатку влетел Женька. – Разогревайте пюре! – Он пихнул кастрюлю на печку. Вынимая из-за пазухи банки, похвастал: – Придут дамы, слышите, господа? Вот нож, Гога, открывай. Я хоть переоденусь.

Гошка подбросил на ладони банку, причмокнул:

– Помидорчики-то, ба-а! Болгарские... Из Тамариных небось закромов.

– Отломилось и мне, – подмигнул, натягивая свитер, Женька.

Гошка внимательно посмотрел на него и начал ножом вспаривать консервы.

Сергей подошел к студенту, торжественно протянул многостержневую шариковую ручку.

– Вот, чтобы хватило на весь диплом, сохрани. Уши давай.

– Спа-си-бо! – вытягиваясь на носках за руками Сергея, захныкал Женька. – Вижу Москву, вижу-у!

– Так его, спиртоноса рыжего, – подзудил Гошка. – Только пюре не прозевай.

– Момент. – Сергей отпустил Женьку, стал ложкой мешать в кастрюле. – А вы, Харлампиский Адамович, почему ложитесь? Надо посидеть, выпить, поговорить. По случаю именин не грех, зачем обижать юношу?

– Нездоровится что-то, – отказался начальник. – В животе бурлит.

– Все болезни от нервов, – определил Гошка. – И медвежья тож.

Сергей погрозил ему кулаком, взял со стола банку с маслом, зачерпнул ложкой.

– Вот и надо водчонки хватить, а сверху чайку горячего. Всё бурление как рукой снимет.

– Ты, Серёжа, комбижиром заправь, – наблюдая за ложкой, посоветовал Харлампиский. – На складе нет больше сливочного.

Гошка открыл рот, насторожился. Харлампиский в сиреневых трусах сидел на раскладушке. Его сухонькие ноги в галенищах сапог напоминали пестики в ступах.

– Это почему же комбижиром? – Гошка вытянул шею. – В чём дело? Съедем сливочное, тогда хочешь не хочешь...

– Ну, не всё ли вам равно. – Харлампиский потупил глаза. – Комбижир то же масло, его у нас много, а это побережь бы для лечебных целей. У меня желудок плохой.

Сергей воткнул ложку обратно в банку, отошел к печке. Начальник полез в мешок. Глядя на него, Гошка удрученно молчал. В последнее время он всё пристальнее присматривался к нему, но, как признавался самому себе, начальник оставался для него задачей из головоломных.

– Адамыч, – наклонился над Харламписким студент. – Девушки придут, поддержи компанию.

– Нет, Женя, поздравляю, но я пас. – Харлампиский до самого горла застегнул молнию спального мешка. – Надо отлежаться.

Студент обиженно надулся, отошел. Гошка подтолкнул его локтем.

– Чего пристаёшь к человеку? Командиру напиваться с подчинёнными устав не велит. – Он облизал нож. – Порядка, салага, не знаешь. Начальник выпьет, но с глазу на глаз с собою, в спальном мешке.

Харлампиский чертыхнулся и повернулся спиной. Женька щелкнул замочками, распахнул чемоданчик. По плотному ряду бутылок порхнули весёлые блики.

– Ну и ну-у! – Сергей подбоченился. – Гога, глянь сюда.

Спрятав руки за спину, Гошка подошел к столу, с минуту разглядывал наклейки, потом тяжело вздохнул.

– Жалко терять друзей, но рабов ещё жальчее. Вот, дарю тебе свободу, студент, и пусть сгорят твои цепи! – Он посыпал на столешницу горсть свечечек. – Зажжем все. Ура!

– Ура, но только зажжем не все сразу, – зажадничал Женька. – Будем по одной.

– Будет так, как положено! – Гошка принялся зажигать свечечки и расставлять кружком в центре стола. Студент с грустью наблюдал за его руками.

– Признайся. – Он благодарно обнял Гошку. – Признайся, что ты нарочно накатал их ровно двадцать?

– Не придумывай меня добрым, выюнош. – Гошка играючи оттолкнул его плечом. – Сошлось совершенно случайно.

Вошли Тамара и Вера. Стройная, с широко расставленными, чуть раскосыми глазами, Тамара приветственно вскинула руки.

– Приветтики! Женечка, поздравляю. – Она подошла к студенту, вытянула губы и чмокнула в пухлую щеку. – Расти умненьким, слушайся старших. Верочка, поздравь.

Повариха в новенькой телогрейке и цветастом – алые розы по черному фону – платке, протянула ладошку лодочкой.

– Приятной дальнейшей жизни, – как одно слово выговорила она, пожимая Женькину руку.

– Спасибо, девчата. – Студент поясno поклонился. – Прошу к нашему столу, будьте как дома.

Сергей радушно раскинул руки:

– Девочки, раздевайтесь!

Гошка прыснул. Тамара томно завела глаза вверх, а повариха съёжилась и покраснела. Сергей сконфузился, дал Гошке подзатыльник и вежливо стал помогать Вере снять телогрейку.

Тамара скинула голубую на меху куртку, осталась в свитере.

– Будет тайная вечеря? – спросила она, пробираясь к Гошке. – Откуда такая роскошь, свечки? – Наклонилась, заглянула ему в лицо.

– Начёс вспыхнет, – сказал он.

– Ах! – Тамара схватилась за причёску. – Ну тебя, напугал.

– Вот свинство собачье, – без зла посетовал Гошка, глядя на последнюю свечку. – Снова завалилась. Или у него в метрике напутано, или сам темнит, но двадцати ему нету. Слышишь, студент?

– Плохая примета, – накапывая стеарин на столешницу и пытаясь прикрепить свечу, высказала Тамара. – Падает, значит, что-то отпадёт.

– Ни в черта, ни в Бога, ни в приметы не верю, – звякая бутылками в чемоданчике, ответил Женька. – Просто живу.

– Легко живешь, – позавидовал Гошка. – Безоблачно. Зачем тогда бабушкин сонник с собой возишь?

Женька многозначительно покосился на него, фыркнул носом и начал повязывать галстук. Тамара прижалась к Гошке, шепнула:

– Послезавтра твой день рождения, верно?

Гошка потёрся лбом о её висок, ласково боднул:

– Эт-то точно, – подтвердил он. – Я не родиться не мог.

Студент подхватил Веру под руку. Повёл к столу.

– Садитесь кто куда, – пригласил. – Разливайте, возглашайте, бражничайте. Вот вам, вот вам, вот вам!

Он картинно выставил бутылки в хоровод из свечей. Расселись. Сергей откупорил, разлил по кружкам. Гошка взял одну, направился к Харлампию.

– Прими от соратников... Слышишь, Адамыч? – позвал он. – Болеть не хорошо. Выпей, улыбнись. Ведь улыбка – это флаг корабля... Ну же, капитан, тебя умоляют матросы!

– Отойди, – раздался из мешка глухой голос. – Никакой в тебе степенности.

– Верно, – согласился Гошка. – Я буйный. Тихопомешанные, те степенные.

– Гоша, – вмешалась Тамара и укоризненно качнула начёсом.

Гошка махнул ладонью, сел на место. Кружки столпились над столом, брякнули.

Выпьем за тех, кто в любой перемёт
Лезет, страх отшатнув,
Не думая, кто там за дверью ревёт —
Ветер или шатун! —

с пафосом прочёл Гошка. — За Женьку!

Тамара дунула на одну плошку, на другую, погасила. Остались гореть только свечи. Выпили, помолчали. Зыбкие язычки свечек скудно высветлили стол, дальше вокруг — темнота. Только из дырок печной заслонки подмигивали, шарили по полу щупальца огня. Выпили ещё, и Гошка взял в руки гитару.

— Третий раз весну встречать будем, — пощипывая струны, выговорил Гошка. — Иркутск, Ангара, набережная, тополёчки в листочках. Первые, клейкие. Это раз! — Гитара в его руках взрыдала. — И в Усть-Куте, на базе, то же самое. Это два!.. Теперь здесь сидим...

— Три! — выкрикнул Женька.

— Ждём. — Гошка тряхнул гитарой, склонил ухо, прислушиваясь к отлетающему стону. — «Три» пока отставить. Не нашего ума дело.

— Ужас какой-то! — Тамара хрустнула пальцами — Ждать, бесконечно чего-нибудь ждать!.. Ведь сидят же счастливчики в камералке, работают до пяти, отдыхают по-людски.

— Купаются в Лене, — подзудил Женька, — на лодочках катаются, цветики-цветочки друг другу дарят, танцы, кино, занавеской закрыто окно. А между прочим, полевою надбавку «за тяготы и лишения» получают, как и мы, грешные.

— Это несправедливо, — вспыхнула Тамара. — Жестоко и несправедливо по отношению к полевикам!

Гошка похлопал ладонью по гитаре.

— Люди! Что у нас за разговоры? Или скулим, или ругаем. Ну на что это похоже?

— Надоели друг другу — вот что. — Женька поднялся. — А ведь всего-то второй месяц морда к морде!.. Что же вытворять начнут те, которые от Земли — да к другим планетам? На годы, в неизвестность, сквозь немой и...

— Ой, не надо. — Тамара поймала его за руку. — Гоша, играй.

— Что за аналогии, студент? — усмехнулся Гошка. — Туда пошлют кадры покрепче нас, слабаков. По всем параметрам. За них не бойсь.

— За них и выпьем, — предложил Сергей, подлил в кружки, поднял свою.

— За них! — нестройно поддержали остальные.

Выпили, закусили.

Гошка полуобернулся к Тамаре и, чуть трогая струны, запел, как заговорил:

Ты со мной не добрее, не строже,
Стал я вроде не к месту заплаткой.
Но каждой ночью по новой пороше
Я крадусь до твоей палатки.
С кем смеёшься ты в ней, хорошая?
Будто сыплешь на блюдечко грошики...

Сергей осторожно поставил пустую кружку на стол, подпёр щеку ладонью, закрыл глаза. Вера не знала, куда деть руки, сидела тискала платочек, будто готовилась запевать или плакать.

Гошка пел — вышептывал:

...Над следами большими и маленькими
Я стою, зло сметаю их валенками.

Тут на грудь мою бросится, рада мне,
Твоя лайка по кличке Маршрут.
И обида десанником падает,
Не успевшим раскрыть парашют...

Тамара не мигая глядела на Гошку, и в глазах её, набухших слезами, стояли маленькие свечечки. Он столкнулся с её взглядом, спросил:

– Поедешь со мной на мыс Доброй Надежды?

Она смотрела сумеречно, будто сквозь Гошку.

– А какой он?

– Не важно. – Он отвёл глаза. – И это важно. Важно, что он есть, этот мыс Надежды. Мы побываем на нём, соглашайся.

– Тамара, не езд, – вмешался Женька. – Ты, да все мы, давно уже сидим на этом мысу. И если не прилетит завтра вертолёт, тогда... А что тогда?

– Начнём всей оравой таять снег в ведрах и сливать с горы, – мрачно пошутил Гошка.

– Ой, чо придумал-то! – ужаснулась Вера. – Долго ведь, в ведрах, и одно баловство.

– Разбаловались, факт! – Сергей поднял голову, погрозил кому-то пальцем. – Нужна ррука...

Гошка поднялся.

– Соотрядники! – Он поочерёдно оглядел всех. – Что-то у нас невесёлое веселье. Чего-то в нём нету.

– Нету! – снова подхватил захмелевший Сергей и утвердительно клюнул носом. – Дело дрян, а нету.

Тамара поднялась тоже. Гошка повертел гитару и бросил её на спальный мешок.

– Пошли. – Он подал Тамаре руку. – А ты сиди, сиди, – замахал на Веру. – Мы вдвоём на звёздах погадаем.

– Вера, садись. – Женька усадил повариху на место. – Выпить есть чего, поговорить о чём найдётся. Чего разбегаетесь?

Гошка накинул на плечи Тамаре меховую куртку, поднял воротник.

– Как интересно – на звёздах. – Из меха глубокого воротника она ясно глядела на Гошку. – И сбывается, веришь?

– Верую и тебя научу, – пообещал он. – Без веры нельзя. – Легонько потрепал её за шею, подтолкнул к выходу.

– Мы скоро, – неуверенно пообещала Тамара имениннику.

Гошка пропустил её вперёд, задержался у выхода.

– Студент, если ты вдруг да полетишь туда. – Он ткнул пальцем в небо. – Никого из нас даже по знакомству не бери. Завалим экспедицию.

В палатке у рабочих было весело. В ней раздавались взрывы хохота, нестройно взвивались и скоро глохли песни. Николай с Васькой уже давно стояли на верхнем урезе снега, отойдя от своей палатки настолько, чтобы им не мешал подгулявший хор, и прислушивались к тому, что происходит в жилище ИТР. Яркая луна притушила своим сиянием далеко вокруг себя звёзды, и только у самого горизонта, куда от её нестерпимого света отхлынула темнота, они слезливо перемигивались, срывались и, прочертив по небу короткий пунктир, пропадали. Всюду за подсинёнными снегами радостно вскрикивали белые куропатки, со вздохами оседал подмытый тальми водами наст.

Неспокойно было на сердце Николая. Он третий сезон работал по геологическим партиям и представление о тяжёлых переходах имел. Предложение Хохлова идти на базу пешком

встретил с усмешкой, но во время разговора с начальником промолчал, не решился на открытый конфликт с бригадиром.

– Что-то замолчали, – сказал Васька, глядя на итээровскую палатку. – А поёт душевно и на гитаре лабает вот так. Пойдём завалимся спать, что ли.

– Постоим чуть-чуть, поболтаем.

– О чём ещё?

– Всё о том. – Николай бросил окурок под ноги, вдавил в снег. – Не нравится мне эта затея – бежать. Неизвестно ещё – дойдём ли до базы. В этой тайге тыщи дорог, и все в разные стороны, а кто точно знает, в каком направлении топать?

– Не дрейфь, не пропадём, – заверил Васька, плотнее запахиваясь полами телогрейки. – Идти-то всё равно надо, раз такое дело. Коллективно решали.

– Коллективно, – насмешливо передразнил Николай. – Когда решали, на хохловские кулаки поглядывали. А ему что? Летаёт с места на место, где лучше и где глубже, всё сразу ищет. А мне работать надо, у меня мать-старуха дома. Пенсии всего ничего.

Они помолчали, Васька вздохнул, спросил с откровенной завистью:

– Мать есть – хорошо, помогаешь, выходит?.. Мне вот высылать некому. Я на свете единственный, сам по себе.

– С матерью ещё сестринских четверо оглоедиков. Мал мала. Померла сестра, ну и приходится. Мужик её в бегах третий год... А до чего смышлёные растут чертяки. Дяденька-тятенька, так величают. Дяденька-тятенька...

– Всем выжить охота. Четверо... Многовато их на одного-то, человек. Ты Хохлова давно знаешь?

– Зна-аю. Из одной мы деревни, из Чувашии. Этот на чужом горбу куда хочешь влезет, такой. О нём у нас говорили, будто капусту из колхоза машинами тибрил и налево толкал, жил без горяшка. Потом сюда прикатил, в мостоотряде работал, да что-то скоро смылся. В Усть-Куте его встретил, когда в экспедицию нанимался. Начали мы работать, а он – князь, не приучен.

– За что ж бригадиром назначили? За что?

– За комплекцию. И языком молотит, как тот вертолёт махалками. Кайлить, рогом упираться, это не для него... Слышь, Вася, а на этой горе в прошлый год канавщики по пятьсот рублей в месяц выгоняли. Слово даю, я сам с одним работягой говорил, да и Гошка сказывал, помнишь?

– Зна-аю их политику, треплет небось ИТР.

– К чему ему трепать? – Николай отбросил снежок, вытер руки о телогрейку. – Работяги о нём добром отзывались, он лёгкий человек.

Васька мазнул рукавом по носу.

– Да-а, – завистливо протянул он. – Хорошо бы по пятьсот-то. Только уж и таких денег не хочу. Во, как эта Антарктида допекла.

– Потихе кричи... Лодырить надоело, точно. – Николай облизал губы. – Но вот что – с Хохловым не пойду. И ты не ходи, пропадёшь.

Васька молчал. Николай взял его за рукав телогрейки, сказал с сожалением:

– Зря ты Хохлову поддаёшься. Он из тебя шестёрку делает. И в очко с ним зачем дуешься? Он в жизни мухлюет, а в картах подавно. Всегда в выигрыше.

Васька дёрнул телогрейку назад.

– Отыграюсь. Будь спок – спустит и моё и своё впридачу.

– Не ходи с ним, Вася. Подождём работы, а не будет её, то на вертолёт и на базу – увезут. Я лично подожду. Не вечно же снег будет лежать.

– Нет, Колян! – Голос Васьки отвердел. – Я от Хохлова не отстану, да и как можно против гамуза? Надо всем вместе держаться, комком, тогда не пропадём.

От женской палатки донёсся воркующий смешок Тамары. Васька подтолкнул Николая: – Айда к себе. Гошка с кралей своей синтетической выползает. Что на них пялиться?

Васька отвернулся, пошел к своей десятиместке. У входа подождал Николая, и они вместе спустились вниз.

Гошка, подталкивая Тамару, помог ей выбраться наверх по раздавленным каблуками ступеням, следом выкарабкался сам. Тамара стояла, запрокинув лицо к небу. В лунном иззелена-голубом свете, в небесной отблескивающей куртке, она почудилась Гошке статуей. Он подошел, остановился напротив. Тамара молитвенно сложила на груди руки в варежках и что-то нашептывала.

– Вот так стой и жди, – сказал Гошка. – Сейчас начнётся звездопад. Июнь – месяц умирающих звёзд.

– Может, надежд, – тихо откликнулась Тамара.

– Надежды вечны.

– Ты замёрзнешь.

– Нет, свитер тёплый.

– Не вредничай. – Тамара расстегнула свою куртку, полами её запахла Гошку и крепко сцепила за его спиной руки.

– Гоша, скажи что-нибудь, быстро, сразу.

– Шаньга! – Он тихо засмеялся. – Ты пахнешь шаньгой, только что с мороза. Пойдём?

– А звёзды? – Она откачнулась, глядя на него огромными глазами. – Мы же на карауле.

– Я снимаю тебя с караула, пошли.

– Нет, милый. – Она повозила головой по его груди. – Не спеши. Мне так хорошо-хорошо... не спеши... Гоша, ты никогда мне не рассказывал, за что судили тебя?

Он не ответил.

– Не хочешь – не говори, – прошептала она. Видя, что попросила нестати, она прижалась к нему, затихла.

– Отпусти-ка, никак не достану.

Он полез в карман за сигаретами. Она подождала, пока он прикурит.

– Прости меня, пожалуйста, такую дурочку.

– За что? В этом деле тайны нет. Позапрошлый год дал проводнику-якуту карабин, он нас здорово тогда охотой выручал. Мы спешили до снега, до морозов управиться, не бросали работы, уж больно участок попался интересный. Продукты давно кончились, и если бы не проводник... Погиб он. Нашли, в заберег вмёрз. Выдолбили, а карабина при нём нету. Следствию что? Хоть бы какую записульку от проводника взял, что временно дал поохотиться, а нет её – где оружие? Может, он без карабина утоп. А я под шумок припрятал винтовку для себя. Попробуй докажи. – Гошка подряд несколько раз затянулся сигаретой. – Два впаяли, а просидел год – и вышел, повезло. Правда, до сих пор не понял, за что притянули: за утрату вверенного мне оружия или за то, что доверил его человеку для спасения отряда, а доверие не узаконил бумаженцией... Прошлым летом ребята с магистрали выудили карабин из Улькана. Это мне участковый лейтенант, что меня в Иркутск сопровождал, сообщил письменно, порадовал... Ну и освободили скоро.

Гошка стоял, стиснув в зубах сигарету. Лицо его в резких пятнах света и тени было чужим и жестким. Тамара взяла его под руку, спросила:

– Не знаешь, к чему кораблекрушения снятся? Я часто вижу один сон: ночь, волны и человек в волнах. Он захлёбывается, вот-вот пойдёт ко дну, а тут вдруг обломок мачты, и он хватается за неё. К чему это?

– К чему такое снится, ты у Женьки узнай. – Гошка отщелкнул сигарету. Соря искрами, она прочертила дугу и пропала в сугробе. – Одно знаю, что корабли теперь без мачт, торчат только трубы железные. За них хватайся не хватайся...

Невидимками в бирюзовых снегах хохотали куропатки, далеко в каньоне шумела работа-река. Она трудилась по своему разумному распорядку днём и ночью, и даже в лютый мороз Домугда, притиснутая ледовой крышкой, трудно проталкивалась вперёд, без усталости шлифуя своё гранитное ложе.

– Вот так, – ответил своим мыслям Гошка.

Тамара потянула его за собой. Луна висела над их головами, и они уходили не отбрасывая теней.

Вскоре на их место вскарабкались Женька с Верой. В женской палатке загорелся свет и два силуэта чётко объявились на брезенте, как на экране. Женька присвистнул:

– Ну кино-о!

– Не мешай имя, – попросила Вера. – Любовь у них, сердечность.

– Сердечность! – заорал студент, вырывая из насти комков снега. – Эй, актёры, гасите свет!

Он размахнулся и швырнул снежком в палатку. Комок ударил в брезент, как в бубен. Тени нехотя разъединились, одна двинулась в сторону, и треугольник света упал на снег. Наступив на него, из палатки вышел Гошка, достал мятую пачку сигарет и, чиркнув спичкой, осветил бледное лицо.

– Ты, вижу, перебрал? – спросил он Женьку. – Пойдём баиньки.

Он через плечо всмотрелся в десятиместку рабочих, из которой нет-нет да вырывались отдельные громкие голоса, кивнул на прощанье Вере и по ступенькам скатился в свою палатку. Женька обиженно сопел.

– Ох, с гонором ваш Гоша, – тоскливо заметила Вера.

– С тенором!

– С кем? – быстро переспросила повариха и вдруг зачастила: – Пошто-то встретит наедине, уставится неотрывно, а говорит, говорит всё о чём-то другом. Складно выходит, а не понять. Блажной, чо ли?

– Стихи читает. Не обращай.

– Не злись, не суди их. – Вера коснулась его груди. – Не ревнуй.

– Выставляла бы их из палатки, – ответил он. – Спать мешают, и вообще – что она, замуж за него собралась?

Повариха отвернулась.

– А я их не слышу! – неожиданно с весёлой злостью сказала она. – А я сплю!

Женька удивлённо уставился ей в спину.

– Почо их гнать-то? – чуть отвернув к нему голову, пропела повариха. – Эх ты, гуран молоденький, пушай пластаются. Небось и сам бы прилёг солёцы лизнуть, да другой на солонце пасётся... Никаво не понимаешь.

Она с головы на плечи спустила платок, нехотя шагнула к палатке.

– Ох, и пьяна я нынче-е! Винище – и то тверёзей. – Сладко потянулась и, отставив в долгом зевке, предупредила: – К нам, пьяным, не приходи смотри.

– Да иди ты! – совсем растерялся Женька. – Иди спи.

Она растянула концы платка в стороны и плавными шажками пошла к палатке. Женька прислушался. Повариха тихонько пела:

Несёт Галя воду,
Коромысло гнётся.
Стоит Ваня по-даль
Над Галей смеётся-а...

Гошка лежал на спальнике одетым. Когда вернулся и затих в своём мешке Женька, он встал и ощупью в темноте выбрался из палатки. Лунатиком проскользнул к женской, отстегнул деревянные застёжки.

– Гоша, – шепотом окликнула Тамара.

Он не ответил, пробираясь мимо Вериной раскладушки.

– Глупый, – ласково сказала она в темноту.

Харлампий не спал; он слышал, как ушел Гошка, закурил. Пульсируя в темноте огоньком папиросы, думал о том, какое замешательство в размеренную жизнь базы внесла его телеграмма.

«Если приедет начальник экспедиции, – размышлял Харлампий, – устроит разгон. Рабочие, конечно, с претензиями: работы нет, другого чего нет, обманули! Да и свои итээровцы как поведут себя – неизвестно. От Гошки чего хочешь жди. Ещё этот студент, тоже не подарочек. Сергей... и Сергей хорош. Нет, чтобы порядок поддерживать, так сам с ними заодно пьёт. – Харлампий пятернёй завозил по лицу. – Рабочие-то, а? Уйти грозятся... Так-так-так. Допустим, вертолёт не прилетит. Уйдут? Вполне возможно. Тогда что же получится, план работ сорвут, не под пистолетом же их на гольце сидеть заставлять. Уговаривал? Всеми силами, есть свидетели! Так нет, своё гнули. – Харлампий вылез из мешка, сел на раскладушке. – Ну, пойдут, а вдруг что случится – тайга? Черт! Тогда – следствие... Ну, дудки, учёны! Разгон от начальника переживу, а тюрьму...»

Временами до его слуха долетал шум со стороны рабочей палатки.

«Брагу пьют, – тревожила мысль. – Перепьются, припрутся отношения выяснять, а тут свои такие же дрыхнут».

– Ну, ситуация! – Харлампий сокрушённо помотал головой. – Кругом один.

Когда последние отголоски песен утихли и Харлампия обступила жуткая тишина, которая, казалось ему, проникала во все его поры, он быстро оделся, чиркнул спичкой и стал пробиваться к выходу. Но как ни подстёгивал его безотчётный страх перед тишиной и одиночеством, как ни казалось ему желанным высокое, ясное небо, он остановился, глядя на отблескивающие в свете спички никелированные части рации. Сжигая спичку за спичкой, Харлампий стоял перед нею, чувствуя, как непреодолимо растёт желание исковеркать, выдрать из неё все хитроумные лампы, непостижимым образом состоящие в посредничестве между ним и начальством экспедиции.

«Как славненько было раньше, – завистливо и оттого с ненавистью к тому, спокойному, ранешнему прошлому думал Харлампий. – Уйдёшь на полгода в тайгу, и всё. Сам себе любое начальство! Единственная связь – олени, да и то разок-два за сезон. А теперь? Вертолёты, рации и прочая механика. Каждый день отчитывайся, а зачем?»

– Зачем? – повторил он вслух, трудно отрываясь от рации.

Харлампий не сразу вдруг выбрался наверх по окончательно раздавленным ступеням. Он выползал и снова соскальзывал вниз, бороздя по снегу растопыренными пальцами, чертыхался, но всё же вылез из ямы.

Ночь голубела. Стараясь не продавливать снег и не шуметь, начальник подошёл к палатке рабочих. Здоровый храп подвыпивших людей глушил чей-то неясный шепот. Харлампий ворочал головой, пытаясь попасть в промежуток слышимости, и не попадал.

– Эт чо? – донёсся из нутра палатки сипоток Чифириста.

Начальник обмер.

– Стоит кто, ли чё ли, – встревоженно подтвердил другой голос, Харлампий не узнал чей. – А ну как медведь? Тень-то кака огромна на брезенте.

Харлампий неприязненно глянул на низкую теперь луну и, приседая, стал отходить назад.

– Дошаришься, кто там! – долетело вслед. – Жажну картечью!

Начальник подошел к своей палатке и вперил взгляд в женскую. Поднявший его с постели страх и предчувствие беды требовали придумать такое, что оправдало бы его перед любой инстанцией, придумать заранее. Но тот же самый страх вышибал всякие мысли, и Харламий мелко трясся от нервного озноба. «Окончательно заболел, температуру, – уверял он себя. – Свалюсь, обязательно свалюсь». Сквозь подошвы сапог Харламий чувствовал холод враждебного снега, в голове возник и назойливо плавал комариным писком один и тот же обрывок Гошкиной песни: «Стал я вроде не к месту заплаткой... стал я...»

– Один этот хахаль Карузо с ума может свести, – прошептал Харламий, и писк пропал. Но стоило ему закрыть рот, песня вернулась и закрутилась заевшей пластинкой.

– Тьфу-у! – сплюнул Харламий – Уж верно навязалась не к месту.

Когда забрезжил рассвет, Гошка проснулся, натянул свитер и выбрался из палатки. Крыши палаток от предрассветного, расцвеченного перламутром неба искрились изморозью. Он попытался разглядеть дальние гольцы, но взгляд рассасывало в голубом, размытом. Далеко внизу, где чернел лес и шумела Домугда, клубился туман.

«Конец метелям», – решил он. Идти досыпать раздумал: вот-вот выглянет солнце, а он любил рассветы. Отсюда с гольца можно было увидеть солнце намного раньше тех, кто живёт в городах и посёлках, а налюбовавшись восходом, милостиво позволить солнцу явить себя другим.

Улыбаясь, Гошка взял лопату. Снег только сверху подёрнулся коркой, под ней он был сочный, податливый. Гошка резал его на ломти, складывал возле палатки. Часа через два из снега выступила фигура женщины.

Гошка творил азартно: носился кругом, отбегал в сторону, приседал. Погрев руки меж колен, снова бросался вперёд, вминал неровности, наращивал нужное.

С востока напирала синева, грудя на запад редкие тучи. В предрассветной, чуткой тишине еще громче зазвонили под толщей снега разноголосые ручейки. Гошка курил, наблюдая, как на соседние горбы гольцов напозала золотая кайма, чётко оконтуривая их на пепельной холстине неба.

Неслышно подошла и остановилась у статуи Вера. Стыдливо разглядывая её, она переступала огромными сапогами, удручённо молчала. Гошка покуривал, косо поглядывая на повариху, ждал, что она скажет.

– Ну и как?

Повариха посмотрела на него, сказала жалеючи:

– Совсем изведёшься так-то. Спать надо по ночам.

– Спасибо за ответ, – поклонился Гошка. – Поговорили об искусстве.

– Не знаю, об чём спасибо, а изгаляться надо мной не следует. – Вера глядела на Гошку обиженными глазами. – Ты зачем меня такой-то скатал?

Он вплотную подступил к поварихе.

– Да ты никак подумала, что я тебя вылепил? – Гошка удивлённо оглянулся на статую. – Что ты, Верочка, нет. Это... никто. Обобщение.

– Пусть хоть и так. – Рот поварихи дрогнул. – Горемычная, как и я. На Тамарку не походит, та совсем не така.

Вера подошла к статуе, опустила руки. Гошка с любопытством наблюдал, как она копирует позу.

– Как есть я, только нагишом. – Повариха отступила, зашаркала сапогами в сторону кухни. С полдороги обернулась, сказала: – Чудно-ой ты скрозь... А бабу сломай, срам это, а не... общение.

Она скрылась в кухне. Вскоре белесый дым плотно повалил из трубы. Скатываясь по брезентовой крыше, он припадал к снегу и, тонко расслаиваясь, плыл в долину. Гошка сошел вниз. Ручейки огибали палатку, катили разноцветные камешки. Радостно было смотреть на их

игру, стоя на живой земле. Стена снежного среза доходила ему до плеча. Вчера она была выше, скрывала с головой. Подчищая водоотводную канавку, он двигался вокруг палатки. Лопата скрежетала по щебёнке, вздыхал, оседал наст. Гошка выбросил наверх измятый снег, принялся нарезать новые ступени и утрамбовывать.

Счастливо расслабленный, потирая глаза кулаками, из палатки выскочил Женька и с открытым ртом пулей юркнул за угол палатки, и оттуда послышалось: «Вай-вай-вай! Журчат ручьи, тра-та-та-та, и тает лёд и сердце та-ает!»

– На, разомнись, пока совсем не растаяло. – Гошка протянул ему лопату.

– Не время, князь. Я еще «спу».

– Ладно. Оставлю половину ступеней тебе. Нарезешь.

– Можно включу рацию? Хоть последние известия послушаю, что там на свете... Ну можно?

– Батареи и так едва тянут. Включишь – подсадишь. Как с базой свяжусь?

– Жмо-от! – заныл студент. – Хоть на минутку! Ведь чую – меня мама по эфиру разыскивает! – Он выбросил над головой кулаки. – Сбегу! Нарезу ступени и – к едреней фене.

– Не ори! Люди спят.

– Ещё бы! – Женька деланно хохотнул. – Устали спать, потому и дрыхнут.

Гошка шутя замахнулся на него лопатой, и Женька шмыгнул в палатку, считая, что разрешение включить рацию получил. Слышно было, как шлёпнулись на пол его сапоги, закашлял прокуренным горлом Харлампый.

– Гога, – скоро позвал Женька. – Подь скорее. «Снег над палаткой кружится» передают. Гошка быстро вскочил в палатку.

– Я тебе что говорил? – сказал, подходя к рации. – А ну вырубай!

– Полупардон! Старинная песня, – зашипел студент. – Юность отцов.

– Своего снега навалом, а ему всё мало. – Гошка рацию не выключил, присел рядом. Студент лежал, закрыв ладонью глаза, слушал. Его молодые пухлые губы растянулись в улыбке. Песня ещё не кончилась, а Гошка щелкнул выключателем.

– Вот. Был снег и нету. У нас бы таким манером. – Он взял студента за кисть руки: – Сколько накачал?

– Та-ак. – Женька присмотрелся к стрелкам. – Без четверти шесть.

– Через пятнадцать минут связь. – Гошка нахмурился, потёр лоб.

– Чего смурной? – Женька навёл на него ясные глаза. – Неужто действительно плохо?

– Хуже некуда. – Гошка прилёг рядом. – Ты ничего такого не чувствуешь?..

– Такого ничего. А ты чего?

– Контроль над собой терять начали, вот чего. – Гошка сцепил зубы. На обтянутом сухой кожей лице взбугрились желваки. Он с минуту глядел на студента и вдруг сорвался на крик: – Чего глазками ясными хлопаешь, салажонок? Звереть начали, а он – «такого ничего».

Женька опасливо отодвинулся в сторону, силился что-то сказать, но Гошка не давал, орал на него:

– Людей от безделья спасать надо!..

Он неожиданно умолк. В наступившей тишине Сергей на высокой ноте оборвал храп, приподнял голову, выпрастался из мешка:

– Опять ор? С базой говорили?

– Пока нет ещё, – ответил Женька. – Гога репетирует.

Потягиваясь, Сергей начал одеваться.

– Понятно, понятно. А тут чертовщина всякая снится, – пожаловался он, надевая сапог. – Вроде бы Харлампый – принц Датский. Голый, понимаешь, бегаёт, сам черный, негр негром, но Харлампый. Со шпагой. – Сергей покосился в сторону Харлампиёвой койки. – Кричит: «Быть лету или не быть? Вот в чём вопрос». – Сергей закатил глаза под лоб.

Женька зашелся в смехе.

– Тише, чертяка, нельзя же так. – Сергей покосился на спящего начальника. – Достукаешься, характеристику в институт составит такую...

Он на вялых ногах прокачался до порога, вышел. Женька не унимался, хохотал.

– Хватит ржать! – потребовал Гошка. – Башка и без тебя трещит.

– Здравствуй, Вера, здравствуй, – донёсся голос Сергея. – Раненько встаёшь, кормилица наша... Ну, если готов, будем завтракать.

– Слышал? – Гошка отмахнул головой. – Беги тащи.

– Э! Э-э! – Женька погрозил пальцем. – Сам бегай. Теперь я вольный от крепостной зависимости, забыл? А ты? – Он взглянул на часы, постучал ногтем по стеклу. – Пора, включай рацию.

Пока Гошка связывался с базой, кричал, клял помехи, требовал перейти на запасную волну, вернулся позавтракавший Сергей.

– Не будет! – встретил его злым выкриком Гошка. – У них там дождь, туман, будь он трижды проклят, вертолёт не выпускают, так я понял.

– Значит, у них там лето, дождь. – Сергей прижал кулак к опухшей щеке. – И не выпускают... Весь месяц то туман, то дождь... А если по санзаданию заказать? Прилетит?

– Обязан. – Гошка подобрался. – В любую погоду.

– Ну так что ж?

Из-под нар Гошка вытащил старые комплекты батарей, начал проверять их тестером.

– Бесполезно! – Женька махнул рукой. – Они же ёмкость потеряли. Пойдём жрать.

Сергей проводил его глазами, сказал с досадой:

– Все мы ёмкость потеряли. А ты всё же добейся связи, чтоб поняли нас без лишних слов.

– Попробую. – Гошка зачищал контакты батарей. – Напряжение в них какое-никакое есть, принимать можно, а включусь на передачу – с минуту, думаю, протянут, а потом – пшик...

– Во всём-то у нас пшик! – Сергей неумело ругнулся. – Что ж на базе не набрал батарей этих самых, с запасом?

– Что их надо ящиками хапать? – Гошка встряхнул чубом. – Выдали на месяц, обещали подвезти.

– «Обещали». Теперь связывайся на соплях. А запас, он, понимаешь... Пословица даже на этот счёт есть.

– Знаю, знаю пословицу ту. Вот настроюсь на волну и буду долдонить: сос, в отряде тяжело больной, сос, в отряде...

– Не вздумай! – отбросив клапан спального мешка, погрозил пальцем Харламий. – По санзаданию они вылетят, но ведь дождь, могут грохнуться. Знаешь, что всем нам за обман будет? – Он покашлял в кулак. – Так что отставить эту затею. А вы, Сергей Иванович, инженер со стажем. Не ожидал, что рискнёте на такое.

– погоди, Харламий! – вмешался Гошка. – Какой обман? Ведь ты болен же!

– Но не умираю же! А таким вызовом позволено пользоваться только в крайних случаях. Это же всегда риск!

– Послушай, Харламий! – взорвался Сергей. – Отряд в таком положении, что любой риск будет оправдан! Вон я только что опять с рабочими беседу имел...

– Ну и... – Харламий насторожился. – Как они?

– Что «как они»? – раздражённо переспросил Сергей. – Не пляшут же! Злые, понимаешь, опухшие. Сходи сам и послушай, о чём говорят.

Он дунул в мундштук папиросы, сунул её в рот. Харламий, потирая виски, сказал:

– Вот орёлики. Опухшие? Вчера у них брагу нашел. Велел же вылить!

– Ка-ак же, – съязвил Гошка. – Так толпой и бросились выливать.

Начальник наложил руку на лоб, простонал:

– Охо-хо. Не послушался Хохлов... Гоша, свяжешься с базой, попроси ответ на нашу телеграмму. Официальный, за подписью начэкспеда.

– «Попроси!» – взъярился Гошка. – Открытым текстом такое загну, что б у них там штаны посползали!

– Ты что это? – начал багроветь начальник. – За хулиганство в эфире судят! Развинтился до безобразия! Если доверили рацию, решил что вздумается вытворять? Нет, дорогой, не позволю.

Сергей хмуро слушал их препирательства. Харлампиский постепенно успокоился.

– Как она не вовремя привязалась, хвороба, – пожаловался он, не отнимая руки со лба. Виновато уставился на Сергея. – Раньше-то, бывало, днями по колена в воде бродишь – и хоть бы хны. А теперь...

Сергей, нахмуренный, весь в себе, все же отреагировал на его слова – безучастно покивал, зато Гошка не упустил случая, поддел:

– Состарился, Харлампиский. Сидеть бы тебе в конторе, в тёплом месте...

– Нет уж. – Поняв намёк, начальник отряда протестующе повозил головой по подушке. – В конторах теперь всё больше молодые сидят, да ранние, вроде тебя, молокососа. А я старый полевой волк. Так-то.

Сергей встал, загородил собой Харлампиского от Гошки.

– Чего ты, Гога, на самом деле? Перестань, всё же он постарше тебя как-никак. – Повернулся к начальнику. – Тамара аптечку принесёт, выпьешь чего надо, а то чёрт знает, всякое может приключиться: воспаление легких, к примеру.

– Спасибо, Серёжа. – Харлампиский зашёлся надсадным кашлем. В глубине палатки глаза его сердито поблескивали. – Действительно, чувствую себя неважно. С недельку проваляюсь, знаю. Ты уж тут пораспоряжайся, прими, так сказать, командование.

– Ну какой разговор! – Сергей дёрнул плечами. – Отлежись, справимся, я думаю.

– Справимся, – подтвердил Гошка. – Объём работ. – Он раскинул руки в стороны. – Можно и лёжа руководить.

– Ну ты даёшь! – Сергей неодобрительно крутнул головой. – Человек болен. Посочувствовал бы, не ёрничал.

Сочувствовать Гошка явно не хотел. Он откинулся на спальник, завёл руки за голову. Солнце косо било в окошечко палатки, и там, где конец яркого бруса упирался в землю, она, подсыхая, парила. Сергей вытащил рюкзак, развязал.

– Схожу-ка я на первый участок, давно уж не проведывали.

– Хорошее дело, – одобрил Харлампиский. – Может, там хоть где-нибудь земля оголилась, зададим канавы, пусть долбят, дают плану кубаж.

– «Хоть где-нибудь»? – переспросил Гошка. – Без геофизических данных, на пустом месте? Так надо понимать? Это липа, Харлампиский.

– Ничего. Можно задать, – ответил за начальника Сергей. – Я тоже об этом думал. Заактируем как канавы, горные выработки по ложным аномалиям.

– Что, Георгий, съел? – Харлампиский с упрёком уставился на Гошку. – Серёжа спец по золоту, в урановой экспедиции первый год, здесь особая специфика, а уже разобрался, вник. С умом к делу подходит, с головой. Результаты поисков, само собой, вещь наиважнейшая, но план, пла-ан – бог! Выдай кубаж, хоть умри. Так что эти канавки тоже в дело пойдут. Сейчас главное – дать рабочим разрядку. Им всё равно где копать, был бы заработок.

Гошкина голова в солнечном столбе, и ухо малиново просвечивает. Он сидит пришибленно, растерянно водит глазами.

– Но почему же по ложным аномалиям копать, их ведь тоже документировать надо, графики строить. Или наугад в карту тыкать? – Он спустил ноги на пол. – Нет, командиры, это вы задумали плохо. Как геофизик я против.

– Надо копать, Гоша, где угодно, – настаивал Сергей. – От сознания, что начали наконец работать, рабочие духом воспрянут.

– А мы?

– Мы – ладно. – Сергей похлопал Гошку по плечу – А вот они... Моральный фактор надо учитывать.

– Иди на южный участок, – вроде бы сдаваясь, посоветовал Гошка. – Нельзя ли там разбросать снег, на невоскрытых аномалиях? Попробовать копать с пожогом.

– Костры твои зальё-ёт, – простонал Харламий. – Вода прёт под снегом.

– Надо пробовать, – упёрся Гошка. – Там есть начатые канавы, их прошлый год осенью буранами занесло. С ними повозиться я согласен. Жди меня там, после связи подбегу.

– Добре, подбегай. – Сергей накиннул на шею ремешок фотоаппарата. – На месте посмотрим, подумаем. Возможно, отвалы обнажились или профильные колышки. Ты план участка прихвати.

– Прихвачу обязательно. А ты вот это обнови. – Гошка вытащил из-под нар Женькины снегоступы.

– Давай, – обрадовался Сергей. – Это давай, оценим. Еще ружьишко твоё попрошу.

Гошка подал ему двустволку. Сергей переломил её, заглянул в стволы.

– Как бой?

– Нормальный. Это, брат, штучной работы, девятьсот десятого года.

– Царская? – изумился Сергей, разглядывая на казённом императорских двухглавых орлов.

– Отечественная, – поправил Гошка. – Тульской работы. Держи патронташ.

– Бра-атцы! – позвал Харламий. – Вижу, начинаете справляться и без меня, так уж позвольте отстраниться на время от дел по закону, официально.

Гошка хмыкнул:

– Бюллетень выписать? Или приказ повесить?

– А что, и приказ! – Харламий приподнял голову. – Надо. Тут производство, а не частная лавочка. Так уж, Сергей Иванович, черкни, я подмахну. Честь по чести.

– Да надо ли? – затягивая ремень патронташа, засомневался Сергей. – Через пару дней поднимешься. К чему формальности?

– Надо-надо, напишем. – Харламий порылся в полевой сумке, вынул лист бумаги и авто-ручку. – На-ко вот, сочини, побудь хозяином.

– Ну, если без этого не обойтись... – Сергей подсел к столу и начал писать. Гошка, как и прежде, изучающе наблюдал за Харлампием, который совсем скис и тихо постанывал.

– Так, что ли? – Сергей протянул лист начальнику.

– Бу-бу, ага, угу-гу, – задвигал губами Харламий. – Всё по форме: число, месяц, фамилия. Спасибо, командуй. – Виновато улыбаясь, он поставил свою подпись, откинулся на подушку. Руку с приказом положил на грудь.

Гошка обнял Сергея, повёл к выходу.

– С повышением вас, Сергей Иванович! – сладко пропел он. – Рады мы, очень рады-с!

– Ой не радуйся, Георгий Петрович, – в тон ему ответил Сергей. – Если Харламий заболел серьёзно и его придётся отправить на базу... В общем, я тут наведу порядок. Это вы учтите, товарищ геофизик.

– Учитуваю. Нужен порядок, – согласился Гошка.

– Вот я и обещаю навести его. Работать начнём немедленно, и там, где укажу. Панибратство и пререкания – побоку. Пора всем гайки подкручивать.

Гошка уже не улыбался. Сейчас в Сергее было что-то такое, что заставляло верить – этот возьмётся за дело круто. Он покосился в сторону Харлампия. Тот лежал, закрыв глаза, но по напряженному лицу, на который падал желтый свет плошки, было видно – прислушивается.

– Подкручивай, – жестко, без всегдашней усмешки, согласился Гошка. – Дело нехитрое. Главное – резьбу не сорви.

– Это я учту. А ты после связи немедленно на участок, – напомнил Сергей и, развернув полотно, вышел из палатки. Гошка слышал, как он выбирался из ямы, что-то недовольно бурчал, потом влажный хруп снега под его ногами отдалился.

– Гога, – расслабленно позвал Харлампий. – Сними копию с приказа, будь ласка, да повеси у кухни, лучше внутри, чтоб ветром не унесло. – Он, как белым флагом, помахал листком. – Новый-то начальник, Сергей Иванович, крутёхонек, а?

Гошка подошел к нему. Взял приказ, бегло прочел и бросил на стол. В палатку постучали, просунулся белый ящичек, потом показалась Тамара.

– С добрым утром. – Она остановилась у порога и, широко раскрыв глаза, осваивалась с полумраком. Гошка провёл её к начальниковой койке, сам сел к столу.

– Что с вами? – Тамара склонилась над Харлампием. – Как самочувствие?

– Да вот. – Начальник смутился. – Скрутило... во рту сухо.

Тамара протянула ящичек.

– Надо что-нибудь против простудное. Кальцекус или... я не знаю, что надо в таком случае. – Начальник порылся в аптечке, нашел что надо, попросил записать. Тамара налила ему в кружку холодного чая.

– Ломает всего, потею, а жару нет. – Харлампий положил в рот таблетку, отхлебнул из кружки, прополоскал рот и гулко сглотнул. Тамара поморщилась.

– Грипп бывает и без жара. – Она закрыла аптечку. – Кажется, «возвратный» называется.

– Похоже, он и есть. Коварный.

Гошка подошел к ним, взял из аптечки только что надорванную пачечку таблеток.

– Как бывшему армейскому санинструктору мне стыдно, – сказал он, разглядывая пачечку. – Неужели при гриппе теперь пьют это?

– А что он выпил? – заволновалась Тамара. – Говори же, что?

– Что надо, я думаю. – Гошка качнулся на носках. – А ты тоже, сестра милосердия называешься.

– Ну, знаешь! – Тамара возмущённо выпрямилась. – Я, в конце концов, не врач и даже не санинструктор. Ты разбираешься, вот и посоветуй, что пить.

Они посмотрели на Харлампия. Начальник лежал, вытянувшись, безучастно глядя перед собой, будто увидел там, в открывшемся ему далеке такое, что милостиво дано узреть только умирающим.

– Харлампий, – окликнул Гошка. – А, Харлампий!

– Ну чего ещё? – не меняя позы, отозвался начальник. – Ты хоть кому-нибудь дашь спокойно помереть?

Гошка отвёл Тамару, усадил на краю нар.

– Дуру ломает, – шепнул он ей. – Похоже, сматывается с корабля.

– С какого корабля? – Тамара дрогнула сиреневыми губами. – Вдруг отравился?

– Всё в норме, – успокоил Гошка. – Закрепляющее принял.

– Не надо, – попросила она. – Ведь ты же добрый, Гоша, я знаю. Почему стараешься казаться злым, грубым?

– А я не стараюсь. Я просто всякий. – Он вынул платок и, притянув Тамару к себе, обтер её щеку.

– Что там нашел? – Она скосила глаза.

– Сажа была. – Гошка отстранил её на вытянутые руки. – Теперь нету.

Она прильнула к нему, зашептала:

– Я, по-моему, тоже бываю всякая. Помогаю Вере кастрюли чистить, золу из печки выгребаю, рабо-отаю. – Тамара смотрела радостно, будто ожидая похвалы. – Я и готовить сама умею.

В техникуме из нашей группы лучше всех салаты делала, шью, крою. В общежитии возле девчонок всякую науку прошла.

– Томик, ты очень способная, очень.

Тамара быстро поцеловала его в подбородок, спрятала на его груди голову, попросила:

– Пойдём к нам? Там уютнее, печка топится.

Гошка отказался, наговаривая ей на ухо, что скоро связь с базой, а там надо идти на участок. Всё так же прижимаясь к нему, она молча кивала головой.

– Мне страшно, Гоша. Что-то такое вокруг, или только мне, дуре, кажется. Вот ушел ночью от меня, и всё, кольнуло в сердце: «Больше не придёт. Ничего у тебя, Томка, хорошего в жизни не было и не будет». Ну скажи, что это неправда.

– Неправда. – Он сжал её руку. – Ты так больше не думай.

– Хорошо. – Она пальцами промокнула глаза. – Не думать – не буду... Ты что там за красотку вылепил? – Мокрыми глазами ревниво взгляделась в его лицо. – Какую свою мамзель изобразил?

– Ну, Тому-уся! – Гошка отстранил её от себя. – Женщина имя её! Пусть народ смотрит, помнит о вечном, о прекрасном, чтоб не опускался на четвереньки, не зверел.

– Ла-адно уж. – Она ладошкой шлёпнула его по руке. – Всё же отвечай, как зовут твою прекрасную.

Гошка облапал её, поцеловал.

– Подлиза! – Тамара запустила пальцы в его вихры. – Всё равно ты не как все, ты странный, нет, не то слово. В общем, я Верке ни на словечко не поверила, что ты её вылепил.

– Во-от оно что! – Гошка рассмеялся, вспомнив, как повариха копировала позу статуи. – Нет, не её, хотя стоило бы. Одна за всех трудится.

Тамара оттолкнула его, капризно надула губы.

– Лучше бы аппаратурой занялся, графики составил. Фон на снегу в нужной норме.

– Не выйдет. – Гошка виновато потёрся ухом о плечо. – Я все батареи из приборов вынул для рации.

– Ну, не выйдет, так не выйдет... Рабочие грозятся уйти на базу пешком, ты знаешь? – Тамара хрустнула пальцами. – Это же опасно, как не понимают.

– Понимают. Только им Хохлов мозги запудривает.

– Ужасный этот Хохлов... А они как дети. – Тамара потрогала носки резиновых сапог. – Носки шерстяные надела, портянки навернула, а всё ноги мёрзнут... Понять рабочих можно, Гошенька, люди надеялись хорошо заработать.

– Понять можно, – согласился Гошка, – но уходить им из лагеря невозможно! С тайгой шутить нельзя.

– Ведь за деньгами ехали. Там семьи, дети ждут. Вот и пойдут.

– Не пойдут, – сквозь зубы процедил Гошка. – Пешком пойдут, крестом на пути лягу, вот так.

Тамара сбоку удивлённо взглянула на него.

– Ты что такое говоришь? Почему крестом?

– Я им на базе хороший заработок обещал, а тут вон что! – закипая, продолжал Гошка. – Ведь копали же прошлый год в эту пору? Во всю копали!

– Год на год не сходится, – возразила Тамара, ресницы её испуганно вздрагивали. – Позавчера какой буран был, что творилось! Я раньше такое только в кино про полярников видала.

– Ведь не врал же им я! И они мне поверили, – не слушая её, выговаривал Гошка. – А чем теперь мне их веру поддержать? Я вроде козла-provокатора оказался. А что на базе предупреждал о снеге, этого не помнят. – Он вдруг выругался. – Говоришь, махнут рукой и пойдут? Так это на меня, трепача весёлого, махнут. А я не приучен, чтоб на меня махали.

Тамара задумчиво покивала, поднялась.

– Я тебя, Гошка, понимаю, – сказала она. – Кажется, понимаю. Я пойду.

Он взял у неё аптечку, помог выбраться вверх, сам остался у входа.

– Нет, ты иди-ка сюда. – Тамара протянула ему руку, Гошка вылез из ямы. Она лукавыми глазами показала на статую, у ног которой сидел на корточках Женька и что-то увлечённо лепил. Гошка присвистнул:

– В соавторы лезешь? – надвигаясь на студента, весело выкрикнул он.

Женька вскинул на него ясные глаза, заскалил:

– Недокомплект же! – со смехом объяснил он. – Женщине подобает быть с дитятем!..

В ногах статуи лежал вылепленный из снега ребёнок.

– Это не её плод. К тому же слепой! – орал Гошка. – Зачем ей подкидыш? Она символ чистоты, девственница!

– Сейчас прозреет чадо! Я ему очи черные припас! – весело защищался студент. – Он ловко вставил две сизые сливины вместо глаз. – Какой же он подкидыш, он её, кровненький!

Тамара слушала их перебранку, улыбалась. Она понимала, что весь этот суматошный крик – не больше, чем обычный их балдёж, пустой, надоевший. Крик этот привлёк рабочих. Они вышли из палатки, подошли и, встав полукругом, молча разглядывали статую.

– Не извращай композицию! – наступал Гошка.

– С дитём разлучать не дам! – не сдавался студент.

Хохлов перевёл насмешливые глаза со статуи на Гошку.

– Баб лепит, – сказал он и повернулся к Тамаре. – Мало ему тебя, он ещё снежную завёл.

– Повариху – и тоё охмурили, – вынимая из рукавов телогрейки бледные руки, подсказал Васька.

Тамара отступила от тяжелых глаз Хохлова и, проваливаясь в рыхлом теперь насте, побежала к своей палатке. Начёс желтым клубом вился над её головой.

– И-эх! – криком подстегнул её Хохлов.

– Но ты-ы! – Гошка быстро сгрёб его за грудь, рванул на себя. – Ты-ы!

– Сопля-а! – удивлённо ахнул Хохлов и страшно, так, что затрещали отвороты Гошкиной телогрейки, сжал на ней обветренные кулаки. Наклонив головы, лоб в лоб, они затоптались у статуи.

– Ребёнка растопчете! – закричал Женька.

Хохлов и Гошка замерли, посмотрели под ноги и, оттолкнув друг друга, расступились.

– Памятники лепят! – силно прокричал Васька Чифирист. – Тут хоть пропадай, а имя куклу жалко! – Он замахнулся на Женьку.

– Цыц! – Хохлов поддел ему ногой под зад. Васька отлетел в сторону, вмялся лицом в наст.

– Тоже мне драчун, – усмехнулся Хохлов. Он гребанул согнутой в локте рукой, и рабочие, как привязанные, потянулись за ним в палатку.

– Та-ак, – поднимаясь на колени, зашлёпал разбитыми губами Васька. – Значит, кровь начали пущать? – Он поднял глаза от испачканной ладони, дурно посмотрел на парней.

– Ты снегу приложь, – посочувствовал ему Женька. – А то во как разбарабанит.

– Пойдём залепим лейкопластырем. – Гошка взял его за рукав, но Васька, всё так же глядя вслед Хохлову, выдернул руку и решительно пошел за рабочими.

– Его жалеют, а он выкобенивается, – сказал Женька. – Пижон!

Васька крутнулся, зло приузил глаза на Женьку и, медленно отводя руку от губ, с силой запустил в него снежком. Студент увернулся, и снежок, просвистев у него над ухом, попал в статую.

Харламбий лежал на раскладушке, прислушивался к крикам, но тревоги, что терзала его в последнее время, не чувствовал. Наоборот, покой высветлил лицо, стёр горестные морщины.

Довольные глаза нет-нет да поворачивались в сторону стола, на котором лежал листок приказа о временной замене его на посту начальника отряда. То, что дело с заменой им было обдумано заранее, Харлампия не тяготило. Он раз и накрепко приказал себе поверить в болезнь и отсюда в законное оформление приказа о замене.

Скоро крики стихли, и в палатку вернулись мрачные Гошка с Женькой. Они молча уселись перед рацией, и Гошка включился на приём. База молчала. В наушниках слыла злоепоющая немота, изредка простреливаемая чужой морзянкой. Постепенно её очереди отдалились и заглохли совсем.

– Конец, – тихо проговорил Гошка, стягивая с лохматой головы резиновые чашки наушников. – Они не вышли на связь, им это необязательно, а я сжёг последние батареи.

– На леченой кобыле далеко не уедешь, – глядя на еле светящийся глазок индикатора, изрёк студент.

– Брось, не мучайся. – Харламбий шевельнул тощей рукой. – Телеграмму они получили, значит, в курсе дела, брось.

Гошка потянулся к выключателю, но Женька отвёл его руку. Так они сидели перед рацией до тех пор, пока совсем не пропала накальная нить лампы. В этот момент они так были похожи друг на друга, что показались Харлампию двойниками. Он даже захлопал глазами, чтобы сморгнуть привидевшееся.

– Кто мы? – спросил Женька, глядя на умерший глаз индикатора, и голос его странно дрогнул. – Мы чей-то бред, бре-ед. Сидим здесь всегда, тысячи лет, мы с другой планеты, но не помним, с какой, а за нами не возвращаются. Мы придумали базу, похожих на нас людей, пытаемся войти с ними в контакт, а их попросту нет. Ни-че-го нету!

– Подайся в писатели, пока еще второй курс! Ай-яй-яй, – водя глазами за Женькой, робко пристыдил Харламбий. – Как это ничего нету? И база есть, и начальство, рядом Байкало-Амурскую магистраль строят наши люди. Ты приляг, отдохни, уймись.

– И верно – уймись! – Гошка дёрнул за шнур, и штепсель, чмокнув, вылетел из гнезда. С мрачным видом смотал шнур на наушники и всё это забросил в дальний угол палатки.

– Правильно, – одобрил Харламбий. – Меньше нервотрёпки. Погляди на себя, почернел весь.

Гошка не ответил. Оттолкнув с дороги Женьку, прошел к противоположным нарам, вытащил вторую пару снегоступов, начал одеваться.

– Бежишь? – нажимая на шипящие, спросил студент.

– Собирайся, вместе ходим на участок, – грубо предложил Гошка, подпоясывая ремнём телогрейку. – Тебе надо провентилироваться. Воздух на верхотуре всякий бред снимет.

– Заприглашал! – замахал руками Женька. – А сам чужие снегоступы захапал!

– Сергей ждёт. Тозовку дашь?

– Бе-ри! – отчаянно отмахнулся Женька. – Всё раздаю, даром! – Он порывлся в рюкзаке, достал пачку патронов. – Лови, шмаляй на утеху.

Гошка поймал пачку, спрятал в карман. Ремень тозовки перекинул на шею, снегоступы взял под мышку и вышел. Стоя наверху, заметил, что обе руки у статуи отвалились и подтаявшей горкой лежат у ног. Он отвернулся.

– Солнышко-то как разыгралось! – подходя с миской в вытянутых руках, заметила Вера. – Глядишь, и лето скоро высидим.

Он отступил с дороги. Повариха встала на ступеньку, поскользнулась и на спине с визгом въехала в палатку.

– Ты чего? – опешил Женька.

– Склизко! – поднимаясь на ноги, ответила напуганная Вера. – Лестница ваша стояла. – Она отстранила руку с миской, отряхнула подол от оплесков.

– Не ушиблась?

– Не-е. – Вера переступила сапогами, подошвы которых загнулись арбузными корками. – Прямо как по желобу влетела, чуть сердце не выскочило.

Женька показал глазами на её огромные стоптанные сапоги:

– Где такую рванину откопала?

– Кирзушки-то? – Повариха приподняла ногу. – В них самый раз. В резиновых ревматизмы развиваются. – Она подошла к Харлампию. – Вот бульону вам из свеженьки сготовила. Женька вчера куропатку принёс, из неё.

– Да? – Харламгий приподнялся, потянул носом. – Наваристый, ничего не скажешь.

– Пока горячий – полезнее. – Вера поставила миску на край стола. – Сейчас и чайку сбегая принесу.

– Спасибо тебе. – Харламгий, таясь от Женьки, придержал её руку в своей. – Хлопотунья ты, молодец, благодарствую.

– Ой да чо, кака-така хлопотунья. Я и себе в радость.

Радостная, с растерянной улыбкой, она прошла к выходу, гибко выскользнула из палатки. Харламгий осторожно поставил миску на колени, зачерпнул ложкой.

– Что, небось головы с похмелья раскалываются? – с укоризной спросил он, старательно прожевывая хлеб.

– Клёпки подогнаны прочно, Харламгий Адамыч, да и выпили в меру, – ножиком нащипывая лучину, отозвался Женька. – В полгода бутылку – эка! Слону дробина.

– Нашли время веселиться! – укорил начальник. – Тут впору волком выть...

– А кого нам бояться! – Женька сердито дунул в печь и попятился, отмахиваясь от пыхнувшей оттуда золы.

– Вот выздоровею, я за тебя возьмусь, – пригрозил Харламгий. – Гошку копируешь, подражаешь во всём, а тёмные пятна в его биографии не учитываешь. Так жить безоглядно нельзя! – Он взмахнул ложкой. – Ты без пяти минут инженер! Подчинёнными единицами руководить придётся, а кого в себе воспитываешь? Смотри, дошutiшь. Напишу в институт соответствующую характеристику.

Что-то сильно толкнулось в палатку, и брезент входа отдёргнулся в сторону. Цепляясь стволом тозовки за полог, вошел Гошка.

– Давай очки, – потребовал он. – Глаза не терпят.

Женька покорно вынул из кармана очки, стал протирать стёкла. Харламгий слил остатки бульона в ложку, спросил:

– Уверен, что найдёшь канавы?

Гошка кивнул, взял у Женьки очки, попросил:

– Ступени новые нарежь, а то шею свернуть можно.

В палатку снова вкатилась Вера и, прижимая чайник к груди, заплакала.

– Что там? – крикнул Харламгий. – Опять что?

– Обзывают всяко! – в голос начала Вера. – Продукты берут без спроса!

– Вот оно-о, началось, – упавшим голосом протянул Харламгий. – Гошенька, глянь сходи. Если пойдут – препятствуй! Но аккуратней, чего доброго прибьют.

Гошка поднял с земли повариху, выскочил вон. У кухни, глядя на итээровскую палатку, гурьбой стояли канавщики. Он надел очки, подошел к ним.

– Не дело задумали, братва.

– Дело! – Васька потряс банкой тушёнки. – Вона снова тучи заходят, где ж он прилетит к обеду, вертолёт ваш? А это... – Он подбросил на ладони банку. – Харч на дорогу. Имеем право взять? Имеем.

В руках у рабочих по одной – по две банки.

– Но не таким же образом. – Гошка пнул сапогом пустой ящик. – Это же разбой.

– Ты вот что, – шаря глазами по лицу Гошки, задохнулся от злости Хохлов. – Ты нами не командуй, ты поварихе скомандуй продукты выдать по-хорошему, чтоб разбоя не выходило!

– Побольше сухарей, братишечки! – завопил Васька Чифирист. – Рвём из этой слепени! – Он ткнул пальцем в перебинтованного. – Все такими станем. Айда на кухню, хватай что попадёт!

Рабочие не шевельнулись. Они стояли потупясь, невольно пряча за спины банки консервов. Васька влетел было в кухню, но, увидев, что он один, выскочил назад.

– За что мы тут слепнем? – снова насел он на Гошку. – Кто ответит, какой опыт над нами проводят? Ты?

– Не ори! – тоже закричал Гошка. – То-то, я гляжу, ты ослеп, а всё шибко видишь. Заказали всем очки тёмные. Привезут.

– «Привезу-ут!» – передразнил Хохлов. – Видали гуся? А ты сейчас помоги человеку! – Он сорвал с Гошки очки, надвинул ослепшему поверх бинтов.

Гошка сощурился.

– Не дурите, мужики, – миролюбиво попросил он. – Вертолёт каждую минуту...

– Кончай заправлять! – Не дав договорить, плечом в грудь толкнул его Васька. – Теперь нас не сдерживай. Иди. Пушай Верка выдаёт сухарей и комбижиру.

– Да вы что, вы же на смерть идёте.

Хохлов злорадно наблюдал за Гошкой, готовый тут же подсобить Ваське, если начнётся драка. Но Гошка на толчки Васьки не отвечал, продолжая доказывать, что затея их безрассудная. Видя, как рабочие начинают склоняться на его сторону, Хохлов широкой грудью напёр на Гошку, предупредил:

– Советую прекратить базар. Что ты пугаешь пужаных? Спустимся с гольца вниз, там пойдём речкой до Лены, а там сядем на пароход. Помаячим с берега – подберёт.

– Подберут нас, понял? – плаксиво подхватил Васька. – Устроимся в другом месте.

Гошка оглянулся. У итээровской палатки, опершись на черенок лопаты, стоял Женька и внимательно, весь напряжённый, смотрел на него.

– Ладно, Хохлов, твоя взяла, – повернувшись к бригадиру, вроде бы сдался Гошка. – Только объясни ребятам, шустряк, за сколько дней доведёшь их до Лены.

– Гляди-ка, – оторопел Васька. – Оскорбляет.

Хохлов повёл белесыми глазами, ответил Гошке:

– За день доведу. Летели сюда – приглядывался. Сорок километров, не больше.

Гошка утёр повлажневший лоб, тяжело выдохнул воздух.

– Ну, дура-ак, – сочувственно протянул он. – Через горы идти надо, а там снег на перевалах почище, чем здесь. И речкой не пройдёшь, там они повздувались, быка свернут, а если где наледи, так это ловушка. Соображать надо.

Васька, открыв рот, изумлённо смотрел то на Гошку, то на Хохлова.

– И ты ему не врежешь, бугор. – Он подтолкнул бригадира. – Дурака спустишь?

Хохлов надвинул ему шапку на глаза, уставился в далёкую отсюда долину, задёрнутую густым сизым маревом.

– А что тут соображать? – Он приузил глаза. – Мы уж посоображали и решили, верно, ребята?

– Дойдём, – неуверенно прошумели рабочие. – Хаживали.

– Сорок километров осилим.

– Не сорок, хлопцы. – Гошка повернулся к женской палатке, громко позвал: – Тамара!

Она выбралась наверх, придерживая у горла отвороты голубой куртки.

– Принеси на минуту планшет, – попросил Гошка и повернулся к Хохлову. – Тайгу на горло не возмёшь, пережуёт и выплюнет.

Подошла Тамара, протянула планшет.

– Ну, кто с топографией знаком? – Гошка оглядел рабочих. – Нате, прикиньте, сколько вёрст вам ломать до Лены. В сантиметре – десять километров. Мозгуйте.

Нахмурясь, Хохлов взял карту. Канавщики с интересом обступили его. Гошка сунул руки в карманы, подмигнул Тамаре, пусть, мол, подсчитывают, авось образумятся. Она поняла его, одобрительно прикрыла глаза.

– Наврано всё. – Хохлов сложил карту, вернул Гошке. – Летели всего час, а тут... Мало ли чего можно на бумаге напороть.

– Ну ты скажи! – Васька облизал вспухшие губы. – Кругом обман. Даже в картах!

– Нет, Вася, не обман. – Он поправил ремень тозовки. – Ближний путь – сто пятьдесят, а не сорок. Столько и бывалый таёжник в эту пору не осилит, да и рисковать не станет. Так что прошу вас – бросьте валять дурака.

– Чего-то уж больно много, если не врёт, – шаря в затылке, засомневался Васька. – Сто пятьдесят?.. Ого! Это же сколько кружек чифиру выжрать надо, чтоб дотопать?

Он ошалело заводил глазами. Рабочие заулыбались.

– Ну-у, влипли бы! – с отчаянием заговорил перебинтованный и сплюнул себе на сапог.

Гошка отдал планшет Тамаре. Рабочие дружески смотрели ей вслед, будто она уносила от них навязанную им беду. Стояли не шевелясь, отбросив на снег короткие синие тени. Солнечные лучи гвоздили сугробы, из них, изноздренных, поднимались курчавые дымки испарений, и дальние голыцы за ними сизо дрожали.

– Возьми, пожалуйста. – Перебинтованный снял очки, наугад протянул Гошке. Он взял их, сунул в карман.

– Ребята, давайте начинать что-нибудь делать, – проталкиваясь к Гошке, заговорил Николай. – Вон Верка, когда уж просит пол настлать. Сходим в долину всей оравой за жердями, за час нарубим.

– Вот это по уму, – весело поддержал Гошка. – И палатку окапайте, а то скоро вода попрёт, будете плавать, как в аквариуме. Шевелись, братва.

– Ну так берём топоры – и айда?.. – Николай обернулся к канавщикам, но наткнулся на иронический взгляд Хохлова. Замолчал.

– Чо припух? Агитируй, – просипел Васька и покрутил тонкой шеей в раздольном вороте телогрейки. – Навалился рубить – валяй руби. – Он покосился на Хохлова. – Может, за усердство бригадиром поставят.

– И пойду, – отрываясь от глаз Хохлова, выкрикнул Николай. – Кто со мной? – Он нагнулся, вытянул из коряги воткнутый топор.

– Лоб здоровый, один справишься, – обронил в тишине Хохлов, и никто из рабочих не стронулся с места. Они только переглянулись и тут же отвели глаза, потупились. Николай один пошел вниз. Шел он неуверенно, криво переставляя ноги, и, чем дальше отходил от товарищей, всё замедлял и замедлял шаги. Гошка краем глаза наблюдал за канавщиками, ждал, чем всё кончится. Видя, что его взяла, Хохлов пристукнул банками тушёнки, насмешливо крикнул: – Шибче спускайся, а то мы тебя нагоним и срубим несколько жердин в помощь!

Николай остановился и, растерянно глядя на товарищей, повернул назад.

– Забыл, понимаешь, – сказал он, подходя к Гошке и выворачивая из кармана банку тушёнки. – Разоружаюсь, вот. – Он бросил её в пустой ящик.

– Облегчился, теперь иди-иди, подавай пример. – Васька схватил Николая за рукав. – Сказано – шибче спускайся.

– Убери цапку! – Гошка резко отбил в сторону Васькину руку. – И давай сам разгружайся, хватит комедь выламывать. А вы, ребята, что так дешёво продаёте себя этому хмырю? Он из вас, как из шестёрок, верёвки вьёт.

Круглолицый парень исподлобья глянул на Хохлова, полез рукой за пазуху.

– Оно и верно – дури́м, – согласился он. – Я думал – за день добежим, а раз так... – Он бросил свою банку. Следом, стуча о дно ящика, упало еще несколько.

– А ты? – шагнув к Хохлову, с угрозой спросил Гошка. – Ты чего ждёшь?

Васька Чифирист из-за спин рабочих быстро выбросил свои, брезгливо отряхнул ладони. Хохлов презрительно прищурился на него, потом так же оглядел остальных.

– Уд-дивительно мне, – глухо проговорил он и швырнул свои банки в снег у кухни. За ним дружно выбросили те, кто всё ещё держал в руках тушёнку. Красные этикетки с рогатыми быками жарко испятнали снег, десяток донышек-солнц вспыхнули, наставив на людей узкие лезвия нестерпимого света.

– Оставайтесь. – Хохлов задрал бороду, оглядел горизонт. – Сегодня ночью вас здесь снегом завалит, вон они, тучки, сползаются. – Он сплюнул и пошел в палатку. За ним побежал Васька. Он крутился вокруг Хохлова, размахивал руками, что-то доказывал или оправдывался.

– Собрались два гада, назвались – бригада! – вслед им крикнул Николай. Рабочие рассмеялись, кто-то пронзительно свистнул. Хохлов даже не оглянулся, зато Васька погрозил кулачком и, взмахнув лапами телогрейки, спрыгнул за бригадиром в яму.

Рабочие дружно – кто взял верёвки, кто топоры – окружили Николая, договариваясь, по какому склону будет сподручнее заволакивать наверх жерди. Гошка сказал им, что пошел намечать канавы, попросил не отпускать из лагеря Хохлова с Васькой.

– Вдвоём идти сдрейфят, – успокоил Николай. – Такие только в толпе ячатыся.

Женька наблюдал за Гошкой, пока тот не забрался на увал и не скрылся за ним. Повеселевшие канавщики посовещались и гурьбой повалили в свою палатку. О чём они там шумели, разобрать было нельзя, но скоро в палатке стало тихо. Он нарезал новые ступени и отдыхал, глядя в долину. Борта долины, зелёные далеко внизу, чем выше поднимались к лагерю, всё больше рыжели мёртвой травой и наконец пропадали под гигантской наплёпкой снега, на макушке которой стояли палатки отряда. Уже давно отмаячил на втором снежном увале Гошка и скрылся за дальним гребнем, а Женька всё стоял, опершись на лопату, испытывая неуёмное желание сбегать вниз к траве, упасть, зарыться лицом в брусничник или швырять и швырять камни в пенную от паводка реку. Но, представив, как тяжело будет взбираться назад на гору по мокрому снегу, он вздохнул и начал спускаться в свою палатку. Тихий счастливый смешок Веры и глуховатое воркование Харлампия остановили его. Женька повернулся и направился к женской палатке. Постучал костяшками пальцев по гулкому брезенту.

– Впусти, – попросил, – мне плохо.

– Если совсем плохо – входи, здесь аптечка, – разрешил голос Тамары.

Женька вошел, сел на Верину раскладушку. Тамара искоса взглянула на него, продолжала раскладывать пасьянс на крышке черного, с потёртыми уголками чемодана, водружённого на фанерный ящик.

– Плошечкой освещаемся? – проговорил он, глядя на коптилку. – Заключаю: хоть жисть у нас темней и плоше, но путь вернее и... и...

– Ладно, потом... Можно подумать, у вас электричество! – Тамара фыркнула, собрала карты, постучала ими о крышку ящика и, сбив колоду, сунула под спальник.

– А как твои ведовские успехи? – поинтересовался он, понимая, что говорит так себе, лишь бы болтать.

– Ты это о чём? – будто подозревая его в каком-то подвохе, спросила она, нервно расстёгивая замочек футляра с маникюрным прибором.

– Я о пасьянсе.

– А-а... Еще ни разу не сошелся, – бойко двигая пилочкой по ногтям, ответила Тамара. – Я невезучая. А ведовские успехи, это какие?

Женька поднялся.

– Чего не подтапливаешь? – кивнул на печку. – Мы вчера с Гогой коряг натаскали кучу. Глубоко из-под снега выкапывали. Желаеть, растоплю? – Он подошел к Тамаре, взял с ящика, приспособленного под столик, патрончик с губной помадой, развинтил.

– Ну, растопить? – переспросил.

– Не надо, – покусывая губу, вяло отозвалась Тамара. – Гошка вернётся, тогда. Чаю вскипятим, на гитаре побрякаем.

– Жуткий цвет какой! – Женька провёл помадой по бумаге. – Синюшный как...

– Сирень тень-брень. – Она грубо схватила у него патрончик. – Гошка не сказал, когда вернётся?

– Не сказал, но скоро, наверное, – пожал плечами Женька. – До вечера далеко. Когда-то да придёт.

– Бож-же ты мой! – Тамара уронила на колени вялые руки. – Никто толком ничего не знает, не говорят, что делать, чего ждать на этой лысой горе.

– Ну чего ты? – успокаивал он, глядя в её набухающие слезами глаза.

– Же-енька... Ведь палатки стоят на самом склоне, а что, если снег сдвинется, поползёт. Он как враг. Затаился и ждёт. Мы ждём, и он ждёт.

– Не поползёт, стечёт ручейками, ты держи себя в руках, – вчитываясь в её глаза, убеждал Женька. – Скоро привезут письма, газеты, транзисторы на всю мощь врубим, разгоним всю твою мистику.

– Тише! – Тамара вытянулась, приоткрыла рот. – Гудит... Слышишь? Это вертолёт!

– А я что говорил! – Женька задержал дыхание, прислушался.

– Вот опять. Почему ты не слышишь?

– Не гудит, кажется тебе, – отмахнулся студент.

– Да нет же, нет! – Тамара высунулась наружу к выходу. – Ты глухой...

По пути она столкнула с ящика чемодан, он, ударившись об пол, раскрылся, как разъявился. Бельё, фотографии, бигуди вывалились из его нутра.

– Никакого гуда нет, убедилась?..

– Каждый день вот так, даже по ночам слышу. – Тамара задёрнула полог, расслабленно пошла на своё место. Над чемоданом остановилась, подняла голубую ленту, встряхнула.

– Ты кого-нибудь любишь, Женька? – нахмурила лоб. – Ну, там, в городе или в институте?

– Там? – переспросил он озадаченно. – Там, да. Конечно, да.

– А я вот здесь... Осуждаете небось? – Она складывала и вновь встряхивала ленту. – Ну отвечай же!

– Брось ты, какой суд.

– Так, спасибо. Что бы еще у тебя разузнать?

– Придумай, я много чего знаю.

Лицо Тамары разрозовелось. Она присела на корточки, стала быстро складывать чемодан.

– Ну и фотографий у тебя. – Женька завистливо причмокнул. – Зачем столько возишь?

– Да так. Хочешь полюбоваться? – Она протянула ему пачку снимков, покривила пухлыми губами. – Все про меня, по всем этапам жизни.

Женька взял фотографии, стал перебирать.

– Вера шествует, по шагам узнаю. – Тамара мотнула распущенными волосами. – Живёт, как спит, вот кому всё просто.

Повариха вошла тихая, вроде провинившаяся. Медленно стянула с головы полушалок, присела и тут же ничком ткнулась в кровать.

– Тама-ара, – донёсся её задавленный голос, – есть у него семья? Скажи ты мне, за ради бога!

– Семья? – Тамара недоумённо опустила на край Вериной раскладушки. – Ты это о ком, милая? – Она погладила повариху по голове.

– О Харлампии, – шепнула Вера. – Ласковый он ко мне, не как другие. Обходительный. Тамара оглянулась на Женьку, приложила палец к губам.

– Вот так, – шепнул он ей. – Сложности, они у всех.

Женщины о чём-то зашептались. Что бы не подслушивать их разговор, Женька, насвистывая, стал разглядывать фотографии.

Рабочие гурьбой подошли к палатке ИТР. Прежде чем войти в неё, Хохлов сказал:

– Значит так. Как решили сообща, так я ему и выложу. – Он мельком глянул на Николая, под глазом которого фиолетово цвёл желвак, поморщился и решительно развернул полог.

– Можно?

– Входите, кто там, – разрешил Харламий.

Рабочие вдвинулась в палатку, и сразу стало непривычно тесно в ней. Хохлов отделился от остальных, подошел к начальниковой койке. Харламий приподнялся в мешке, насторожился.

– Мы к вам, – сказал Хохлов. – Все вот тут.

– Весьма рад, товарищи, – закивал Харламий. – Что скажете хорошего?

– Слышим, заболели вы, – смущенно начал Хохлов, – неудобно вроде бы тревожить, но опять же надо...

– Говорите, товарищи, говорите, – осторожно подбодрил начальник. – Жду, чем порадуете. Ну же...

Хохлов помялся, заговорил, извиняючись:

– Снег хорошо начал таять, вот какая штука. Ну, мы побузили тут немного, понимаем, вы уж простите, а мы работой докажем, что... В общем, не сомневайтесь.

Он снова умолк. Васька пощупал скулу, подтвердил:

– Верно говорит бригадир. Мы потолковали между собой вкруговую и решили не уходить, а работать. Скажи, Николай?

– Решили и точка. – Тот кивнул.

Чего другого, но такого решения Харламий от них не ожидал. Это не увязывалось с его ночным размышлением, где всё так складно получалось: понятно – забузили архаровцы не на шутку, добром это не кончится. Пусть уж уходят. Уйдут, а я, в случае чего, и не начальник, а я как раз болею.

Он нахмурился, даже как-то огруз в мешке.

– Понятно, – показывая в кулак. – Вольнили, план срывали, а вдруг одумались, сознательными стали, что ли?

– Плана не срывали, – возразил Хохлов. – Работы не было, откуда ему взяться, плану?

– Это вы мне заявляете, вам просто, а что я, я скажу начальству? – повысил голос Харламий. – Ещё как сорвали... Ти-хо! Снег – это одна причина. Природный каприз, одним словом, а ваша буза, саботаж – это уже из другой категории, понимаешь. Интриганы!

– Пошто ругаете? – насутился Хохлов. – Мы не за руганью пришли, а чтоб наоборот, чтоб спокой вам был.

– «Спокой»! Ишь, как оно, дело-то оборачивается. А я и так спокоен. И следом за вами не побежал бы. Вы из отряда, а я тут же заявочку на базу, и мне сразу десять настоящих рабочих пришлют.

Канавщики потупились, притихли. В этой тишине особенно отчётливо стало слышно, как весело набулькивают за палаткой убегающие с гольца ручейки.

– А мы что же, по вашему, рабочие не настоящие? Вы ни в каком деле нас еще не видели, зачем же срамите? – Хохлов с обидой, недоумённо глядел на начальника. – Ведь не от работы

бежать хотели, а наоборот. – Он показал на перебинтованного. – Вот, например, Сухов, он канавы роет что экскаватор. И остальные не сплхуют, приходилось над землицей стараться.

– Да уж не подведу, – подхватил перебинтованный. – Не первый сезон по экспедициям вкалываю. Отмечали даже, грамоты – и те есть.

– Чего не знаю, того не знаю. – Харламий поёрзал на раскладушке. – Одно знаю – вы меня шантажировали.

– Что такое делали? – Хохлов распрямил плечи. – Что за темнуху нам шьёте?

– Хватит, хватит! – осадил начальник. – Решили остаться – оставайтесь на здоровье, какой может быть разговор. Я даже рад. Но должен предупредить, что не знаю, сколько вам придётся сидеть без работы. Это одному Господу Богу известно. И поэтому требую сидеть и ждать тихо и мирно. Хоть всё лето, понятно?

– Как же так? – подал голос Николай. – Гошка сказал, что пошёл место для канав находить.

– Не в курсе дела я, что он там вам наболтал! – повысил голос Харламий. – Я за его слова не ответчик и перед вами юлить не собираюсь. Где он найдёт эти места для канав под таким снегом? Арап он, Гошка ваш, вот что!

Снова стало тихо. Хохлов, подолгу останавливаясь на каждом, будто собирая ответы, оглядел канавщиков. На Николае взгляд продержал особенно долго.

– Ну что, агитатор, схлопотал? – спросил он и зло прихлопнул на голове шапку. – Ладно, ребята, всё ладно. Берём трудовые книжки.

– У меня книжек нет. – Харламий ухмыльнулся. – Лично я вас не нанимал. Спрашивайте в отделе кадров на базе.

– Добро. – Хохлов кивнул, отчего шапка наехала ему на глаза. – Там и возьмём. А вам вот что скажу. У вас одна голова два языка имеет. – Он обдёрнул полы ватника. – Больше толковать не о чем. Тушёнку поварихе вернули, ничего не должны, так пойдём.

– Послушай, бригадир. – Харламий виновато поморгал. – Я, собственно, ничего решать не могу, я болею. Вот и приказ об освобождении... Временно. Вы уж давайте прямым ходом по всем вопросам к Сергею Ивановичу, он теперь начальник отряда. Вот так.

– Ну уж нет, начальник! Вы нас сюда привезли, вам и вопросы наши, – отпаривал Хохлов. – А за харч на дорогу – особое дружеское спасибо. Мы и на сухарях выдюжим. Будьте здоровы.

– И не кашляй, – пожелал Васька. – Чао!

Канавщики направились к выходу.

– Одну мину-утку. – Харламий помотал вмиг постаревшим лицом. – Решили меня под статью подвести? Не выйдет! Из лагеря ни шагу, запрещаю!

Васька тут же очутился возле него.

– Почему запрещаешь, раз на бюллетене? – прокричал он в лицо Харлампию. – Кто ты такой, раз ни нашим, ни вашим?

Канавщики грудились у порога, чего-то ждали. Харламий, морщась, отстранялся от Васьки бледными руками, но тот не отступал:

– Ты что ещё от нас хочешь?

– Угрожаете? – неожиданно спокойным голосом спросил Харламий. – Оскорбление действием? Насилие?

Быстро подошедший Хохлов рукой отгрёб Ваську за спину, но тот успел прокричать:

– Тебя снасилуешь! Весь в законах!

Харламий сделал движение, якобы выбираясь из мешка, но Хохлов придержал его за плечи, успокоил:

– Больше никто оскорблять не будет. А насчёт статьи я вас очень даже понимаю. – Он выпрямился. – Только вы и статью всякую наоборот от себя повернёте, так думаю.

– Договоримся по-умному, – начал Харлампий.

– По всякому было. Не получается, – отказался Хохлов. – Мы уходим, точка. Если окажется, что за питание задолжали, – дадим расписку. Пусть с нас на базе высчитают, ведь хоть сколько-то мы заработали.

После этих слов Хохлова спасительная мысль, которую Харлампий безнадежно поджидал всю ночь и половину дня, вдруг ослепила его, представ в виде белого квадратика бумаги. Он даже зажмурился, чтобы подольше продержат его перед глазами, но квадратик, покачиваясь, отдалялся, отдалился и растаял. Однако дело своё он сделал.

– Расписку? – переспросил Харлампий. – Дадите обязательно. Молодец, что порядок знаешь. Только дадите её мне не за питание. Дадите в том, что уходите по своей воле, в нарушение моего приказа. Ну?

– Давайте бумагу, – просто согласился Хохлов.

– Пожалуйста, на столе бумага! – тыча пальцем, совсем приободрился Харлампий. – Вы со мной шуточку не шутите, товарищи. Это вам не пролезет, субчики.

– Как писать-то? – Хохлов взял листок приказа, перевернул, не читая, уселся за стол.

– Пишите так. – Начальник сцепил зубы. – Расписка дана настоящая начальнику отряда товарищу Полозову в том, что мы в нарушение его приказа не покидать отряд добровольно уходим на базу. Здесь работать отказываемся.

– Работать мы не отказываемся, – отверг такую причину Хохлов. – Мы наоборот.

– Хорошо, тогда так: здесь пока работы нет. Далее. Если с нами что случится, виноваты мы сами. В чём и подписываемся.

Он диктовал, тщательно выговаривая слова. Канавщики смирно стояли за спиной бригадира, следя за коряво врезаемыми в бумагу буквами. Вскинув голову, прислушивался к Харлампию перебинтованный, распутив вздутые губы, переломился, следя за пером, Васька.

– Братцы! – Николай растолкал рабочих, накрыл листок ладонью. – Не надо этого, братцы.

Хохлов сдвинул его руку, расписался.

– Давай по одному. – Он бросил ручку на бумагу, вышел из-за стола.

Когда все расписались, Хохлов пробежал глазами по фамилиям, сказал Николаю:

– А ты почему?

– Я не подпишу, я остаюсь, хоть убейте. – Николай отступил в глубь палатки, опустился на нары.

– Раскололся, гнидь? – не двигая губами, спросил Васька. – Агитировал, чтобы дружба промежду всех была, а теперь, когда мы комком держимся, ты поперёк коллективу, да?

– Ну-ка, ты, рук не распускать! – предупредил Харлампий. – Вольному воля.

Подсушивая чернила, Хохлов брезгливо помахивал листком, видно было – что-то обдумывал.

– Хрен она спасёт вас, эта расписка, если что. Получайте! – Он протянул листок начальнику, но передумал, бросил на стол и, расталкивая рабочих, вышел из палатки. За ним поспешили остальные.

– Всё-ё, а там посмотрим. А ты правильно поступил, что не пошел с ними. – Харлампий повернулся к Николаю. – Видел, как за горло брали? Засвидетельствуешь, как не отпускал, уговаривал, а ушли. Ещё оскорбили!.. Дай-ка мне бумагу.

Николай подошел к столу, взял листок, уставился в него. Казалось, он его сейчас порвёт. Но этого не случилось. Не поднимая головы, Николай протянул бумагу начальнику.

– Вот и документ подтверждает. – Харлампий разгладил на груди расписку. – Во-от... Без бумажки ты кто?... То-то, не знаешь. А с нею – ого! Человек. Мудро сказано.

– Кем сказано?

– Как кем? Умным, надо полагать, человеком... Пойди-ка взгляни. – Харламий кивнул на выход. – Поразведай, что делают.

Николай послушно побрёл из палатки.

– Весёлая у тебя была жисть! – Женька выгнул спину, потянулся. – Архивчик что надо.

– Иди, Женя, не вздыхай. Что я, не замечаю? – Тамара попыталась улыбнуться. – Дурачок ты, я для тебя старуха, даже для полевой жены не гожусь. Твоя пташечка в институте, вот и лови её, не зевай.

– Да, пташечка. – Женька щелкнул языком. – Только наврал я всё тебе. Но всё равно спасибо за откровенность.

– Вот и умница. – Она потянула за рукав его телогрейку. – Снимай, хоть пуговицы пришью, ходишь растрёпкой.

Он снял, и Тамара с ватником присела на раскладушку. Женька наблюдал, как она ловко орудует иглой, благодарно молчал.

– Тихо-то как, а? – проговорил он. – Ушам больно.

– Это для тебя тихо... На! – Блеснув зубами, Тамара перекусила нитку, бросила на руки ему телогрейку.

Голубое, пугающей глубины небо, какое бывает только высоко в горах, встретило Женьку. По привычке он огляделся и заметил, что кое-где из под снега уже показались длинные метёлки стланика. Гошкина статуя подтаяла и чуть завалилась на бок.

– О чём грустим? – весело окликнул он стоящего у итээровской палатки Николая.

– Парни ушли, – всматриваясь в темнеющую зелень и задёрнутую синей дымкой долину, тихо отозвался тот. – Далеко уже, не видать.

– Врёшь! – Женька забегал глазами по зимнему спуску.

– А чо врать-то? Расписку начальнику написали и ушли.

– Расписку? – быстро переспросил Женька. – За продукты, что ли?

– Да не-ет, – тошно посмотрел на него Николай. – За жизни.

Женька сорвался с места и бросился к своей палатке. Круша каблуками нарезанные ступени, он ворвался к Харлампии.

– Ты-ы! Ты что содеял, ростовщик? – Женька глотнул воздуха. – Они ушли потому, что ты... спятил!

– Перестань орать, – спокойно потребовал Харламий. – Да, взял расписку. Написали, дали, и я взял. А ты бы на моём месте побрезговал? Ха! В своё время Гошка не взял писульку за карабин – и что? Под суд пошел! А я не хочу! – распаляясь, выкрикивал Харламий. – А я не желаю. Им жизнь не мила, а не мне. Вот и написали, вот и пошли!

– На смерть отправил! – Женька схватился за голову. – Их надо догнать, вернуть. Давай вставай, не придуряйся, придумай что-нибудь, ведь тебя за эту расписку повесить мало!

– Сопляк! Тебя петух в задницу не клевал, потому так рассуждаешь! – побагровев, закричал Харламий.

– Суд всё учитывает, каждую строчку, каждую буковку, заруби это на носу. – Он сунул руку в спальник, вытянул чёрный наган, потряс им перед лицом студента. В дырках барабана яркими искорками мерцали латунные головки пуль. – Вот если бы я этим страшал их не покидать отряд, тогда бы и засудить могли. А я – стращая, не переступил, уважил свободу выбора. По кон-сти-ту-ци-и!

– Ты сволочь! – Женька заотступал спиной к выходу.

– Назад! – приказал Харламий. – Вооружись ракетницей, будем самообороняться. Они могут того... вернуться.

Женька выбежал из палатки.

Рядом с Николаем стояла Тамара. Они, будто окаменев, глядели в далеко-далёко убегающую долину, вслушивались, не прилетит ли оттуда крик, но внизу властно урчала, перекачивая камни, вздутая от многих ручьёв Домугда. Женька пробежал мимо. Его не окликнули. Проваливаясь и черпая рыхлый снег голенищами сапог, он заторопился по Гошкиной лыжне вверх от лагеря.

Если в июне в гольцовой части гор пройти по рыхлому снегу, в них остаются глубокие голубые следы.

Гошка шел, оставляя их позади себя, оглядывался, дивясь удивительному в продавах лыжни свету. Снегоступы то скользили поверху, то погружались по щиколотку. Весело и ходко шагало Гошке.

Сергея заметил издали. На сплошном белом окоёме одинокая фигура его торчала тёмным столбиком.

– Эге-ге-гей! – раскрылив руки, закричал Гошка.

– Го-го! – прилетело ответом.

Гошка поддал ходу, и тёмная фигурка покатила навстречу.

– Фу-у, взмылили пригорочки, – прохрипел он, сходясь с Сергеем. – Чего так далеко упорол? Участок во-он где остался. Там и аномалии прошлогодние. Я сейчас мимо бежал и видел отвалы. Оголились, родненькие, не подвели.

– Поздравляю! – Сергей хлопнул его по плечу. – Тебе с Харлампия причитается. Обрадуется.

Гошка вытер платком лицо, шею, задышал ровнее.

– Вот, пробежался, аж похудел, – пошутил он. – Да снег совсем рыхлый, водой пропитался, вертолёту у нас не сесть, по брюхо провалится. Разве что в долине, так это у чёрта на куличках, а поблизости склон не позволит. Так что пока площадка не вытает, и заикаться о нём не стоит.

Они вернулись по Гошкиному следу к обнажившимся отвалам прошлогодних канав. На участках то тут, то там выперли из-под снега глинистые горбики, но это не обрадовало Сергея. Он с первого взгляда понял, что веселиться рановато: выработки затрамбованы снегом, промёрзли, а чтобы их оттаивать кострами, дров не напасёшься. Да и где они, дрова, – тоже под снегом.

– Взрывчаткой будем рвать! – стоял на своём Гошка. – Накалывать в кострах ломы и пробивать шнуры!

– Ничего из мерзлоты не вырвешь, взрывы будут стаканить, а толку? – со знанием дела объяснил Сергей. – Запыжуешь килограмм взрывчатки, вырвешь килограмм грунта. Мартышкин труд.

– Ну и какой же выход?

– Начнём с полной очистки всех канав и шурфов на всём участке. Какая разница – воду из них вычерпывать чуть попозже или теперь снег выбросить. А отвалы используем для ограждения, чтоб внешними водами не топило. Вот такое моё решение. Это дня на три-четыре займёт рабочих, а там земля оголится, вон как парит-жарит.

– Будь по-твоему, но ломы калить всё равно придётся.

Гошка взобрался на рыжий холмик отвала. – Вижу-у!

– Кого? – встрепенулся Сергей.

– Канатные дороги, обогатительную фабрику! Стадионище-е, как на Медео! Театры, весёлых людей – Ураногра-а-ад!

– А арбуза там не видишь, который нам в определённое место вбивать будут за провал задания? – с усмешкой спросил Сергей и крутнул рукой у виска. – У тебя опять шкалит? На такой верхотуре город?

– А что? Высокогорный! Вон там огромное озеро с островками и яхтами, – вдохновенно планировал Гошка. – Дальше по нагорью Хрустальный – аэродром, за ним... точно, вижу арбуз.

– То-то. – И вдруг командирским голосом Сергей приказал: – Отставить! Ночью в спальном мешке фантазируй хоть до утра, а сейчас прошу мозговать о реальном. Видишь, какое наследство подкинул мне Полозов? – Он подхватил снег горстью, бросил в рот. – Если он серьёзно заболел, мне тут придётся командовать всем парадом. Учти, я терпим только к реалистам... За ними, за ними, дорогой геофизик, будущее. – Он помолчал, к чему-то прислушиваясь. – Что это? Слышишь?

– Ничего не слышу.

– Значит, показалось... Вот я и говорю – будь реалистом, так надёжнее. – Сергей глядел на Гошку открытыми, снизу подсвеченными снегом глазами. – Надо, чтобы впереди маячило что-нибудь главное, существенное, а не «нечто и туманна даль». Должна быть у человека реальная цель! Высота определённая. Вот и шагай к ней, штурмуй, захватывай.

– Пощади, я весь в пене от штурмов, от захватов. – Гошка брезгливо стряхивал с себя воображаемую пену. – Швыряешься словами, словно...

– Горбатого могила... Неужели теперь не слышишь?

– Слышу. Но кому здесь кричать, разве что снежному человеку.

На вершине дальнего увала показался барахтающийся человек.

– Го...га-а-а! – накатился откуда-то слабый крик.

– Женька, – узнал Сергей.

– ...га-а! – снова надорванно долетело к ним.

Гошка сорвался с места, часто захлопал снегоступами навстречу студенту.

– Что произошло! – нагоняя его, кричал Сергей. – Что?

От самого лагеря до увала Женька протаранил в снегу глубокую борозду. Он стоял, утоп в ней по пояс, мокрый и злой.

– Ушли-и! – встретил их воплем. – На базу!

– Ври-и! – не поверил Гошка и побледнел.

– Точно, ушли! – Женька выжался на локтях из снежной борозды. – Харлампий с них расписку взял! Погибнут – его хата с краю! – Снег под тяжестью Женьки осел и он рухнул вниз.

– С краю? – глядя на сидящего в борозде студента, переспросил Гошка. – Хата?

– Часа уж три как упорол. – Женька в изнеможении едва шевельнул рукой. – От лагеря вниз в Домугду.

Сергей сплюнул в досаде.

– Ну-у, сюрприз, – сквозь зубы проговорил он, обтирая лоб рукавом. – Ну-у, ознаменовали мой день вступления в должность.

Гошка подтянул лыжные крепления, распорядился:

– Бери, студент, снегоступы у Сергея и бежим, завернём ребят.

– Я не могу, выложился весь, – откровенно признался Женька. – Валяйте с Серёгой.

Гошка махнул Женьке и заскользил по увалу. Сергей покатил следом по его лыжне.

– Там пустоты в наледях! – прокричал Гошка. – Сверху корка, а под ней колодцы. Наступят – и каюк, слышь, Серёга? Вода под лёд удёрнет – и конец!

– Ну, пироги! – переваливаясь на ходу, ужасался Сергей. – Ну, дураки!

Сергей с Гошкой огибали гигантское полукольцо кара. В центре провисшего над провалом снежного карниза они остановились.

– Гога, хватит! Дальше совсем опасно! – Сергей выкрикивал, захлёбываясь, едва дыша. – Если обогнали... отсюда... увидим. Хватит!

– Увидим, а толку? Они через пять минут потонут в устье! – хватая ртом воздух, кричал Гошка. – Скатимся по карнизу и там перехватим!

Сергей с ужасом глянул в провал, побледнел.

– Дура-ак, ты в уме? Взгляни-и! – простонал он. – Куда на рожон прём, за чьи грехи рискуем?!

– За свои, человечьи! – Гошка постучал снегоступами по карнизу. – Выдержит, крепкий!

– Нет! – Сергей отступил назад. – Что другое, а это – нет!

Гошка снял тозовку, со злостью воткнул прикладом в снег.

– Давай тулку, – приказал он. – Да живей ты!

Сергей, сразу успокоившись, расстегнул ремень патронташа и вместе с ружьём протянул Гошке.

– Думаешь, они выстрелы твои услышат? – Он замахал руками. – Они по льду прут, а под ними река грохочет, оглохнуть можно!

Гошка перепоясался патронташем, тулку перекинул на спину и повернулся лицом к спуску.

– Одумайся, – в спину ему заговорил Сергей. – Ты рискуешь, а они сами виноваты. Вот и пусть пожинают по своей прихоти. Ведь дали же Харлампию расписку? Дали...

Гошка напрягся и, оттолкнувшись, начал скатываться, всё набирая и набирая скорость. Он мчал по карнизу, зализанному зимними метелями и почти не тронутому солнцем. Казалось, что Гошка по касательной догоняет пенную реку, убегающую от него щетинистым горлом распада. Рёв её явственно докатывался к Сергею.

Людей Гошка увидел внезапно и, кренясь на бок, затормозил. В лицо из-под лыж ударил фонтаном косо срезанный снег, ослепил. Гошка упал. Крепление лопнуло, и одна лыжина скользнула с ноги в провал. Он подполз к краю, глянул в каньон. Люди показались ему черными запятыми на белой ленте наледи. Их цепочка двигалась по ней в полукилометре от устья. Гошка снял ружьё.

– Стойте-е! – завопил он. – Там пустоты-ы!!!

Рёв его смяла ревмя ревущая Домугда. Тогда он поднялся, свободной ногой наступил на оставшуюся лыжину, рванул её и, оборвав крепления, столкнулся следом за первой. Всаживая в наст каблуки, Гошка запрыгал вниз по карнизу, край которого полого спускался к устью. Люди шли всё так же далеко внизу, но левее. Гошка упал лицом на шершавый, как наждак, карниз. Он понял – раньше их к устью ему не успеть. И хрипло выматерился, стоя на коленях на самом выгибе карниза, что, крутым гребнем заворачиваясь под ним, нависал над глубоким провалом. И, сознавая, что должно случиться непоправимое, Гошка взвёл курки тулки. Медленно опустил стволы в каньон.

Аа-А-Ах!.. Гул выстрела поглотила бездна и, удесятирив, выдохнула обратно. Далеко вверху вскрикнул и отшатнулся от дрогнувшего карниза Сергей и на четвереньках побежал в сторону.

– Что... Что делаешь? – кричал он, кровяня пальцы о жёсткий наст.

После выстрела цепочка людей на наледи остановилась, но тут же гусеницей зашевелилась дальше. Гошка дакнул на второй спуск и удивился, что вместе с выстрелом низко повисшее над гольцами солнце мячиком подпрыгнуло ввысь. Он так и глядел на него, широко и удивлённо, стоя на карнизе, летящим в долгий провал кара.

Женька прибрёл в лагерь в сумерках. У Гошкиной статуи, с которой свалилась и лежала, вмявшись в снег, подтаявшая голова, стоял в меховой куртке и раскатанных выше колен белых бурках Харламий. Сцепив за спиной руки, он смотрел на рабочих. Они возвращались в лагерь. Чуть поодаль от Харлампия тесной кучкой стояли Николай и Тамара с Верой. Никем не замеченный, Женька устало опустился на снег и сел, прислонившись спиной к брезентовой стене кухни.

Первым к палаткам прибрёл Васька. Он был так измотан тяжелым подъёмом по пояс в мокром снегу, что казалось, даже глаза его взмокли от усталости. Харламбий, строго глядя на него, спросил:

– Что, гуси, слабо?... Так-то. А предупреждал, уговаривал. Ничего. Наука на пользу.

Васька, даже не взглянув на него, рухнул на ящик из-под консервов, стянул с головы шапку. Он часто дышал, закрыв глаза, и от обросшей головы валил пар. Николай боком, незаметно, отошел в сторону и понуро скрылся в итээровской палатке.

– Герои, – не унимался Харламбий. – Хорошо, что всё хорошо кончается.

– Не всё, – просипел Васька.

Харламбий подолбил носком бурки в подножие статуи и она, скособочившись, с шумом развалилась. Васька нервно вскочил на нетвёрдые ноги, покачнулся.

– Не вернулись бы мы, вот тебе! – Он выставил руку с сжатым кулаком. – Да он по нас из ружья стрелил, и сам со снегом с обрыва рухнул. Все путя завалило, дальше не пройти. – Васька плюхнулся на ящик, виновато добавил: – Мы за лопатами пришли, чтобы, значит, начать работать, откапывать стрелка.

Отвалив губу, Харламбий смотрел на Ваську и вроде бы не понимал, о чём он говорит. Тамара подбежала к Ваське:

– Кого, кого откапывать?! – вскрикнула и схватилась за горло. – Сергея? Гошка ему дал своё ружьё. Господи! Как можно стрелять, когда лавины даже от камушка...

Женька быстро прохромал к Ваське. Тот сидел, виновато глядя на Тамару, силился что-то сказать, но губы только вздрагивали, кривились.

Женька схватил Ваську за плечи, встряхнул, но тот, всё так же глядя на Тамару, наконец разлепил губы:

– Гошку откапывать надо.

– Нет же, нет, Сергея! – Тамара беспомощно заозиралась. – Да вон он, Го-ошка!

Все, кто был в лагере, повернулись. Далеко за палатками на подсиненным сумерками снежном увале стоял человек. Не спуская приузенных глаз с увала, Харламбий нагнулся к Женькиной кукле, желтым ногтем выковырнул сливы из расплющенного лица бабы.

– Кто там, не узнаю? – Он аккуратно обтёр сливину о рукав куртки, положил в рот.

– Да Гошка же! Не видишь, он без ружья! – Тамара рванулась вперёд к увалу, но Женька поймал её за руку.

– Уйди, не ври-и! – Она вырвала руку, оттолкнула от себя Женьку, проваливаясь в снег, побежала к увалу.

– Ой, да чо это деется! – всхлипнула Вера и, подскочив к Харлампию, встала рядом. Начальник, всасывая щёки, обсасывал сливу и всё так же, вприщур, глядел в гору. Осмелев от страха, повариха подхватила его под руку.

– Чё стоишь-то чурбаном? – крикнула она и испугалась до шепота. – Ведь с нами ж беда-а...

Харламбий, чмокая губами, шевельнул локтем, освободился. На него молча, в облепивших тело мокрых штанах, с кулаками шел Женька.

– Выклевал, – сквозь зубы шептал студент, – сожрал.

Харламбий попятился от него, запнулся, упал на спину и изо рта его вылетели чёрные косточки.

В это время к палаткам прибрёл Хохлов, не обращая ни на кого внимания, молча, собрал несколько лопат, взвалил на плечо.

– Эй, парень, – окликнул он Женьку. – Айда-ка с нами, а эту гноину не шевели, он сам себя жизнью своей вонючей сказнит.

И тут с полпути от увала донёсся плач Тамары.

Ведьмин ключ

Таёжная быль

На геологическом планшете ключ назывался Ведьминым. Я перебрёл его в самом верховье и шел вниз левым каменистым берегом, пугая жирующих в уловах радужнопёрых хариусов. У развалин старого зимовья, от которого остались лишь нижние венцы сруба, укутанные, как в одеяла, рыжевато-пестрым мхом с россыпью кровавых бусин клюквы, наткнулся на отбелённый временем заявочный столб. По вырубку, сделанному топором, хорошо сохранилась надпись, вырезанная ножом:

«Устя 1860».

Лишь много лет спустя удалось мне узнать историю зимовья на «Ведьмином ключе».

Глава 1

Человек в мокрой шинели стоит у зимовья и долго не мигая следит за гуляющей, брошенной настежь дверью. Неловко поймав её за ременную петлю, придержал. В руке блеснуло лезвие широкого топора.

– Э-эй! – позвал он и чутко прислушался.

Но только ветер налегал на тёмные громады елей да летели над головой тучи, шлёпая о землю шумными каплями.

– Есть ли жива душа-а?! – крикнул человек и, держа топор на отлёте, шагнул в дверной проём.

– Взо-одь... ежли не дьявол, – сиплым голосом встретила его темнота.

Пришлый испуганно подобрался.

– Православный я! – хрипит он и зябко вздрагивает.

– Ого-онь... вздуй. Огниво на столе, пошарь, – просит голос и заходится глухим, мокрым кашлем.

Пришлый долго клацает кресалом, выпячивая губы, дует на трут, тыча в оранжевый жарок витком бересты.

– Лучину, лучину вставь! – охает голос.

Ветер, влетая в открытую дверь, рвёт пламя с бересты, крутит. Подсвечивая себе, пришлый огляделся, нашел и вставил лучину в желтую рогульку, поджёг. Его качнуло. Он упёрся руками в край ушата, опустил голову. В черной воде латунно ворохнулось скуластое лицо. Громыхнув об ушат цепью, пришлый рукой взбультил отражение, разогнулся, содрал с плеч набухшую водой шинель, шмякнул её на скамью. Хлопая по полу раскисшими ичигами, прошёл на голос к широким нарам, всмотрелся.

На разделённом тенью лице старика стынет мутный глаз, на шее, в ячее морщин, толкается набрякшая жила.

– Явил милость Создатель... послал человека... помирая, – задвигал запавшими губами старик. – Сядь-ко. Сказывать стану, запоминай.

– Ослобоняйся как на духу, – зажав в кулаках обрывки цепи, тряхнул головой пришлый.

– Как тебя? – спросил дед.

– Семёном.

– Пусть будя так, – согласился старик. – Слухай.

Семён наклонился, и дед зашептал надсадно, с усилием выпрастывая изо рта всякое слово.

– Сын у меня, месяц скоро как в село Витим за харчами подался. Что скажу – от него не таи, не бери грех на душу... Фарт мне случился, нашел я золото. Всем хватит, ежели с умом, по-христиански.

– Где нашёл? – вперился посветлевшими глазами в лицо старика мигом вспотевший Семён. – Много?

– Погодь... ты слухай. Золота много, до беды много. Сыну скажи – не там копались. По старому урману надо, там старайтесь. Шурфишко мой отыщите, валежником забросал. В него и сверзился. Еле дополз. – Старик захрипел.

– Какой такой урман-то? – боясь, что дед помрёт, не договорив, закричал Семён.

Но старик жив был теперь другой заботой.

– Вынь крест... Отхожу, – вдруг внятно распорядился он. – Опосля в рубаху чистую обряди, как след.

Семён расстегнул на старике полуистлевший ворот, вытянул на гайтане холодный и липкий от пота медный крест, кое-как вправил его меж крючками сведённых пальцев. Из-под век

старика медленно выдавилась слезина и по морщине скатилась к виску. Лучина догорела до самых пальцев, куснула и погасла. Семён поплевал на обожжённую руку, закрутился, нашаривая впотьмах ушат, пригоршнями зачерпнул воду и припал к ней запёкшимися губами.

До утра, сидя перед покойником, скрёб напильником, освобождая руки от железа. Когда толкнул дверь – выйти спрятать цепи – увидел: слепит солнце тайгу, стих ветер. Семён схватил топор, вышел из зимовья, прищурился, выглядывая лесину на гроб-колодину. Размахнулся, крикнул и всадил лезвие в могучий ствол. Крикнуло и дерево, осыпав Семёна шумными каплями. Нюхая пахнущую скипидаром щепку, Семён, улыбаясь, глядел на речку. Вздувшаяся от ночного ливня, она вольно бежала мимо зимовья, качая на перекатах волнами-плавниками.

Глава 2

К вечеру вернулся сын старика, широкий, рыжебородый мужик в синей навывпуск рубахе. Исполнобя взглянув на вышедшего из зимовья Семёна, он не спеша привязал к дереву навьюченную лошадь, снял картуз.

– Слава тебе, Владыко, добрались! – рыжебородый размашисто перекрестился, вытер лоб. – Устя! – окликнул он. – Торока посымай да разбери куда что.

Женщина, пришедшая с мужиком, с готовностью кивнула головой, туго повязанной чёрным платком, легко изогнулась, подтягивая голенища разбитых ичиг. Мужик, сплюнув в сторону, шагнул к зимовью. Семён посторонился, уступая дорогу, и рыжебородый, не здороваясь, поднырнул в проём.

– Баба-а! – донеслось изнутри. – Подь сюда, жив-ва!

Устя бочком шмыгнула в дверь, запричитала высоко, монотонно.

– Отмучился-а!.. Отмаялся-а! – плеснул из зимовья плач и пропал, обрубленный тяжко бухнувшей дверью.

Мужик вышел и, хмурясь лицом, протопал к Семёну.

– С чего помер-то? – спросил, глядя на ошкуренную, полувыдолбленную колодину. – Ты его прибрал?

– Бог прибрал, – супясь, ответил Семён. – В шурф угодил, оттого и помер.

– Да я не про то! – Мужик тяжело махнул рукой. – Чистое всё на ём, кто-то же обряжал...

При тебе отходил?

– Ну при мне.

– Ершист ты, паря. – Мужик достал кисет. – Выкладывай ладом, что он передавал-ска-зывал.

Семён взялся за рукоятку топора, втюкнулся в колодину, покачал, высвобождая. Мужик, наслюнивая сигарку толстым языком, спокойно наблюдал.

– Ска-азывал, – протянул Семён с неохотой. – Передава-ал.

– Да язви тебя! – сквозь зубы заговорил мужик, надвигаясь на Семёна. – Открывай, не балуй!

– А ты не спеши, как голый в баню, не погаркивай, – отступая, набычился Семён. – Скажу, не утаю. Воля на то его, покойникова... Золото нашел батька твой, а где оно – теперь только мне ведомо... Сказывал ещё, что сынок-то, мол, прижимист, так чтоб без обману, на паях равных, не обошел бы. Дальний я, смоленский, Семёном зовусь.

– Вот и добро! – Мужик долгим прищуром отёчных век смотрел на Семёна. – Не бойся, не обидим, не обойдём! В паях равных будем. Ключ этот батя с весны облюбовал, зимовал здесь, добро стерёг. Слово его – закон.

Василий прихлопнул гостя по плечу. Под тяжкой, заскорузлой его ладонью Семён, как лошадь, переступил ногами, устоял. Василий обнажил прокуренные зубы, усмехнулся, довольный.

Похоронили старика рядом с речкой, под древней разлапистой елью. Сын стоял у могилы, беззвучно шевеля отвисшими губами, истово крестился на жаркое полымя заката. На земле у его ног смирной птахой сидела белокурая Устя.

Семён тихо, чтобы не загреметь, собрал кайла и лопаты, отошел, остановился поодаль. Беда, хоть и рядом она, – а чужая. Одно хотелось ему – закурить. Попросить считал делом неловким. Ждал.

– Ну, будя. – Василий коленом тронул жену.

Устя поднялась и, потупясь, пошла к зимовью.

– Земля даёт, земля берёт, – приминая могилу сапогом, вздохнул Василий. – Как водится. И ты на нас, батя, худого не имей. Эвон в какую гробовину упрятали. Смольё. Век пролежишь. – Он отошел от холмика, сморкнулся, взял у Семёна лопаты и не оглядываясь пошел к жилью.

Поминали деда наваристой ухой, слабривая её кружками настойки, отдающей перепрелой брусничкой. Василий, захмелев, гудел, наваливаясь грудью на Семёна:

– Подфартило те, паря! Со мной не пропадёшь. Вер-рное дело!

Семён пьяно кивал головой, искоса наблюдая за хлопочущей у плиты Устей.

– Говорю – вер-рное! – с придыхью выкрикивал Василий. – Дай лишь золотишко к рукам прибрать, а там!.. Эх, закрутим, аж стон по Витиму пойдёт!

– Пойдёт! – хмурясь, соглашался Семён. – Стон, он что?.. Пойдёт!

– То-то и оно-о! – Василий разжал кулаки. – В руки мне его, золотишко, дай. В эти вот! – Он икнул и, ухватив оплетённую бутылку, плеснул в кружки мутноватую жидкость. – Во-то как всех их скручу, посторонних! Расшивы гонять стану, дощаники. Товаришком опять-таки побалуюсь и дело своё, большо-ое, в Иркутске-городе заведу. А их!.. – Василий колыхнул кулаком. – Прочих которые, под себя подомну-у. Один буду!

– П-погоди, – трудно соображая, заговорил Семён. – А ежели золота не хватит?.. Ежели его по чуть-чуть на брата?

– По чуть-чуть?.. – Василий подумал, ответил убеждённо: – Тогда на люди, в деревню. Лавку открою с товаром красным. Кафтан бархатный со штанами надену, сапоги хромовые с подборами – барин! – Он выцедил зелье, утёр лапешей рот. – Но здря не ври-и. Не такой батяня у меня был, чтобы по чуть-чуть. По картузу на брата и Усте горсть!

– Ловко бы так-то, – еле двигая губами, прошептал Семён. – Только куда его – картуз?

Василий хохотнул, сунул кружку Семёну:

– Пей!.. Небось найдёшь куда. В Расею двинешь, к зазнобе. Пей! Всё едино по ресторациям добришко растрясёшь, по подолам. А пошто? А потому, что пуповины хозяйской нет у ты, хряща жизненного.

Семён, давась, отпил из кружки, отставил её от себя, оловянную, тяжёлую.

– Не растрясу! – Он отупело заворочал глазами. – Сам добришко отдам, это верно. Лишушь его!

– Во-о! «Лишушь»!.. И опять нищим станешь. Кому должен, чо ли?

– Должен, есть кому. А и жаден ты. Вон у тебя доля почище золотой. – Уставился на Устю. – Куды ж ещё? Христос нищ был, заповедовал...

– Заповеди блюду, – угрюмо возразил Василий. – Подь сюда, Устя.

Устя подошла, потупилась.

– Бравая ты у меня. Верно. И покорная. – Василий свёл пальцы в волосатый комок. – Однако ж и не без ласк мужних, а?

– Попоминали, и будет, – теребя кофту, прошептала Устя. – Покойник рёву пьяного страсть не любил.

Василий облапил её за тонкую талию, резко притиснул к груди.

– Потерпит батя, простит. – Он ухватил Устю за подбородок – Унти моя куражливая!.. Всё не привыкну к тебе, баба. – Оттолкнул жену, поднялся на ноги. – И тебе, Сенька, такую же ладу сосватаю, а пожелаешь – дворянку! Их нонче с этапу за сто рублёв берут, потому как цена-а! – Василий добрёл до нар, рухнул на них, ткнувшись лицом в лоскутное одеяло.

Устя зло проводила его глазами. Семён видел её рот, ярко очерченный в свете лучин, тёмный пушок над верхней крутой губой. Он протянул руку, ухватил Устю за локоть.

– Ладная ты, красивая, а муж зверя берложного страше. Врёт, что с этапа взял?

Устя едва повела головой. Семён обмяк, спросил:

– Сто рублёв всей цены человечей?.. Ни хрена-а! – И запел сипотно, с вызовом:

Я пошел искать тебя по белу свету,
Воля-волюшка моя!

Подледнев, смотрела Устя на его руки, высвободившиеся из пестрядных рукавов. Бурыми надавами кольцевали запястья Семёна следы недавних кандалов.

– Чего обмерла? – Семён скосил глаза на руки. – Не убивец, не на большой дороге кистенём натёр. – Выпустил Устин локоть. – Не бойсь, я тихий, обломанный. – Мотнул тяжелой головой по груди. – Постели где ни есть. Утрять zaczynaе.

Глава 3

Старик сказал правду. В старом урмане они нашли свежевырытый шурф.

– Ну, лезь, брат, показывай, какое оно, золото завещанное, – потирая ладони, приказал Василий. Цепко глянув в глаза Семёна, добавил: – А может, нетука ничего. Померещилось старому, али ты пошутковал. Бывает.

– Ты тут смотри не нашуткуй, – подтыкая полы шинели, огрызнулся Семён. – Слыхивал я о заживо погребённых.

Василий посерьёзнул.

– Ты чё, паря? – спросил, шевельнув нависшими бровями. – Убивцем не был. Полезай смело.

Семён заглянул в шурф. Присвистнул:

– Эка сколь землицы вымахал! Сажени три будет, холера. – Он раскорякой спустился в шурф, огляделся.

Куски кварца под ногами были разбиты болдушей, лежащей тут же, а по стенке наискосок белела найденная стариком жила. Нудно засосало под ложечкой, когда Семён поднял кусок породы и блеснуло на скудном свете вкрапленное в него золото.

– Ну чё там? – глухо, как в бочку, упал сверху голос.

Семён поднял глаза. Лохматым пятном нависло над ним лицо Василия. «Скажу – прихлопнет!» – тяжело ворохнулось в голове, и, унимая дрожь, заорал что есть мочи:

– «Чё» да «чё»! Темно тут! – Помолчал и уже спокойно: – Не разберу ничего. Какое оно, золото, отродясь не видывал, а тут, кроме камня белого, фиг один, браток!

– Брось сюда.

– Отколоть нечем! – снова заорал Семён. – А жила никак есть.

– А чтоб тебя, анчутку! – ругнулся Василий. – Вылазь!

Сунул Семён за пазуху кусок кварца, закарабкался из шурфа. Выбрался, отряхнул землю. Щурясь от разыгравшегося солнышка, весело разулыбался.

– Скалится, весё-ёлай! – отстраняя его от забоя, прикрикнул Василий.

– Погодь! – Узкой рукой Семён сунулся за пазуху. – Вот оно!

– Язви тебя-я! – задохнулся Василий. Он выхватил кусок породы и ошалело уставился на толстую, в карандаш, золотую прожилину, просекшую обломок кварца.

В тяжкой работе от зари до зари тянулись дни Семёна. Втянулся и он в старательскую лямку, окреп на сытых харчах. Побрасывая землицу, прикидывал – сколько там в его пае. Зол был в работе. Хвалил за это Василий, дивился жадности. Семён помалкивал, кайлил, уходя за день вглубь на три аршина. Поднятую бадьёй породу Устя в корзине отволакивала к речке, где Василий промывал пески, отделяя золотишко. Когда Устя возвращалась к шурфу за новым подъёмом, видел Семён над забоем её поволочные от усталости глаза.

С того пьяного вечера ещё раз только привелось поговорить им наедине. Всюду сторожили их глаза Василия. Чуял таёжный человек, что неладным случаем занесло к нему в зимовье работничка, и был строг, не доверял в малом. Вечером показывал намытое за день и уносил прятать в тайную захоронку. Уходя, брал с собой Устю, но где-то на полдороге к тайнику оставлял дожидаться своего возвращения. Как-то надумал Семён подсмотреть за ним, но сторожко, по-звериному, почуял Василий слежку. Не спеша, как и всё делал, потянул из-за спины крымку-кремнёвку, приложился косматой щекой к прикладу на дальний шорох. Стланиками, где погуше, вернулся к зимовью Семён и с той поры перестал и думать выслеживать.

Однажды поутру проснулся Семён от грохота, подхватился в испуге с нар, вскрикнул. Солнце косым и ярким столбом ломилось в зимовье сквозь волоковое оконце, и оттого почудилось Семёну, что рухнула и лежит наискось зимовья золотистая от смолья матица. «Зада-

вил, пришиб!» – омертвила мысль. Семён скovyрнулся с нар и ещё не сморгнувшими сон глазами увидел Устю. Сидела она спиной к оконцу, чистила рыбину. Теперь же, отстранив руку с ножом, вполоборота глядела на Семёна, и столб света лежал на её плече.

Поднырнув в дверном проёме, с кремнёвкой в руке вошел Василий. Глядя в угол на сереющего подштанниками Семёна, похвастал хмуро:

– Во как фукнула. Вся ржавчина из ствола вон. – Прислонил ружьё к столу, усмехнулся. – Вскочил? Ну-ну. Крепко дрыхнешь. – Достал кисет, поинтересовался: – Зверя промышлял когда али как?

– Не обучен, – стягивая ремнём штаны, ответил Семён. У нас там, – расслабленно махнул рукой, – окромя зайцев, зверя нет. И того не замай. Баре сами охотой наезжают. Забава им.

– Чудно-о... Вот и обвыкай у нас промыслу. Зверя вольного подобывай. Как раз думаю на гольцы сбегать, рогача завалить, а то мясо всё. Одно стегно осталось. – Василий сунулся в печь за угольком. От жара, обдавшего лицо, затрещала борода. Он хлопнул заслонкой, договорил, прикуривая: – Солонинкой надо запастись, да и свеженинки ещё не худо было бы.

Семён зачерпнул берестяным черепком воды, напился. Утирая губы рукавом, ответил:

– Ну и сходи или сбегай. Я пока старый шурф добыю, крепы поставлю. На целый день работы.

– Управишься?... Опеть же бадью подымать надо. – Василий, отминая бороду, покосился на жену. – Кто ворот крутить будет? Медведь развя.

– Пошто медведь? Сам справлюсь. А с тобой на гольцы сходить – день потерять.

– Верно. День нонче дорог, – подумав, согласился Василий. – Копайся. Волка ноги кормят, копача – фарг. А ты фартовый. – Усмехнулся. – А вот охотник из тебя никуда-а... Устя, собери-ка мне чего пожевать, да домовничай тут. Печь дымит – обмажь, в яру закопушка с доброй глиной, шмутё перестирай. Не тебя учить, сама знаешь.

Устя молча кивнула, подхватила с пола чугунок, сунула в печь.

– Ай язык отнялся? – построжал Василий.

Устя неловко повернулась на голос, толкнула скамью. Бадейка с водой опрокинулась на земляной пол, широкий росплеск окатил ноги мужа.

– Но-о, халда комолая! – выдохнув дым, ругнулся Василий. – Не брюхатая, чай! – Стряхивая воду, он забухал об пол ичигами.

Устя сцапала бадейку и вышла из зимовья. Василий уселся за стол, подгрёб рукой мешочек с круглыми пулями. Из медной пороховницы отсыпал мерку, стряхнул в ствол. Загоняя шомполом пыж, пожалел:

– Первая-то баба, водимая, куда проворней была. – Горестно покачал головой. – Была-а, да не побереглась, да-а.

– Что так? – Семён тоже подсел к столу. – Сплошала в чём?

– Спло-ша-ла. – Василий заросшим лицом нацелился в пустой угол и, собрав прокурённые пальцы в щёпот, обмахнул себя широким крестом.

– Случай какой был неловкий? – участливо сунулся к нему Семён, но Василий перевёл на другое.

– На поминках вывякивал чё, помнишь?... Кому должон-то?

– Пьян был, невесть что молол, – отвернулся Семён. – Про то забудь.

– Это можно, – тряхнул патлами Василий. – Только я никак в толк не возьму – пошто в глухомань нашу забрёл. Ведь не свят дух надоумил на батьку набрести. Что за неволя сюда турнула?

– Неволя, верное слово. Со Смоленщины я, на земле в Сибири осесть думал, а приехал – шиш. Наделили землёй, верно, да гольной тайгой. В первый же год, кто со мной прибрёл, вымирать начали, пухли с лебеды, покорчуй-ка её, тайгу-матушку. Ну и тягу от жизни такой кто куда. А я вот сюда забрёл.

– Бреешь, но складно. – Василий полез под рубаху. – Да я и не пристав какой. По мне работай – и ладным будешь. – Царапая спину, скособочился. – Заповеди чтить, – кивнул на дверь, в которой показалась Устя с бадейкой свежей воды, – не блуди, чужого не промышляй.

– К чему ты? – Семён опустил голову. На узкое, обтянутое сухой кожей лицо напознала тень.

– А к тому, – остро наблюдая за Семёном сквозь узкие, отёчные щелки, объяснил Василий. – К тому, чтоб спокой был промежду. Тайга тут, а она, хоть и тёмная, ясное уважает, светло чтоб ей.

Завтракали варёной рыбой с грибами. Устя подала каждому по узелку с привизией, и Василий с Семёном вышли из зимовья.

Солнце выпаривало из низины распадка последние клочья утреннего тумана, зябко наносило от речки влажным ветерком.

– До первого отвилка провожу, – решил Василий. – Лошадёнка повадилась туда ходить. Солнечно там, да и трава погуще, посолонее. – Он прищурился. – Эвон куда поднимусь. – Показал на далёкую гору с белой нашлапкой снега.

– Далече, – прикинул расстояние Семён. – К вечеру разве доберёшься.

– Но-о, паря! Сразу видно – не таёжка. К вечеру дома буду. – Василий из-под ладони всмотрелся в голец, пояснил: – Мошка зверя жрёт, а на снегу спасенье. Холодит и хиузом обдувает. – Хмыкнул, покрутил головой. – Вот ведь животины бессловесные, зверь, одно слово, и души-то нет, один пар, а с понятием. Или медведь... Этот ой как свой участок блюдёт, деревья когтит, остерегает другого: моё, я хозяин. Выходит, ум у всех одинаково встроен. – Василий оглянулся на зимовье. – Вот и пример тому. Сидит человек себе али что, а доля эта его, – хлопнул рукой по ещё свежему столбику, вкопанному в двухстах саженьях от жилья. – Для Усти отвёл, в пае баба. Твой чуток повыше.

Они шли вверх берегом речки.

– Во-о-от язви его, – шепнул Василий и остановился. – Глянь, какой дурак стоит... Да эвон же, эвон на струе!

Семён как ни пытался разглядеть что-либо – не мог. И только когда стремительная тень метнулась прочь от камня, понял: рыба.

– Надо будет морду поставить, – оглядывая плёс, решил Василий. – Давненько ленком не баловались, знатная рыбёха. Видать, загуляла по уловам, молодёжь шерстит. Ладненький ленок.

– Чью морду-то ставить? – не поняв, ухмыльнулся Семён.

– Чужой-то тут откуль быть? Свою. Морда, она морда и есть. В Расее ещё корчагой зовут.

– А-а... – Семён ногой отбросил камешек в речку. – Корчажку знаю, а морда... Чудно как-то.

– Чудно али нет, а добычливо. – Василий поправил ремень кремнёвки. – Я тут перебрел. – Он подёрнул голенища и, буровя коленями воду, побрёл к другому берегу.

Семён подождал, когда Василий выбредет на песчаный обмысок, и ходко пошел вверх по распадку, по уже хорошо натопанной тропке.

Глава 4

Устя кончила постирушки и, раскинув тряпки на согретые солнцем валуны, сушила. По речке – вверх ли, вниз ли глаз не кинуть – катаются по воде жаркие слитки, вспыхивают, слепят нестерпимо.

Сидела она на плоском камне, растирая настуженные до ломоты руки. Тихо плескались у ног мелкие волнушки, посверкивали в тени ленивыми бликами. Всегда тёмные, потаённые глаза Усти сейчас, подсвеченные снизу водой, ярки и остры. Давно высохло выстиранное, и ветерок посдувал тряпье на галечник, но сидит Устя. Сидит недвижно. Со стороны посмотреть – нежить нежитью.

Уже солнце пошло на другой перегиб, но всё еще высоко над головой жарит. Устя поднялась с камня, обдёрнула подоткнутую юбку, и как была, босиком пошла вверх по реке от зимовья.

Семён выволакивал груженую бадью, когда заметил идущую по тропе Устю. Оттягивая верёвку, он отвёл бадью в сторону, опрокинул. Надо было Степану опускаться в шурф, нагребать породу для нового подъёма, но он стоял спиной к Усте, медлил.

Устя подошла, остановилась сзади. Переводя дух, глядела на его голую, в глиняных размывах, потную спину, молчала. Солнце клонилось к гольцам, сладко, с дурманцем, пахло сомлевающим от дневной жары болиголовом.

– Зачем пришла? – хриплым от долгого молчания голосом спросил Семён. – Велено дома быть. А ну вернулся... муж?

– Да не муж он вовсе. – Устя задышала ровнее. – Знаешь ведь... Али не радый мне? – Она стянула с головы платок, стала обтирать Семёнову спину.

Семён вжал голову, напрягся. Ознобно вздрагивая от её пальцев, он обшаривал глазами просветы меж сосен. Крепко засел в нём образ Василия, рыжей щекой прильнувшего к ложу кремнёвки.

– Уходи, – попросил. – Уйди от греха.

– Не гони, – вздохнула Устя. – пришла ведь. Сама. – Улыбнулась ясно. – Сон вижу который день одинаковый. – Взяла за руку, развернула. – Не простой сон-то, Сеня. Господь, знать, так уж велит. Сядем давай, отдохни.

Она опустилась на горку вынутой породы, потянула его к себе.

Он сел рядом. Глядя в ставшие непохожими на прежние глаза Усти, спросил:

– Что Он велит, Господь-то? – Сухо сглотнул. – Какой сон твой?

– Нас хорошо-о вижу, – не опуская его руки выдохнула Устя. – К добру это. – Зашептала горячечно, как в бреду. – Сбежим, Сеня, вот теперь, сразу! – Оглянулась кругом, потемнела лицом. – Си-ил не стаёт терпеть его, постылого. Убьёт он меня... И тебя, если вот так застанет. Не впервой ему. Жену свою, венчанную, на покосе вилами заporол. Бежим!.. Люб ты мне.

– Ну, я ему не баба, со мной ему того, – хмелея от её слов, заговорил Семён. – Сам обидеть могу... Люб, говоришь? И ты мне любя.

– Боюсь я! – Устя сомкнула руки на шее Семёна, стиснула отчаянно. – Уведи ты меня от лешего этого. Ну, что тебе тут надо? Золота? – Засмеялась невесело. – Да бог с ним совсем! Ты сильный. Наживём добра и так, на людях лишь бы.

– Не-е-ет. – Семён заводил русой головой. – Прибёгом мне на людях не жить. Кому ни лень, всяк палкой кинет, а то к околоточному: имай, беглай!.. А здесь я вольный казак, себе хозяин.

– Ой, сбежим, Сеня! Любить буду, как в песнях поют. – Устя отчаянно поймала горячим ртом вялые губы Семёна.

Солнце еще долго цеплялось за голыцы, но упало за них и там красно догорало. Предвечерней сутемью по самые гривы налились распадки, яснее стало слышно неблизкую отсюда речку.

– Стемнеет скоро. – Семён встал на пьяные ноги. – Идём.

– Сейчас! – обрадовалась Устя. – Дорогу-то я от зимовья до реки Витима заметила. А то лошадь уведём, лошадь выведет. – Она торопливо упрятывала волосы под платок. – На реке плот свяжем – и на низа.

Семён поднял рубаху, встряхнул.

– В зимовье идём, – сказал властно. – Долю свою не оставляю. С ней можно и на низа. Ключик-то золотой – к любому замку отмычка. – Подумал... – Людей покупают, а бумаги нужные купить нешто грешно? Айда!

– Чего же ты, а-а? – потускнев от его слов, тихо спросила Устя. – С Василием встренишься – не отпустит, изнурный. И золота не даст. А добредёт умом до греха нашего – захлестнёт или ночью удавит. Кто ты ему? Чужедальний!

– Ну-тко... – Семён за подбородок приподнял Устину голову. – Случаем, не открыла ему, что беглый я? А то он выводывал.

– Да бог с тобой, – откачулась Устя. – Может, догадка у него, а я – что ты!

– Ну и ладно. – Семён утёр лоб. – Я ему не крепостной. Спустимся отсюда, ты меня у зимовья подождёшь. Я скоро с ним отговорю.

– А меня спросит?

– Отвечу, не печалуйся.

Семён натянул рубаху, и они пошли вниз по распадку. У речки остановились.

– Жди тут, – приказал Семён.

Устя присела на береговую терраску. Теперь она снова была тиха, обречённо глядя вслед Семёну, держала на губах ладонь, улыбалась сострадательно, в себя.

В зимовье было пусто. В сумеречном нутре его сквозили опаловым светом маленькие оконца, под нарами, попискивая, возились мыши. Пока Семён добывал огонь, дверь распахнулась. В свете едва разгоравшихся лучин восстала на пороге широкая фигура Василия. Он что-то опустил на пол и оно мокро шмякнуло.

– Уже наработался? – спросил Василий и, стукнув прикладом об пол, поставил в угол ружьё.

– Пришел, – отозвался Семён.

Василий устало опустился на порожке, кряхтя, нагнулся, распустил на ичигах сыромятные ремни.

– Помоги, – попросил, – ухайдакался до морока.

Семён взялся за ногу, рванул, снял мокрый ичиг. Теперь, в прибылом свете, разглядел, что рубаха Василия на плечах и груди густо набрякла кровью. Хватаясь за вторую ногу, скосил глаза: на полу, в чёрной с глянцем лужице, лежало огромное стегно сохатого.

– Повесь на ветерке, пусть обывает. – Василий кивнул на ичиг в руках Семёна. – Устя где?

– Должно, где-нито здесь, – дрогнул голосом Семён. – Я сам только заявился. – Он стал протискиваться в дверь мимо Василия.

Василий плечом к косяку припёр его.

– Бреешь, – обронил он мрачно. – Сказывай, где.

– Жена твоя, ты и следи! – огрызнулся Семён. – Отвались, дай выйти-то.

Василий, колыхнув плечом, оттолкнул Семёна в глубь зимовья. Лучины горели ярко, потрескивали. Семён бросил ичиги на пол, отступил к столу. Василий поднялся, шагнул следом. Огромная, в ползимовья, тень метнулась на стену, переломилась, застлала потолок.

– Где баба? – потребовал Василий. – Говори ладом.

Яркими от пламени лучин глазами Семён остановил Василия, прохрипел:

– Отдай мою долю, ухожу я!

– Вона как – долю? – Василий скривил лицо. – А может, две? Может, и Устинью впридачу жалашь, сшущукались? – Он наложил лапищу на грудь Семёна, сгрёб в горсть рубаху, встряхнул.

Болтнулась, как неживая, голова Семёна, лопнула на спине ряднина. Василий рванул ещё, и лоскутья её остались в его кулаке.

– А вот твоя доля! Так голым и пушу. – Мотнул головой на выход. – Вали, рявкни ко мне Устю.

Семён безвольно пошарил ладонями по голой груди и, горбатясь, поволочил ноги к дверям. Оставшиеся целыми рукава, как крылья у подбитой птицы, висли до пола. Заметив в углу ружьё, он было приостановился.

– Шагай, не балуй! – предупредил, усмехаясь, Василий. – Да и холостое оно. Там медведь конягу задрал, но и я не здря стрелил. Мясо есть будешь.

Густо проклюнув небо, звёзды слёзно мигали, подрагивали. Устя сидела в полосе лунной дорожки и, обхватив колени, глядела на другой, тёмный, берег, ждала. Заслышав шаги Семёна, оглянулась, выпрямилась радостная.

– Ты это... Не сиди тут, – остановившись поодаль, тихо и виновато проговорил он. – Иди-ка домой. Сам зовёт.

Устя обмякла, замерла. Потом по-старушечьи поднялась, обошла его сторонкой. На месте стирки похватила с галечника тряпки, отрешенно зашагала к зимовью.

– Не подумай чего, – поспешая следом, бормотал Семён. – Задумка есть у меня. От своего не отступлюсь.

Она молчала. Только у самой избушки сказала горько:

– Ка-за-ак! – Плюнула. – Вольный! – Глянула на Семёна, и не было видно глаз её.

– И вольный! – ловя её руку, шепотом вскрикнул Семён, но Устя рванула дверь, и он замолк на полуслове. Следом за ней вошёл в зимовье, прислонился к косяку.

– Где пропадала? – спросил Василий, щепая лучину огромным ножом.

– Да вот же. – Устя протянула стираное. – Пропучкалась дотемна.

Он вгляделся в неё, приказал:

– Ужин готовь. – Мотнул патлами. – Жарь, парь, не скупись.

Устя метнулась к мясу, присела возле.

– Счастье-то! – притворно радуясь, всплеснула руками. – А то и кормить не знала чем.

Василий подошел, ловко отпластал кусок мяса, бросил его на руки Усте. Она поймала его, метнулась с пола к печи.

– Лучины нащепай, да поболее. – Василий протянул нож Семёну. – А ты, – зыркнул на жену, – рубаху подай сменить. Ему тоже. Вишь, как ободрался? С медведем ворот крутил небось, да не поделили чего там.

Редкозубо улыбаясь, Семён взял нож, уселся на лавку, зажал меж ичигами полено. Испытуяще глядя на него, Василий царапал в бороде. Шумным выдохом опрастал грудь, вслух подумал:

– Мясо на сук подвесить, пусть обывает.

Легко поднял стегно, ногой расхлобыстнул дверь. Когда его спина заслонила проём, Семён вспрял на ноги, откачнулся назад и, запустив в неё нож, другой рукой нечаянно ударил по светцу. Темень хлынула в зимовье, ослепила, но чётко прослышалось, как что-то тяжелое свалилось на пороге. Дыша вздохом, Семён ждал, но Василий не подавал звука, не стонал. Не слышно было и Усти. Он хотел позвать её, но язык связало сушь, прилепило к дёснам. Потный от навалившегося страха, он, обдирая спину о шершавые брёвна, сполз на пол, затаился.

Короткая ночь убывала. Мало-помалу утренник прояснил дверной проём, и Семён обмер от ужаса: сидел на пороге живой Василий и с недоброй ухмылкой глядел на него. У печки, одеревенев с ночи, стояла, запрокинув голову, Устя.

– А-а-а! А-а! – потерянно, по-заячьи, завскрикивал Семён и на коленях заелозил к нарам.

Опершись руками о косяки, Василий поднялся, взял ружьё, вышел. Из лежащего у зимовья комля сухостоины выдернул топор. Глядя под ноги, прошел вперёд, поднял брошенный Семёном нож, вернулся к двери.

– Ва-а! Васи-илий! – жамкая руками подол задранной юбки, захныкала Устя. – Не убивай!

– Ополоумела баба. Воды испей. – Василий топорищем ткнул в бадейку. – Охолонешь, дак, – глянул на чугунок, – накорми, что ли. – Повёл глазами под нары. – А ты вылазь. На Страшном суде с каждого свой будет спрос. – Поиграл желваками. – Живой нужен ты мне.

Он ушёл в тайгу, спрятал ружьё и топор, вернулся. У растопленной печи суежилась всё ещё бледная Устя. Семён с опущенной головой сидел на нарах. Завидев на пороге Василия, он тихо опустил на колени.

– Дак простил, братан? – Семён ногтями вцепился в грудь, всхлипнул. – Собакой тебе буду!

– Ну-у... – Василий приузил глаза. – Ежели ещё прокудить станешь – чулком выверну и под торбу приспособлю. – Он начал стягивать с себя заскорузлую от крови рубаху.

– Вот она, чистая, поменяй! – сунулась к нему Устя.

Мрачно глядя на жену, Василий взял рубаху. Натягивая её на комкастое от мускулов тело, приказал Семёну:

– Вставай, будя по полу елозить. Запомни, балда стоеросовая, – подолбил пальцем в макушку Семёна. – Спать лягу – глаз на тебя открытым держать буду. – Усмехнулся. – Только убивать второй раз не станешь. Не-ет. Золотишко и тебе надо, так думаю, а порешишь меня – поди отыщи, я его на всяк случай перепрятал. – Василий отошел к двери.

Семён поднял голову и обмер: Василий тянул нож из окованных медью ножен, шурился, глядя на него.

– Замри на всяк случай, – предупредил он, отводя назад руку.

Нож мелькнул перед глазами Семёна и на вершок вклянулся в стену. Покачиваясь в бревне, нож тёрся рукояткой о его ухо.

– Эдак мы на солонцах разве только зверя заваливали, когда с порохом худо бывало. А то – копьём-пальмой. Поднаторели, есть надо было, – с укором выговорил Василий и посоветовал: – Отходи от страху, а то жила главная лопнет. А урок вечёрашний доделай – лучины нащепай.

Он вышел. Семён раскачал нож, выдернул из стены. Обмётанными тенью глазами Устя встретила с робким взглядом Семёна, и он опустил прохватанную сединой голову.

С этого дня стала Устя сторониться Семёна. Виновато заговаривал при случае – отмалкивалась. Мучился Семён, но виду не подавал. Ещё жаднее налёг на работу, и с каждой новой щепотью золота прибавлялась охота добавить к паю еще несколько. Василий не вспоминал о ноже, но стал ещё суровее, чем прежде: давил в Семёне и малые попытки стать прежним. Понял Василий, что совсем обессилел Семён, душой обессилел. Так лосось-рыба, идущая на икротёт, бьётся из последних сил на шиверах и перекатах, а выметав икру, пустая и вялая, покорно скатывается вниз по течению.

Глава 5

Тихая подкралась осень. Обмережила желтью берёзовые листья, затрубила по увалам изюбрями, смахнула с лиственниц тощий ворс и напустила в тайгу сквозной ясноты. Василий с Семёном сидели на отвалах породы, курили. Шурф старика давно выработали, рядом пробili ещё несколько, но достать круто падающую в недра жилу было не под силу, заливало водой, не помогала и крепь – оползал грунт. По утрам от первых оснежей с морозцем хрупали под ногами корочки палых листьев, отгорланили в небе последние гусиные косяки. Подступала зима.

– Вдвоём не взять больше! – Василий отщелкнул окурочек. – В Витим надо живой ногой обернуться, людишек поднанять. Артелью будет куда сподручнее.

– Артелью? – Семён покрутил головой. – А как же расшивы твои, дело в Иркутске-городе как же? Ведь золотишко придется делить на артель. На всю!

– Ха!.. Я хозяин, я и плачу. А плачу, как плачу – скупю. – Василий скovyрнул с ичига ком грязи. – Дело тут можно заварить нешуточное, прииск открыть. На всё это дело мы с тобой золотишка добыли. Хватит. Людишек что мошки будет. Налетай – кормлю!.. Зимой, как пльвуны подморозит, копать начнём. Теперь – шабаш. – Василий поднялся. – Айда в зимовье, домозгуюем. Ночь теперя длинна.

Семён встал, и они след в след зашагали вниз от участка.

– Значит, кто-то из нас за людишками да харчами для них податься должен, – налегая локтями на стол, заговорил Василий, поочерёдно переводя глаза с Усти на Семёна. – Её не пошлешь – баба. Тебе нельзя тоже. Стало быть, мне двигать.

– А пошто мне нельзя? – бойко спросил Семён. – Не до Киева, чай, доберусь ходом.

Василий откачнулся к стене, прогудел удивлённо:

– Но дурно-ой! В селе тебя мигом стреножат, а то и удавку на шею накинута, кумекаешь?

– Ты это о чём? – забеспокоился Семён.

– А о том, – подмигнул Василий. – С вольной в кармане с каторги не бегут, по тайгам не хоронятся.

Семён дёрнулся, вскочил на ноги. Табуретка со стуком покатила к порогу.

– Ты зачем это врешь? – Недобрый огонёк забродил в глазах Семёна. – Откудова взял, что я беглый?

– Не хайлай, – хмуро предостерёг Василий. – Живи, старайся, чем тебе здесь не воля?

– Мужики-и, сдурели? Свару на что заводите? В тайге! – сунулась было промеж их Устя, но Василий жестом осадил её:

– Слышишь, Сенька? Верно баба говорит – тайга вокруг, глухомань... В село пойду я. Утром и двину.

– Ага. – Семён сцепил зубы. – Валяй, я тоже следом ударюсь.

– Боишься, что артель-то приведу, да не ту? Жандармскую? – Василий махнул рукой. – Брось! Тайга государства вольная, тут свой закон и правда, отселя не выдают.

– Крутишь! – выкрикнул Семён. – Глаза отводишь. Чужими руками отделаться замыслил, своих марасть не хочешь. Богу молишься.

– Тю-ю, дурень, – снова отмахнулся Василий. – Говорю – сядь, обмозгуем, дело обчее. Чего кажилишься?

– Неча мозговать! Давай мою долю – и весь сказ! – не унимался Семён. – Вольный я казак?... Вольный!

– Матерь Божья, Заступница, – мелко крестилась в углу напуганная Устя.

– Вольный, – жамкая ручищей бороду, согласился Василий, – а всё ж дурак... Устя, давай ужин на стол. Я скоро.

Василий натянул армяк, вышел. Устя, как и Семён, помолчала, прислушиваясь, спросила: – Уходишь, решился? – Вышла из угла, прижала руки к груди. – А я-то думала, сломался ты... Уйдёшь, а я как же?

– А-а? – бессмысленно глядя на неё, переспросил Семён.

– Со мной-то что станет?

– Уйдём. Вместе. Ночью, как заснёт.

– Бог тебя наградит, Сеня! – обрадовалась Устя. – Бог, Сеня.

– Тихо ты! – Семён ударил кулаком по колену. – Ужин давай, чтоб всё складно было, как наказал. Хитрый, чёрт. Небось под дверью стоит.

Пока Устя собирала ужин, вернулся Василий. Сдвинув в стороны миски, поставил на стол берестяной туюсок, вздохнул.

– Вот, всё тут, без утайки. – Он высыпал содержимое из туюска, и все трое молча усталились на грудку золота, песком и самородками блекло отсвечивающую на щербатом столе.

– Добрый фарт. Фунтов десять. – Василий ладонью отгрёб ровно половину, пододвинул Семёну. – Небось не в обиде. Бери и поутру мотай на все четыре. Теперь же ночь, прогонять не стану.

Блёснами заиграли глаза Семёна.

– Э-эх ты сколь! – вскрикнул он и испугался. – Многовато одному-то, отбавь. Вас двое.

– А я за двоих тебе отсыпаю, – округляя ноздри, усмехнулся Василий. – Радуй душу. Работал хорошо, половина твоя. Мы себе добудем.

Семён промолчал. Устя поймала взгляд мужа, брошенный в запечный угол, закусила палец.

– Ва-а-сенька! – охнула она, оседая на скамью.

– Цыц, баба! – полоснул её взглядом Василий. – Кого пожалела, металлу?.. А ты бери, Семён, бери, твоё кровное.

– Тогда благодарствую, – поклонился Семён. – Спрашивал ты – кому я должен? Должен. Чего там. Ты в аккурат догадался, беглый я. А этого добра хватит, чтоб откупиться.

– Оно и ладненько. – Василий сел на табуретку, отчего она хрустнула всеми суставами, шумно захлебал похлёбку.

– Тяжелое, да приятно-ое, – шептал Семён, заворачивая золото в лоскут выделанной сохатиной шкуры.

– Садись, ешь. – Василий ложкой тронул Семёнову миску. – Али разбогател и сыт?

– Разбогател! Верное слово, – опять поклонился Семён. – Благодарствую вдругорядь. – Он упрятал тяжёлый свёрток под ошкур штанов, стянул ремнём и подсел к столу.

Похлебали. Устя подала на стол чугунок с мясом. Василий облизал ложку, отложил. Ухватив пальцами горячий кусок мяса, щмякнул на стол, попросил:

– Подай-кось нож, Устя.

Устя отделилась от печки, протянула нож Семёну.

– Возьми, – сказала, – передай.

Не глядя на неё, Семён нехотя взял нож и так же вяло подал через стол Василию. Устя задом отступила к печке, закусила губу.

– Может, останешься, Семён? – кромсая мясо, полюбопытствовал Василий. – А то, неровен час, подстрелят на тропе. Балуют этим промыслом. Хозяйствовать обоя зачнём, а? На равных?

– Оно бы конечно, да опеть же, какой из меня хозяин? – Семён, обжигаясь, рвал мясо зубами, ножа не просил.

– Обоя, говорю, захозяйствуем. Дело нехитрое. – Василий мотнул бородой. – Да и погодка задурила, чуешь? С верховьев ветер, снежку бы не принёс, заметёт – не выйдешь.

Семён скосил глаза на дверь, прислушался к вою ветра.

– Прихватит где-нибудь в дороге и схоронит, – гудел Василий. – Тайга, она свое крепко держит. Сам пропадёшь и золотишко стинет, а в ём труд заложен куда-а какой. – Он встал, подошёл к двери, распахнул.

В тёмном проёме, на свету, густо мельтешили снежинки.

– Господи Иусе, – заметала себе на грудь крестики Устя.

Пар, вваливаясь в натопленное зимовье, расползлся по полу, клубился пеной.

– Здравствуй на лёгком слове! – поклонился в темноту Василий. – Пришла-а долгая!

Яркими от злых слёз глазами глядел Семён на хлопья снега и в густом, поднявшемся до колен пару казался Усте безногим. Она не крестилась больше. Опустила неживые руки, глядела на дверь со страхом.

– Надолго задурила, язви её! – с мрачным торжеством заключил Василий и, крикнув, захлопнул дверь. – Оно и мне не выбраться. Куда в такую беду, – заговорил, усаживаясь за стол. – Переждать надо. Ужо отстоится погода, а там на лыжах. – Перегнулся, тронул за плечо Семёна. – Оставайся, говорю. Не глупи. – Кивнул на Устю, подмигнул. – Раз уж делимся поровну – так и быть, делимся во всём. Обоя, говорю, зачнём хозяйствовать

Семён покрутил головой:

– Пойду я. Сейчас и пойду. Будь что будя.

– На ночь-то глядя? – Василий хмыкнул. – Прыткий какой... А не пущу?

– Поделились ведь, чего там? – Семён развернулся к Василию. – Как же – «не пущу»?

Вольный я.

– Покуда Бог один вольный, – метнул в потолок глазами Василий. – Он. Один.

– Уходи-и, Семён, – зажмурясь, обронила от печи Устя. – Всё одно смертынька. Уходи-и.

Семён со страхом, Василий удивлённо повернулись к Усте. Напружив глаза, она в упор, неистово глядела на них обоих. Воя, наваливался на зимовье ветер, трепал на крыше драньё, высвистывал непутёвое. Семён, не глядя, нашарил сбоку себя тяжёлую, тусклого олова кружку и, не спуская глаз с Усти, стал глотать остывший чай. Слева за её спиной тяжело дышал Василий. Глядя мимо Семёна на Василия, Устя напряглась, убрала руки за спину и, взвизгнув, отдернула их от раскалённой печи.

Как от выстрела, ударившего внезапно, Семён отпрянул, развернулся к Василию и с ходу наотмашь саданул его по скуле зажатой в руке кружкой. Василий охнул, свалился на Семёна и, поймав за шею, страшно давил. Хряпнули под пальцами связки, затрепыхался Семён. Василий, выхаживая кровавые пузыри, оттолкнул его, сжал руками разрубленную скулу.

Роняя на рубаху изо рта розовые хлопья, Семён пятился к двери. Запнувшись об ушат, опрокинул его, поскользнулся, боднув головой косяк, рухнул у порожка, выгнувшись рыбиной, и затих.

Устя кошкой вскочила на нары, вжалась в угол. Изуродовав ногтями щёки, замерла с открытым ртом в безгололье. Василий раскачивался над столом, скорготал зубами.

– Очухайся мне-е, – хрипел он, – колодину к ноге приверчу, с ней в шурфе и подохнешь. – Ощупью пробрался к нарам, свалился на них, выстонал: – Дай тряпку, Устя, морду замотать...

Устя подождала, потом спрыгнула на пол, огляделась. Василий лежал ничком, не шевелился. Тогда она метнулась к порогу.

Алой клюквой цвела холщовая рубаха Семёна. Глядя на неё, Устя нахмурила брови, потом улыбнулась виновато, упала на колени и захватала ягоды, собирая их в горсть. Вдруг, счастливо хихикнув, она растопырила перепачканные пальцы, лизнула их, похвастала кому-то:

– Спела-то кака!

Вспрыгнула на ноги, сгребла в обе руки по пучку нащепанной Семёном лучины, подпалила их в печи. Хищно подмигивали со стола рассыпанные самородки. Устя показала им язык и, крутнувшись на ноге, выскользнула за дверь. Там привстала на носки, сунула огонь под крышу, припёрла дверь колом, отбежала.

Зверем, пойманным в сети, метался в прибрежных тальниках ветер, раскачивал гудящие ели, сеял с речки водяной мёрзлой пылью. Скоро ближние к зимовью лесины выхватило из темноты пламя. Оно длинно полоскалось из-под крыши, ревело. Где-то в чёрном урочище тревожно заухал на зарево филин, а у зимовья, выставив по ветру космы, приплясывала, увёртываясь от искр, хохочущая Устя...

Старые охотники-эвенки сказывали, что много лет зимой и летом случалось видеть им по угрюмому ключу мелькающую в зарослях кедрового лапника косматую ведьму. Как выживала она – бог знает.

Глубинка Повесть

Глава 1

От голода Котьку подташнивало. Он остановился, сдвинул с плеч верёвочные лямки, свалил мешок на льдину, боком вмёрзшую в реку Амур, рухнул на него. Обутые в ичиги ноги дрожали, поселковые огоньки за оснеженной ширью реки двоились, пропадали надолго. Снял рукавичку и потной от слабости рукой стащил шапку. Ветер хиус скоро опалил затылок, схватил волосы ледком, закучерявил. Они захрустели под ладонью, и пришлось снова натянуть шапку, поднять короткий воротник телогрейки. Волосы тут же оттаяли, и по шее, до желобка по спине, поползла ознобная струйка.

«Торосистый нынче Амур, – думал Котька, глядя на льдины, так и этак впаянные в него, остро поблескивающие сколами. – На коньках не погоняешь».

Он сидел лицом к устью протоки. В двух километрах отсюда она впадала в Амур, а там, на другом берегу Амура, лежала чужая сторона – Маньчжурия. Там притаилась японская Квантунская армия. Как всякий пограничный мальчишка, Котька знал об этом. Ночами над той стороной часто вспухали разноцветные ракеты, дробили темноту. Тогда Амур просматривался на всю широту, и по нему, чёрному, извивались огненные змеи, доносилось многоголосое, ликующее «Банзай!». Так было летом, когда немцы ещё рвались к Москве. Теперь, зимой, та сторона утихла, затаилась, но эта тишина и затаённость угнетали больше, чем недавние фейерверки.

«Может, ползут сейчас по льду в маскхалатах», – подумал Котька, но даже не пошевелился: всякий день ждали нападения японцев, привыкли, а привычка притупила страх, хотя он и жил внутри, мозжил. Котька смотрел на поселковые огоньки за протокой. Они подмигивали дружески, успокаивали. И хотя лихота еще теснила грудь, он заторопился к дому. Устойчивый ветер сменился порывистым ветерком, погнал позёмку. Пропотевшая телогрейка залубенела и теперь, придавленная к спине мешком, сильно холодила. В позёмке путь угадывался с трудом, Котька спотыкался, падал, один раз долго нашаривал в снегу выпавший кусок сала, нашёл и больше не прятал за пазуху, нёс в руке...

За трёхкилограммовый кулёк фабричной дробы и пачку дымного пороха деревенский родственник насыпал Котьке ведро муки. Перед этим он долго вертел в исполосованных дратвой руках скользкую, опарафиненную пачку с нарисованным на ней синим токующим глухарём, сам прищёлкивал языком, как глухарь. Котька боялся, что он откажется от пороха, возьмёт только дробь и тогда выручка от обмена будет маленькой. Боялся и мял на коленях льняной выстиранный мешок, вроде показывая, что ничего другого в мешке нет, в то же время как бы поторапливая хозяина. Жена родственника молчала у печки, ждала, чем закончится обмен, шикала на галдящих детишек, плотно обсевших скоблёный стол. Ребятишки вертели ложками, выхватывали друг у друга ту, что поухватистее, и казалось, совсем не замечали Котьку. Он краем глаза поглядывал на них, совестился, что угадал не ко времени, ужинать помешал. Знал бы такое дело – потоптался б на улице, переждал, пока отсумерничают.

От русской печки волнами наплывала теплынь, в чугуне булькала картошка. Выплески скатывались по задымленным бокам, шариками металась по раскалённой плите, шипели. В избе было парно и душно, окна потели, слезились. Лица ребятишек-погодков разглядеть было нельзя: керосиновая лампа, подвешенная к потолку, высвечивала лишь белокурые макушки и влажные от жары лбы.

Хозяин вышел в сенцы, вернулся с брезентовым ведром, полным сероватой муки. Котья торопливо распялил мешок, от печи подошла хозяйка, заботливо придержала край. Когда облачко мучной пыли осело в мешок, он бережно встряхнул его, завязал, подёргал ляжки – надёжно ли. Уходить не спешил: уж очень скудно отоварил его хозяин. Порох да дробь стали редким товаром, тут как ни крути, а одного ведёрка мало.

Ребятишки за столом требовательно забрякали пустыми мисками. Хозяйка метнулась к ним, треснула одного, другого скользом по макушке, повернулась к мужу.

– Ну дак чо? – Она сложила на обвисшем животе длинные, трудом оттянутые руки, ждала, не прибавит ли сам ещё, самую малость. Ей было неловко: паренёк отмахал столько вёрст, надеялся на большее и ещё ждёт, мнётся, не уходит.

Котья понимал, о чём она думает, да прямо не говорит, мужа побаивается, пригорюнился, начал просовывать руки в ляжки.

– Порох, паря, это того – давай, а дробь по зимней поре куда? – помогая ему устроить мешок, виноватясь оправдывался хозяин. – Батька-то почо картечи не прислал? Козульки по увалам попадают, а чем их добудешь? Картечью! Не по сезону выходит, дробь-то, вот какая штуковина.

– Восподи Иусе! – сокрушённо вздохнула хозяйка, поправила на Котьиной шее шарф, обдёрнула полы телогрейки. – На ночь-то глядя вытуриваем, это чо такоечо. Вскружит на реке и попрёт скрозь границу, как Мунгалихин мальчонка. Ночуй у нас без греха.

Котья завилал головой, мол, дома беспокоится будут, лучше уж пойдёт. На лыжах быстро добежит.

– Оно и верно, потеряют. – Хозяин снова вышел в холодные сенцы, пошебаршил там и вернулся с куском жёлтого сала.

– На-ка, мать порадуй, оладьи будет на чём печь. Это прошлогоднее. Свинью нынче не резал, живьём в фонд поставок сдал. – Хозяин поднял ситцевую занавеску, клюнул носом в стеклину. – Нонче мясечно, не вскружишь.

Котья упрятывал сало за пазуху торопливо, будто боялся, что хозяева передумают и отберут. Крупные кристаллы соли защёлкали по полу, он ичигом подмёл их к порогу, надел шапку, кивнул на прощанье и вышел в приотворённую родственником дверь.

– Поклон от нас всем, как водится, – выпроваживая его за калитку, наказал хозяин.

На улице Котья оглянулся на окна дома, представил, как ребятишки выуживают из чугуна парную картошку, хватают с тарелки ломти подмороженного сала, рвут острыми зубами. «Ла-адно, – усмехнулся он. – И у нас теперь сальцо есть. Вот оно, холодит брюхо, а картошка небось найдётся».

Лыж своих он не нашел. В сугробе, куда воткнул их и присыпал снегом, остался только отпечаток. Не иначе спёрли хозяйские ребятишки. Недаром плющили носы в окошках, пока он стучался у ворот, а старшенький, хитрован, выбегал позже на улицу, а как вернулся, воровато прошмыгнул мимо Котьи, на ходу застёгивая ширинку, дескать, приспичило, по нужде бегал.

– У-у, паразит! – ругнулся Котья, но возвращаться было неловко. Как докажешь, что тот вор? Никак, за руку не держал. Ещё и не поверят, что из-за лыж вернулся, подумают – на ужин ихний навяливается.

Что не пригласили поужинать, на это Котья почти не обижался: время такое, лишним куском не разбросишься, да и нет его, лишнего. Просто позавидовал – люди едят, а ему к своему столу ой-ёй-ёй сколько ещё топать. Подумал, и в животе его заныло, кто-то там тоненько заскулил, ворохнулся, аж подтошнило. Он сглотнул слюну, решил было: «Откушу от сала и буду сосать потихоньку всю дорогу». Но тут же прогнал эту задумку: дома ждут, тоже голодные, а он... И живо потрусил по своей лыжне, словно боялся, что соблазн нагонит его и не устоять будет.

Снег только кое-где по ложбинкам был рыхлым. Постоянные ветры намели белые барханы, намертво прикатали их. Бежалось легко, как по доброй дороге: ни сучка под ноги, ни колдобинки. Низкая пойма от самой деревни до Зеи была голой, лишь кое-где шелестели сухими бубенчиками рыжие островки вейника. Из одного такого свечой рванул вверх красно-бровый фазан, напугал шумным взлётом. Котька растерянно проводил взглядом шилохвостого шумаря. Знал бы о фазаньей лунке-ночлежке – упал грудью, сцапал – и ка-акой подарок приволок бы домой.

...Незаметно позёмка поднялась до колен, потом до пояса. Разыгрывалась метель, но поселковые огоньки были пока видны, а над самим посёлком висел острый месяц, большой, яркий, отчего всё небо вокруг него виделось чёрным, и казалось – такой остроизогнутый, он обязательно перережет что-то, на чём подвешен, и упадёт, звонко расколется о лёд и станет светло, как днём, от ясных осколков. Котька шёл, натывался на торосы и очень хотел, чтоб такое случилось скорее, сейчас.

– Сынка-а! – услышал он совсем рядом и поддал на голос. Мело вовсю. Даже другой берег – яр – теперь не проглядывался. Ногами узнал – стоит на взвозе, и тут из круговерти надвинулась фигура отца. Отец поставил в снег никчёмный в пургу фонарь «летучая мышь», быстро ошупал Котьку.

– Сыно-ок! Снегом-то как забило, ёс-кандос! Да чо молчишь, сынка?

– М-м, – промычал Котька сведёнными на ветру губами.

– Дай-ка котомку сниму! – кричал отец, тормоша Котьку. – Дурень я старый, ёс-кандос, послал парня, а чувствовал – будет пурга, эвон как поясницу ломило. Чуть не угробил мальчонку!

Котька лизнул языком по стывшим губам, отдельно произнёс:

– При-шел, глав-ное.

– Пришел – главное! – обрадованно подхватил отец. – А я с работы – прямо сюда. Петляю по угору, ищу тебя, а ты вот он, молодчина!

Когда поднялись по взвозу, отец спросил:

– А лыжи, сынка, переломал, чо ли?

– В деревне стащили. Мальчишки какие-то.

– Вот сукины дети! – выругался отец, но как-то беззлобно, рад был, что Котька вот он, живой, здоровый.

Едва переступив порог дома, отец весело оповестил:

– Встречай, мать! Снабженец наш вернулся.

Всегда сдержанная на ласку, мать и теперь не выказала радости. Только наладилась было и тут же пропала неумелая улыбка. Одни глаза на парализованном малоподвижном лице потеплели, стали бархатистыми. После пережитой в тридцать третьем году тяжелой голодухи Устинья Егоровна из неумной певуны-плясуньи превратилась в хмурую, замкнутую. И если позже, после крутых лет, и перепадала радость, она, как и теперь, едва налаживала улыбку, но сразу гасила её, будто своей весёлостью боялась навлечь беду и на сейчас и на потом.

Отец стащил с Котьки телогрейку, усадил за стол поближе к печи, потом разделся сам. Мать поставила на столешницу миску овсяной болтушки, рядом на дощечку положила кусочек хлеба. Тяжелого, мокро отсвечивающего по ножевому срезу, совсем без ноздринок.

– Горячая, не обожгись. – Подала ложку и отошла к отцу посмотреть, что там в мешке. Котька принялся за болтушку, съел её, согрелся. Останней корочкой от хлеба прошёлся по миске, собрал клейкую жижицу, сунул корку за щеку. Знал, если сразу не проглотить, а сосать как леденец, можно долго удержать во рту вкус хлеба.

Отец с матерью сидели на лавке, у ног их лежал мешок с мукой и сверху жёлтый кусок сала. Дым от отцовской самокрутки слоился по кухне, лип к окну, подёрнутому морозным узором, сквозь который сквозили наклепленные крест-накрест бумажные полоски. Закрестить

окна заставили ещё летом на случай военных действий с Японией. Считалось, стёкла от взрывов хоть и полопаются, но не вылетят.

Отец курил, отмахивая дым широкой, в трещинах, ладонью. Работал он плотником. На морозе без рукавиц тесать брёвна несладко, а в них неудобно: топорище юлит, обтёс идёт неровный, а Осип Иванович по плотницкому делу был строг. Ни себе, ни другим халтуры не спускал. Поэтому работал без рукавиц на самой лютой стуже. Задубели руки, их раскололо трещинами, смотреть – всяких чувств лишены, а проведёт ладонью по поделке, любую выбоинку, шероховатинку отметит. С гордостью говаривал: «Деды наши одним топориком Русь обстраивали, артисты в своём деле были. Топор, Костя, он такой инструмент, хоть на что гош – и ворога отвадить, и хоромы сладить». Ложки своим лёгким, звонким вырезывал – глянуть любо-дорого.

От тепла и еды Котьку разморило. Осоловело, будто из тумана, глядел он на синие полосы, наблюдал, как лёд подтаивает, стекает с оконных стёкол на облупленный подоконник, впитывается тряпичной ленточкой и с неё шлёпает каплями в подвешенную на гвозде бутылку. Подумал: ночью польёт через край, полная почти. Снял с гвоздя, понёс к помойному ведру под умывальником. За его кудрявой головой завихрился табачный дым.

– Фёдор-то промышляет кого? – спросил отец, но сам же засомневался. – Нет, однако. Теперь в колхозах мантулят без продыху, некогда ружьишко в руках подержать.

– Сказывал, коз по увалам много, – булькая над ведром из бутылки, ответил Котька. – Картечи просил.

– Картечи можно отлить, свинец есть. – Отец поднял глаза к потолку. – А козы должны быть, куда им деться? Бывало, ветерок потянет, а лист на орешнике сухой, шумит... Вот так, как до тебя на выстрел подходил к имя – не чувт. Сейчас бы самый раз в сопки сбегать, да кто отпустит.

Котька повесил бутылку на место, спросил:

– Нелька где?

– С Катюшей в клуб ушла сестричка, куда ж ещё? – ответила Устинья Егоровна. – Снеси, отец, мучку в кладовку, а сало в ящик, да крышкой накрой. Мышей, холера их возьми, развелось. Хоть бы плашки насторожили, придавили бы.

– Пусть живут, – усмехнулся отец. – Грызть им нечего, тоже бедуют.

Он начал увязывать мешок. Мать трудно поднялась со скамьи, взяла со стола миску, окунула в тазик с тёплой водой.

– Легко мыть стало. Ополоснула – и чистая, ни жиринки, – хмуро пошутила она, пряча посудину в настенный шкафчик. – А ты куда засобирался, Котька? Поздно в клуб-то. Намёрзся, едва отдышался, а уж бежит, как саврасый без узды, – выговаривала она, устраиваясь с прялкой к керосиновой лампе. На затемнённом затылке тускло замерцала алюминиевая гребёнка, воткнутая в худенькую шишку. – На улку выглянуть боязно, пурга.

Котька в пальтишке, купленном перед самой войной, обиженно присел под вешалкой. Отец подмигнул ему, дескать, делать нечего, сиди дома. Он поднял с пола мешок, коленом толкнул дверь – и как растворился в клубах пара, залетевшего в кухню вместе со снегом.

Мать левой рукой пощипывала кудель, в пальцах правой крутилось веретено, стучало о дно подставленной кастрюльки. Устинья Егоровна готовила посылку для фронта. Вязала из овечьей шерсти подшлемники, варежки, носки, сдавала на приёмный пункт, вкладывала в варежку письмецо с кривыми параличными буквами и надеялась – сыновьям достанется её вязание. Сергей со старшим Константином были на фронте с первых выстрелов, от самой границы ломали войну. Письма от них шли не поймёшь из каких мест: литер да номер полевой почты. Гадай, где эта почта. Одно распознавала безошибочно – от кого письмо. Сергеевы – аккуратные, треугольнички чистенькие, на самолёте воюет. Костины – те в мазуте выпачканы, мятые. Понятное дело – танкист старший Константин.

Уграздило Костроминых назвать сыновей одинаковыми именами. Посторонние удивлялись, а родных и знакомых эта история давно смешить перестала. А получилось вот что: Осип Иванович на радостях, что последышем в семье родился парнишка, опора на старость, загулял на неделю. Мать в это время придумала последышу имя Вениамин. Уж очень интеллигентно на слух выходило, и к тому же во всём посёлке такого имени ни у кого не было. Отец нехотя согласился, а когда с похмелья пришел в сельсовет, не смог вспомнить мудрёного имени, назвал и младшего Константином.

Устинья Егоровна стыдила-корила муженька, но не идти же в сельсовет документы переделывать: и волокита и стыдоба. Года четыре мать гнула своё – окликала мальчонку Венькой, а отец – Котькой. Совсем было задёргали парнишку, сдалась мать. Так и остались в семье Костя-большой и Костя-маленький – Котька.

Сидел Котька под вешалкой и думал: хорошо бы сейчас в клуб махнуть, на Ваньку Удодова глянуть. Уж он-то там околачивается, Вику подкарауливает, чтоб навалиться до дому проводить. Вика совсем на поселковых девчонок не походит, и говорит чудно, что не слово – будь добр, пожалуйста. Верить ей, так есть на свете янтарные дворцы, фонтаны-обливашки в виде деревьев или ещё диковины – мосты разъезжаются. Опоздал домой и жди до утра всю ночь. Да и ночей настоящих нет, белые они, читать можно. Вика к тётке на Амур из Ленинграда эвакуировалась. Худенькая, косточки выпирают, и личико стеаринового просвета. Совсем как мотылёк-подёнок, которого и в руки взять боязно: дыхни – сомнётся А Ванька вокруг неё гусём вышагивает, вяжется, бугай, жениться небось хочет. А что ему? Паспорт уж год как получил, а всё седьмой класс не осилит. Котьке шестнадцать еще только через два года будет, а догнал его, второгодника. Теперь за одной партой сидят.

Вернулся отец, за ним из клубов пара возник бородатый, в козьей дохе, подпоясанный алым кушаком, хромой батька Ваньки Удодова, Филипп Семёнович.

– Здорово были, Устинюшка! – прокуренно забухтел он, охлопывая катанки рукавицами-мохнатушками. Сосульки на усах его тоненько брякнули, он ухватил их в горсть и, оттаивая, медленно потащил вниз, бросил в жестяное корытце умывальника. Они и там брякнули, провалились в дыру, загремели в ведре.

– Здравствуй, Филипп, здравствуй, – кивала Устинья Егоровна. – Разболокайся, окуржевел весь.

– Знатный мороз приударил к ночи изо всей мочи, – складно и весело доложил Удодов. – Такой буран низовой, спасу нет, а небушко вызвездило, аж жуть берёт, какая люминация.

– Дак долго нонче морозу путного не было, – поддержала разговор Устинья Егоровна. – Зима не зима. Пыжилась-пыжилась, вот и завернула.

– Во-во! – затряс головой Удодов. – Первые-то заснеги в ноябре пали, обнадёжили только, а таперича скоро Новый год, а там Рождество. По всем статьям пора. Зима, она своё возьмёт... Сёдни утресь кобыле ноздри проминать выбегал. Весь храп лёдом забило, одним ротом сопела, как не задохлась. По стратегии такой рыловорот туды бы, на фронт, гитлерцам сопли к пузу пригнобить.

Он достал из-за пазухи кисет, и они с Осипом Ивановичем зашелестели бумагой, сыпая на неё бурое крошево самосада. Удодовский табак злой, не всякий закурит и не закашляется. Осип Иванович, зная это, свернул тоненькую, опасливую, но всё равно захакал, сел на место и начал пальцами промакивать глаза.

– Это ещё чо табачок, так себе, пучеглазка, – посмеялся Удодов. – Вот прошлого году был, тот форменный вырви глаз.

– Как ты глотаешь такую беду, – заворчала Устинья Егоровна, но перебираться с прялкой в другую комнату не спешила. Филипп Семёнович Удодов, по прозвищу Дымокур, просто от нечего делать не придёт.

Дымокур снял барсучью шапку с торчащим вперёд лаковым козырьком от фуражки – приспособление, им изобретённое, подал Устинье Егоровне лохматый малахай и поплыл скуластым лицом в довольной улыбке. Любил, когда ругают его табак.

– Гостевать долго время нету. Я на мигу одну заскочил, – уверил Дымокур, надёжно устраиваясь на скамейке.

– Редко видятся стали, Филипп, посиди, – попросил Осип Иванович, стараясь отгадать, с чем таким пожаловал на этот раз Удодов. Знал он его давно, с молодости. Годы смахнули с головы чуб, когда-то вившийся из-под казацкой фуражки с околышем, а чудаковатинки так и не убавили и костей на язык, по выражению его жены Любавы, не нарастили.

– Ну, чо, Филипп, упёрлись наши насмерть? Столица ведь, а? – Осип Иванович уставился на Дымокура.

Тот сложил на коленях беспокойные руки, зачмокал, раскуривая самокрутку, молчал, сопя волосатыми ноздрями. Так и чудилось: что скажет, так оно и случится. Осип Иванович тянул из ворота сатиновой рубахи худую кадыкастую шею, ждал, но не дождался ответа. Заговорил сам:

– Упё-ёрлись! Сколько же можно пятиться? Некуда больше! Эвон! – кивнул на стену. На ней висела карта СССР, густо утыканная по линии фронтов самодельными красными и синими флажками. Осип Иванович прошелся пальцами по красным, каждый придавил, будто приказал – стоять и ни с места! Флажки кольцом подступили к алой башне Кремля с надписью: «Москва». Осип Иванович отвернулся от карты к Удодову. Тот опустил глаза, вздохнул.

Дымокур кашлянул в кулак и как о решенном деле высказался:

– Ни сёдня-завтра Москву сдадим.

Осип Иванович отшатнулся от него, как от огня.

– Сду-урел! – выдохнул он, и на обветренном лице запрыгали желваки. Он вновь пробежал пальцами по красным флажкам карты, всаживая их донельзя. – Всё! Предел!

Дымокур с сочувствием, как посвящённый на не ведающего большой тайны, смотрел на него.

– Ты, Оха, стратегию ни хрена не понимаешь. – Он поморгал на карту. – Наполеёна припомни.

– Ну, припомнил, и что?

– А то, что и над Гитлером ту же комбинацию проделают. Народ весь как есть уйдёт, магазины повывезут. Тоже с дровами, топливом всяким, ни оставят ни полена, ни хрена, кумекаешь? А оголодают они, ознобятся, – вша заест, тиф начнёт косить. По стратегии.

– А чё имя в Москве рассиживаться, вшу кормить да с голоду пухнуть? Как же! – кричал Осип Иванович, посверкивая мокрыми от обиды глазами – Они дальше попрут без остановки! На Урал! Тогда им полный разгул!

– А не попрут! – Дымокур многозначительно подмигнул, выдержал паузу. – Не попрут, в этом-то и сплошной секрет. Дальше имя заслон кутузовский выставят, будьте любезные. Сидите, голодуйте, хотите – сами себя ешьте. Кто вживе останется, тот, значит, в плен советский шагом марш. Понял теперь стратегию?

– Всё это хреновина твоя, а не стратегия! На кой пёс за Москвой его ставить, твой заслон! Вот он, стоит уже. – Осип Иванович с треском провёл ногтем по карте, надвинулся на Дымокура. – Москву сдавать не смей, Филипп! Вот он, япошка, только того и ждёт, сразу пойдёт на нас, это всякому ваньке-китайцу известно. Ведь понимаешь, а чего выдумываешь? Сдадут... Вот сдадут тебя за болтовню на казённый харч, чтоб на вошь не надеялся!

– Не шуми, Оха, правда твоя. Я ведь зачем всё такое наворачиваю?.. Чтoб сглазу не случилось, чтоб стояли насмерть без помешки. Стратегия умственная, как не понимаешь?

Довольный Дымокур решил перекурить этот больной разговор. Оторвал клочок газетки, зажал в губах и стал разворачивать кишку кожаного кисета.

Спор Котька слушал, стеснив дыхание. И только теперь, когда отец категорически отвёл от Москвы беду, он расслабился, пересел на порожек и откинул голову на косяк. Мать за прялкой потупилась, сидела, мёртво опустив руки, будто отодвинулась от жизни. С пальца свисал оборванный конец пряжи, веретено острым концом смиренно торчало из кастрюльки.

Осип Иванович взял у Дымокура кисет, начал готовить «козью ножку». Пальцы его подрагивали.

– Стратег, язви его, выискался. Прямо вылитый маршал Будённый, а не Удодов, ёс-кан-дос, сидит тут, покуривает. Ты газеты не только раскуривай, а и почитывай иногда. Радио слушай, не паникуй.

Филипп Семёнович согласно кивал, видно было, сам на сто рядов передумал то же, а что сомнительное ввернул, так это нарочно, чтоб выслушать обратное и душой успокоиться.

– Ты, Оха, грамотный, всё верно обозначаешь. И немцу холку намнём. Я своим на фронт так и написал: «Сукины вы сыны, Паха с Яхой, раз пятитесь. Боевой орден позорите, что семейству удодовскому назначен!» – Дымокур поднял глаза на карту. – Видать, пробрало, упёрлись как следоват.

– Я сынов не стыдил! – жестко сказал Осип Иванович. – Ведь он, подлец, всю Европу на нас толкнул, на сынов наших. А ты – орден, так вас и разэтак, сукины сыны...

Орденом боевого Красного Знамени, о котором упомянул Филипп Семёнович, был награждён брат его за штурм Июнь-Кораня, по иному – Волочаевки. Брат поднял залегших под огнём на голом поле бойцов, первым ворвался на вершину сопки. Изувеченный в этом бою японской гранатой, он прожил мало. Филипп рассудил так: раз оба в одном бою были рядом, к тому же и сам получил ранение в ногу, значит, право на орден имеет. И стал привинчивать его к пиджаку. Его слегка стыдили, посмеивались, а изъять орден никак было нельзя: выдан с правом хранения в семье. Отступились от Удодова: партизанил, ранен, ну и ладно, пусть носит на здоровье. Орден красивый, что его от народа прятать?

Старики выговорились, сидели молча. Вкрадчиво постукивали настенные ходики, туда-сюда бегали глаза на морде нарисованной поверх циферблата кошки. В доме было тихо и оттого тревожно.

– От твоих ребят письма исправно ходят? – наслонив языком самокрутку, спросил Дымокур. Осип Иванович, втягивая щёки, раскуривал свою «козью ножку», что-то мычал в ответ.

– Неделю уж нет, – тихо ответила за него Устинья Егоровна.

Осип Иванович тихонько сплюнул в ладонь крошки самосада, посмотрел на неё сквозь табачный дым.

– Напишут, мать. Сейчас им, поди, не до писем.

Не прерывая работы, мать смахнула со щеки слезу, тут же снова подхватила веретено, крутнула, вытягивая нить.

– Жалко Вальховскую. Одна радость была – Володя. – Устинья Егоровна тяжело вздохнула. – Бабку б ей какую подыскать, чтоб голову выправили, раз врачи не могут.

– Не-е. – Удодов прикрыл глаза, замотал головой. – Это ж каким снадобьем-лекарством память о Володьке из сердца вышибить? Да и грех это, из материнского-то. Вишь, какая выходит сплошная связь.

Устинья Егоровна щёпотью покидала на грудь крестики, шепнула: «Обнеси, Господи!». Котька удивлённо уставился на неё, знал по рассказам, как мать в тридцать втором, после смерти дочери от голода, все иконы выставила в чулан. Свекровь бросилась было вызволять святое семейство, но крепкая тогда ещё Устинья выперла её грудью из чулана, отрубил: «Нет никакого Спасителя, мамаша! Как не просили, а много он тебе и мне помог? Раз слепой да глухой, пусть в чулане сидит, глаза не мозолит».

Не знал Котька другого: как только остановили немцев под Москвой, Устинья Егоровна и все поселковые старухи толпой двинулись к бывшему священнику, теперь фотографу, загребли с собой и отслужил он по всем правилам молебен во славу русского оружия на паперти Спасской церкви, занятой под нужды спичечной фабрики.

И снова старики молчали, но видно было – думают они об одном. То Удодов, то Осип Иванович бросит короткий взгляд на карту, словно проверяет – на месте ли красные флажки, не изменилось ли чего в их извилистом строе.

– Да-а, механики у него – жуткое дело сколько! – с завистью проговорил Удодов, обряжая в это «его» всех немцев с их Гитлером и со всеми союзниками.

– Долго готовился, подлец, накопил, – сквозь зубы подтвердил Осип Иванович.

Дымокур матюгнулся, покосился на Котьку, дескать, чего сидишь, уши развесил, поговорить путём нельзя. Вытягивая ногу, пробороздил катанком по полу, сунул было руку в карман за кисетом, но передумал: в кухне накурено, хоть коромысло вешай.

– Слыхал небось, что утром репродуктор сказывал? – Он поднял палец, погрозил кому-то там, наверху. – За единый день только еропланов ихних сшибли девяносто штук! Мать честная, это чё же там дется страшное...

Дымокур вспомнил, что Серёга Костромин как раз на самолётах воюет, но как перевести разговор, не знал, а сделать это как-то половчее надо было.

– Или вот танков тыщу наворочали. Эт-га сколько жалеца надо...

И снова запнулся, закрутил лысиной, казня себя, что совсем не то брякает. Ведь большой Костя танкист.

Осип Иванович с укором глядел на Удодова. Ведь знает же, что и сводки Совинформбюро Осип Иванович слушает, прикрутив штырёк до самой ничтожной слышимости, а на просьбу жены включить погромче отвечает: радио испорчено, барахлит. Устинья Егоровна слушала его и горестно кивала, знала – врёт как сивый мерин, её жалеет. Рассматривала флажки, когда он отлучался, знала – флажки переставляет точно.

– Я к вам чо забежал-то. А вот чо, – начал наконец о деле Удодов. – Мне от фабрики поручили создать типа артели охотничьей. Чтоб, это самое, мяско в столовой было, рабочих посытнее кормить. Просили кандитуры назвать, а каво? Воюют кандитуры. Вот ты да я – и все охотники. А чо? Стрелок ты добрый, ноги ещё носят. Вот и сыты будем, и пьяны, и нос в табаке. Однако... Есть одна закавыка.

Он кивнул на Котьку, дескать, пусть бы шёл куда, раз собрался. Не для ушей ребячьих разговор будет. Осип Иванович засуетился, молодо завзблескивали глаза, даже спину распрямил. Устинья Егоровна оставила прялку и так смотрела на него, будто крикнуть готовилась, мол, что ты, отец, соглашайся скорее, ведь дело-то какое подворачивается, счастьем назвать мало.

– Пойду, Нелю встречу, – буркнул Костя, хотя уходить не хотелось, зудило узнать, что там у них за разговор пойдёт про охоту.

Метель разгуливала вовсю. Ветер подхватывал снег, завинчивал белыми столбами, и столбы шарахались вдоль улицы, расшибались о заплоты, белой пылью уносились в темень переулков. Обмёрзшие окна домов оранжевыми лафтами сквозили в снежной кутерьме. Ветер затолкал Котьку за угол дома, и он прижался спиной к толстому тополю, решил в затишке подождать, всё равно кино, наверное, кончилось и народ начнёт разбегаться по домам. За стволом не дуло, не секло снегом. Спиной чувствуя бугристую кору тополя, вспомнил, как стоял тут осенью, совсем недавно, а кажется, давным-давно.

В тот день буханье оркестра свалилось с горы на берег Амура, насторожило рыбачивших парнишек. Они тянули шеи и удивлёнными глазами бегали по угору. Кто-то свистнул, и все дружно сорвались с мест. Пузыря рубашонками, обгоняя друг друга, весёлой стайкой ворва-

лись в посёлок. Народу, всё больше женщин, высыпало на главную улицу непривычно много. В мирные-то дни духовая музыка была в диковину, а теперь... И хлынул народ узнать, по какому случаю торжество. Кто кричал: «Конец войне!», кто: «Перемирие!», другие, наоборот: «Американцы второй фронт открыли».

Гром оркестра наплывал, глушил выкрики. Подскочил Ванька Удодов, проорал в самое ухо:

– Ты понял цё? Сталин вызвал Гитлера на кулачки, чтоб кто кого, и баста! Да ка-а-ак взгляздил в косицу. И уби-и-ил! А фрицы струхнули без хюрера и в Германию упендюрили! Моряки в город идут, парад будет!

– Ура-а! – вопил Котька, глядя на дорогу, что вела с базы Краснознамённой Амурской флотилии в их посёлок, дальше – к товарной станции у железнодорожного моста и ещё дальше – в город. Чёрный поток медленно сплывал с пологой горы. Весело взблескивало, гремело и ухало в голове потока. Красным и сине-белым рябило над бескозырками от развёрнутых на ветру знамён. Голова колонны – по четверо в ряд – уже шагала поселковой улицей, а хвост её всё ещё был откинут за гору.

Матросы шли в бушлатах, винтовки несли дулами вниз, широкие клёши мели дорогу, ленты бескозырок траурными концами захлёстывали суровые лица. Нестройный их хор вторил оркестру:

Даль-не-восточная,
Смелее в бой!
Красно-зна-мённая,
Даёшь отпор —

требовали матросы. Сквозь многоголосый рёв еле-еле пробивались испуганные охи мощного барабана. На забор за спиной Котьки взлетел радужнопёрый петух Матрёны Скоровой, соседки Костроминых, отчаянный горлопан и топтун. Ошалело дёргая выщипанной шеей, он широко распахивал желтый клюв, но крика его не было слышно, только маячил острый язычок да от натуги накатывали на глаза голубые веки.

Над колонной неподвижно висела красноватая пыль, над ней далеко и редко стили в тихом осеннем небе серебристо-зелёные колбасы аэростатов. Даже голуби не кувыркались над посёлком, а стайки воробьёв серыми комочками жались по карнизам. Впереди оркестра метался вислоухий неместный щенок, потом отпрыгнул на обочину, сел на обрубленный хвост и вытянул вверх беззвучную морду.

– Глянь! – подтолкнул Ванька. – Вика с тёткой идёт!

Марина Вальховская семенила сбоку колонны, ухватив рукой полу бушлата молоденького матроса. На одном плече матрос нёс винтовку, на другом висела гитара. Это был Володя, сын Марины Петровны, год назад призванный на службу. Вика приехала недавно и видела двоюродного брата впервые. Она забежала так, чтоб рассмотреть его получше, что-то кричала ему. Володя растерянно улыбался сестре, мягонько отдирая руку матери от полы бушлата, сам косился на политрука. Тот бежал вдоль колонны, отсекая от уставной стены чёрных бушлатов женские душегрейки, платки, береты. Внезапно оркестр смолк, и голос политрука, настроенный на перекрик грома, прозвучал пронзительно-строго: «...оинская часть вам не табор!»

Политрук нёсся в хвост колонны, то и дело отмахивая на спину новенькую планшетку. Она упрямо сползала вперёд, била его по коленкам. Низко подвешенный сзади наган болтался за ним на отлёте. Политрук устал, из-под фуражки с золотым крабом тёк по лбу пот, топил озабоченные непорядком глаза.

– Граждане! – призывал он. – Военнослужащие напишут вам с места! Какие разговоры в походном строю, не положено!

Разваливая по сторонам клубы пыли, сбоку колонны юркнула чёрная «эмка», остановилась. Пожилой моряк с лесенкой золотых шевронов на рукаве кителя крикнул:

– Младший политрук! – и подбежавшему политруку тихо, вразумляюще: – Ну что вы так-то? База и посёлок соседствуют, вот и завели невест, жён, вот и провожают, и правильно делают. По жизни всё правильно, поняли?

Усталый политрук козырнул, проводил «эмку» повеселевшими глазами, и сразу стал как все тут – свой, дорогой. Почувствовав перемену к нему в настроении окружающих, голосом, освобождённым от уставных нот, разрешил:

– Провожай, но не втискивайся в строй, гражданочки! – И чуть построжав: – Ждите со скорой победой! Папаши, не посраим ваших заслуженных седин!..

И зашагал широко и вольно в ногу с колонной.

Рядом с Котькой под тополем скопилось много народа. Старухи крестили проходящие враскачку шеренги, деды курили, хмуро глядели из-под козырьков, будто сравнивали войско с тем, другим, давним, в котором сами шагали вот так же когда-то. Приписная к военкоматам молодёжь перемигивалась, подталкивала друг друга локтями. Уж не было разговоров о конце войны, о параде. Они поначалу выплеснулись, ликуя, но быстро сникли и завяли, как вянет трава, выползшая не в пору по ранней весне, по неверному ещё теплу.

Не скоро хвост колонны пропылил посёлком, втягиваясь на исполосованную рельсами, пропахшую мазутом и освистанную паровозами сортировочную. Котька сунул удочки под крыльцо, влетел в пустую избу, плюхнул связку чебаков в тазик с водой и бросился догонять мальчишечью ораву. Парнишки пристраивались к матросам, усердно подбирали ногу, кое-кто форсил в бескозырке – матросы на ходу набрасывали их на выгоревшие от солнца головы ребятам, как бы приравнивая их к себе.

Бригада рассаживалась по теплушкам. Вдоль вагонов бегали, хлопая клёшами, плечистые военморы, на манер революционных моряков перепоясанные пулемётными лентами. Из вагона-камбуза кок в белом колпаке и переднике раздавал старшинам лужёные бачки.

– За обедом на следующей станции, – каждому наказывал он и бросал в бачок поварёшку.

Сновали улыбчивые медсёстры в синих беретах на кудряшках, в облегающих, будто приутюженных к телу, юбках и синих форменках. Сбоку у них болтались тугие брезентовые сумки с кровавыми крестами в белом круге. Огромный старшина с нашивками комендора выкрикивал из теплушки:

– Первая часть Лунёва!.. Где Лунёв?

– На бранавахте Лунёв!

– У него на шее подружка якорем!

Матросы смеялись. Комендор сдвинул бескозырку с огненного чуба на печальные глаза:

– Добро. Подменяет вахта Климшина. Где Климшин?

– Есть!..

С крыши вагона заиграл горнист. Ребятишки пялили на него завистливые глаза, шушукались. Юнга-горнист был одного с ними возраста, но шёл со взрослыми на настоящую войну в ладно подогнанной форме, с маленькой кобурой на флотском ремне. Он был для них мечтой недостижимой, героем был.

Увидев в толпе Котьку, Ванька Удодов пробрался к нему, заорал, растягивая ворот рубахи:

– Вида-ал?

Заветная, сине-белыми полосками скалилась из прорехи флотская тельняшка. Удод успел, выщигавил её у кого-то, напялил и ошалел от счастья. Откуда-то вывернулся тщедушный Вася Ходя и тоже завистливо вытаращился на полоски.

– Не чухайтесь, ребя! – Удод притянул их головы к своей. – У кого дома водка есть или какая бражка – тащите. Флотские за четушку ремень с бляхой отвялят или тельняху. Беги,

Ходя, не стой. От твоего батьки остался чан с самогонкой, в подполье зарыт, я знаю. Ташши, потом с тобой расшитаемся. И ты беги, Котька.

Васька Чи Фу, по прозвищу Ходя, боготворил Удоду, всюду шлялся за ним, хоть и получал от него всевозможные обидные клички и на всякую откликнулся с готовностью. Может, потому они не прилипали к нему надолго. Мать у него русская, а отец – кореец-зеленщик. Самые ранние огурцы и редиски были у Чи Фу. Отец с корзиной на прямом коромысле вечно раскачивался тощей фигурой по улицам, нараспев предлагая отборный товар. Поселковые плохо покупали его овощи, хотя и стоили они грош. Знали, от каких-таких удобрений редиска на грядках прёт в кулак, а огурцы в скалку. Поэтому старик слонялся по городу или по базе флота, где всё шло нарасхват. С началом войны зеленщика куда-то увезли. Васька остался с матерью. Из Чи Фу он стал Чифуновым, вполне русским, хотя русские слова упорно коверкал по-отцовски.

И сейчас на приказание Удоды он с готовностью задёргал головой.

– Чичаза моя скоро! – пообещал он, посверкивая плоскими, косо отчёркнутыми к вискам глазками, и сорвался с места. Котька приударил следом и вскоре взлетел на ступени высокого крыльца, рванул дверь. К нему, заполошно прыгнувшему в избу, повернулось испуганно несколько старух, сидящих за кухонным столом. Они собрались у Устиньи Егоровны пошвыркать чаёк, пошептаться. Всякая принесла с собой в платочке сахарку, кусочек хлебца, а кто и чаю шёпот. В каком теперь дому попотчуют, как прежде, «чем Бог послал»? А со своим – хозяйке не в тягость, подавай кипятка и – полное удовольствие.

– Каво стряслось? – Мать привстала с табуретки, пытливо вглядываясь в потное лицо Котьки. А он заворожено смотрел на стол. На нём стояла четвертинка водки, заткнутая газетным катышком. Старухи выставили её для поддержания обычая. Пускай не родные сыны прошли посёлком на фронт, всё равно там своим поможет и убережёт соблюденный матерями обычай – провожать в путь-дорогу горькой чарочкой. И стояла четвертинка распчатой в окружении гранёных стопочек старого стекла с радужной побежалостью, обещанием свидания светилась.

– Отдадут, не отдадут? – гадал Котька, оглядывая старух, и не удивился, увидев среди них соседку Матрёну Скорову, большую ругательницу, вечно враждующую со всеми – вместе с войной утихла всякая вражда и ссоры.

– Ты чё такой? – тихо спросила Устинья Егоровна, и Котька понял – бежал зря.

– Чегушку надо, – сказал он, опустив голову. – Флотские за неё тельняшку дадут.

Всё поняли старухи. Лица их вытянулись, стали суровыми, точь-в-точь как на тех иконах, что видел Котька в притворе бывшей церкви. Сваленные в угол, иконы строго смотрели из полутьмы на мальчишек и не то грозили сложенными пальцами, не то просили: «Тиш-ше». Такие же лица были теперь и у поселковых старух.

– Ах ты, Господи! – Устинья Егоровна колыхнула руками, пальцы её смяли, зажали фартук, быстро закарабкались по груди и замерли у горла.

– Чё удумал-то, окаянная твоя душа? – каким-то дальним голосом, севшим до шёпота от стыда, выговорила она и обронила подол фартука. – Парни на зиму глядя воевать идут, а ты...

Мать захватала со стола стопочки и под одобрительный гомон старух начала сливать их тряской рукой в четвертинку.

– Ты имя просто так поднеси. – Она протянула посудинку. – А то грех-то какой удумал, идол такой, гре-ех!

– Оборони Бог! – закрестились старухи.

Устинья Егоровна подтолкнула сникшего Котьку к двери.

– Беги, поднеси на дорожку, да ещё поклонись имя.

Старухи за столом чинно закивали. Котька выбежал из дома. Вслед ему донеслось:

– Попробуй заявиться в зебре, отец тебя!..

Эшелон отходил. На путях не было ни одного матроса. Откатив в стороны тяжелые створки теплушек, они густо стояли в проёмах, висели на заградительных брусках, трясли протянутые к ним руки, тискали растрёпанные головы девушек, целовали в зарёванные глаза, деланно смеялись, громко и невпопад. Уши девчонок были зажаты жениховыми ладонями, они ничего толком не слышали, но тоже улыбались опухшими губами, выкрикивали что-то своё.

Свесив из теплушки ноги, чернявый матрос рвал на коленях старенькую гармошку-хромку, серьёзно орал в лицо окаменевшей подруге:

Не ревнуй ты, дорогая,
Ревновать неловко!
У меня теперь милая —
Меткая винтовка!

Взвизгивала, хрюкала гармошка, малиново выпячивая ребристый бок. Топталась у теплушки весёлая вдовушка Катя Поцелуева.

— Куда вы, мальчишечки? — озорно кричала она. — Оборону от япошек мы тут держать станем, бабы, что ли?

И сыпанула стёсанными каблуками туфель по утрамбованному, заляпанному мазутом гравию дробь чечётки. Белые кисти камчатой шали припадочно хлестались на груди о чёрный бархат жилетки.

Пригревает солнце бок,
Разыгралось солнце.
Смотрят немцы на Восток,
Видно ждут японца.

Частила она, откинув голову и ладно пристроив голос к гармошке. Ноги выделявали такого чёрта, аж брызгали из-под каблуков камешки и пулями шелкали по рельсе.

Котька протискался к теплушке на огненный чуб. Старшина с нашивками комендора стоял, касаясь головой проёма, и хмуро смотрел вдаль поверх бескозырок. Никто не кричал ему последних напутствий, не обнимал.

— Дядя-а! — пробил сквозь гомон свой голос Котька. — Возьми на дорожку, мамка просила!.. Дядя-я!

Всполошно заголосил паровоз, эшелон дёрнулся, заклацал буферами, и людской рёв ударил прибоем. Котька пошёл рядом с теплушкой, натываясь на женщин, подныривая под руками.

— Это тебе, дядя-а! — вопил он, протягивая четвертинку. — Возвращайтесь скорее!

Комендор смотрел на него недоумённо, хмурил брови, ничего не разбирая из-за шума.

— Да что же вы, берите! — надрывался Котька. — Возвращайтесь, я вас встречать стану-у!..

Комендор потыкал пальцем в Котьку, потом себя в грудь и начал суматошно расталкивать флотских.

— Раздайся, братва! — сияя, требовал он. — Мой салажонок! Меня провожает!

Он дотронулся до четвертинки, взял и не глядя сунул её назад кому-то. Тут же стащил с головы бескозырку и завозился над ней.

— Братанам Серёже с Костей привет передайте! — прибавляя шаг за набирающей ход теплушкой, наказывал Котька, совсем не думая, знает матрос их или не знает. Раз на фронт едет — встретятся.

Комендор кивал огненной головой, потом протянул ему загорелую руку с синим накрапом татуировки. В пальцах его на ветру полоскалась чёрная ленточка.

– Держи, братка! – Он подмигнул мокрым глазом. – Большим вырастай, понял? Учись как следует, понял? Серёга, говоришь? Костя? Переда-ам!

Котька отставал. Уже издали донеслось:

– Носи и помни, братишка-а-а!

На фронт Котька провожал впервые. Братья призывались на службу до войны, и отъезд их был радостен. Теперь провожание было не то...

Всё дальше убежал эшелон, увозил чужого человека, а казалось, брата, большого и доброго, увозил. Сквозь слёзы глядел Котька на ленточку, читал золотом оттиснутые, чёткие, но ставшие расплывчатыми буквы:

– М-о-н-г-о-л, – шевелил он губами. – К-А-Ф.

«Мать поклониться велела!» – вспомнил только теперь и вслед последней теплушке, которую раскачивало и бросало на стыках, поклонился поясно раз, другой, неумело и быстро.

– Цё, наколол тебя флотский? – коршуном налетел Ванька Удодов. – Я же ботал вам – мне несите. Я бы не продешевил, будь спок. А он бегит, бегит, суёт им на ходу, фраер. Радуйся, что хоть ленту отвалили, а могли бы во-о! Глянь, мне за так дали, уметь надо, рохля.

Ванька выпятил пузо, опоясанное чёрным ремнём с латунной якористой бляхой. И столько было в глазах и позе Удоды презрения к нему, рохле, что Котька, не думая, что с ним сделает Ванька, ударил его в лоб. Удод попятился и, не успев разозлиться, удивлённо смотрел на маленького ростом Котьку.

– Ты цё, шпана, сдурел? – цедил он сквозь зубы. – Я вам советую бэрэчь свои патреты!

– Бляху сканючил и вылупаешься! – оцетинился Котька. – Барыга ты, вот кто! – Он сплюнул и зашагал через рельсы к дому, плотным бочонком скатывая флотскую ленту с надписью «Монгол».

Этот монитор-плавбатарею Амурской краснознамённой флотилии знали мальчишки всего города и предместий. Широкий, он, как утюг, буровил Амур и протоки. Ещё издали завед его, они весело сыпали в воду, и то-то было радости, когда мощная волна подхватывала ребятню и, взгромоздив на вспененную горбину, мчала к берегу, на котором сустились мужики, выволакивая на сушу лёгкие лодчонки. Котьке подумалось, что «Монгол» и другие корабли поставят к пирсу на базе флотилии и они будут стоять, ждать, когда матросы отвоюют с фашистами и вернутся назад. Он подумал так, не ведая, как не ведали сами матросы, что сюда они больше никогда не вернутся. На смену им из учебных экипажей придут на базу другие, пополнят поредевшие команды, и корабли как ни в чём не бывало будут по-прежнему накатывать на берега жёлтые волны. А эти, умчавшие к Москве в расшатанных теплушках, поднимутся в атаку, пойдут стенкой во весь рост, надвинув на брови бескозырки, и густо-густо испятнают подмосковный снег чёрными бушлатами. И будет пламенеть на снегу кистью рябины тугой чуб старшины-комендора, пока не заметут его метели.

У пожарного сарая на Котьку налетел Ходя с прижатой к груди бутылкой. Сквозь плохо заткнутую пробку сочился самогон, воняло жженой картошкой.

– Мала-мала шибко опоздала, – хныкал он. – Ой, Ванька Удоды сюда ходи!

Подбежал Удод, полоснул взглядом по Котьке, заорал на Ходю:

– Пригрёб! Здрасьте! А они – ту-ту, тебя не подождали! Эх, сколько бы добра наменяли. Всё равно, давай!

Он выхватил из рук Ходя бутылку и тут же быстро присел, прячась от кого-то за Котькиной спиной, – к ним подходила Вальховская, вернее, её вела под руку Вика, а та только переставляла ноги, как после тяжелой болезни.

Ребята посторонились.

– Как вы быстро вырастаете, мальчики. – Учительница посмотрела на них грустными ярко-кариыми глазами и, не дожидаясь ответа, пошла, опираясь на племянницу.

– По Володьке убивается, – закривил губами Удод, как только те отошли подальше.

– А ты зачем меня ударил? – Он развернул Котьку к себе. – Шпрехен зи дойч захотел?.. Ну да ладно. Чумной ты какой-то сегодня, вот и жалею. Четушку за так отдал, вагонам кланялся. И чой-то все такие стали? Вот и учителька, и девок сколько обезумело. Подумаешь, на фронт поехали! Да я бы хоть сейчас туда рванул. И рвану!

– Тут скоро фронт будет.

Удод с презрением оглядел Котьку, ответил:

– Это с япошками-то? Да ты с ними один справишься, а я фрицев поеду кромсать... Ну вот что, ребя. Надо на проводинах обязательно выпить, за братьев, за фронтовиков. Айда в сарай! Не дрейфь, никто не узнает.

Двое красноармейцев вели к зданию железнодорожной охраны человека в военной форме. Передний часто оборачивался, задний не сводил с задержанного глаз.

– Опять диверсанта попутали, – как о чём-то обыденном сообщил Ванька. – Слыхали – мину у самого моста захватили?

– Так это ж неделю назад было. – Котьке показалось, что он где-то видел этого человека, правда, в гражданском.

– Плывёт себе дохлая корова под мост, корова-то внутри пустая, воздухом накачана, а внутри мина. – Удод цыкнул сквозь зубы. – А если бы та чучела в опору – и нет моста. И эшелон бы не ушел... Ну, айда! Уставились, не видели шпиёнов, чё ли?

Он первым, за ним Ходя вошли в сарай. Удод облюбовал местечко на ящике, возле ручного насоса. Удод по-хозяйски надвинул на ящик крышку, хлопнул по ней ладонью и выставил бутылку. Котька разглядывал насос, оглаживая пузатые бока позеленевших цилиндров. Попробовал качнуть. Навалился грудью на деревянную ручку, подогнул ноги. Насос всхрапнул, несмазанно заскрипел. Под высоким потолком запорхали воробьи, юркнули в ясный прогал двери.

– Щя-а! – прикрикнул Удод. – Пожарники прибегут, пинкарей схватим.

Уселись на ящике вокруг бутылки. Котька никогда ещё, даже на язык, не пробовал вина. Было любопытно сделать глоток, но как без закуски-то, ведь положено хоть корочку нюхнуть, как мужики делают.

– Ну так что ж! – Удод решительно вынул пробку, аккуратно положил рядом с собой. – Начинай, Ходя, твоя выпивка. Скажи, что полагается, и пей не жалея.

Ходя держал бутылку обеими руками, испуганно таращился на Ваньку.

– Чё говорить нада? – шепотом спросил он и шмыгнул носом.

– Как чё?.. Ну. – Удод широко развёл руками. – Будем здоровеньки, чтоб не кашляли. Ещё это... не дай бог, последнюю. Валяй.

– За фронтовиков пить договаривались, за братьев, – вмешался Котька. – За проводины.

– Ты знаешь цё? «Не дай бог, последнюю» фронтовиков ещё как касается, понял, – огрызнулся Удод. – Пей, Ходя, за братьев, хоть ты и одиночка.

– За блатков! – пискнул Ходя и отчаянно сделал глоток. Глаза его округлились, Ходя мыкнул, отбежал в угол, и его стошнило.

– Вишь, какую отраву батька его гнал? Не за то ли и забарабали? – Ванька заткнул горлышко бутылки пальцем, взболтнул.

– Так, может, лучше пойдёт. Пей, Котька.

Котька взял бутылку, закрыл глаза и сказал:

– Пусть наших братьев, да и всех наших, пуля боится и штык не берёт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.